

АТатьяна Люшина

Коллекция
бывших мужей

Annotation

Проснувшись как-то утром, Кира обнаружила в собственной гостиной труп своего бывшего мужа, продолжительность брака с которым составляла чуть больше двух недель. Абсурднее ситуации не придумаешь, но судьба иногда оказывается весьма изобретательной, и Кире предстоит получить еще немало сюрпризов, не самым приятным из которых станет тесное общение со следственными органами и приезд ее первого бывшего мужа.

- [Татьяна Алюшина](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Татьяна Алюшина

Коллекция бывших мужей

Светлой памяти моей бесконечно любимой мамочки посвящается.

Утро было недобрым.

Настолько, что хотелось от всей широты души пожелать просыпаться таким вот образом моим врагам, но даже им не каждый день, не настолько уж я кровожадна.

Врагов у меня не имелось, по крайней мере явных, о которых бы мне было доподлинно известно, поэтому посыл остался без конкретного адресата и пропал попусту.

О господи, как же хреново-то!

Лучше бы совсем не просыпаться!

Болело абсолютно все, даже не болело, а ныло эдаким нудным стоном-жалобой, и еще эта дикая слабость, какая-то такая безысходная, словно размазывающая меня по поверхности кровати, а заодно и по жизни как таковой.

О-й-й-й... Чтоб тебя...

И за каким, скажите на милость, я проснулась? Ведь так хорошо спала, практически в беспамятстве!

А проснулась я от жажды. Серьезной, солидной жажды до склеивания и высушивания всех внутренностей.

— Надо встать, — прокаркала я севшим голосом.

И осмотрелась, в удивлении обзревая свою спальню — я ли это вообще произнесла, настолько чужим показался мне собственный голос.

А вот проявление такого активного любопытства было крайне опрометчиво! Не надо было головушкой-то крутить, ой, не надо! В ней, в смысле в голове, родимой, что-то ощутило сместилось, булькнуло, выстрелило острыми иглами в разные стороны и растеклось по черепушке приступом боли.

— О-й-й-й, ё!.. — простонала я и ухватила за головушку многострадальную обеими руками.

За что ж мне такое наказание-то, а? Ладно бы напилась накануне в хлам распоследний до тяжелой формы алкогольной абстиненции —

понятны оказались бы столь плачевные последствия, да и не так обидно, к тому же честное признание самого факта, что страдаю и расплачиваюсь я за дело и полученное накануне удовольствие, примиряло бы с трудной действительностью поутру! Но полбокала шампанского — и такая вот фигня!.. Это, знаете ли, не просто обидно, это какая-то мировая несправедливость!

Ладно, хватить ныть, успею еще, а вставать все же требуется — помимо жажды явственно заявила о себе и другая, ровно противоположная, но столь же жгучая насущная необходимость расстаться с невостребованной организмом жидкостью.

Мама дорогая, как же мне встать-то?

— Поэтапно, — посоветовала я себе чужим голосом.

И приступила к осуществлению рекомендаций.

Сопровождая каждое действие стоном, вялым поругиванием, жалобами на жизнь и судьбу-злодейку, я первым делом перевернулась на бок. Полежала, пережидая, когда закончится головокружение, вызванное этим нехитрым движением.

— И какого хрена я не осталась в больнице? — попеняла я себе ворчливо. — Лежала бы спокойненько в палате, кнопочку нажала, и сестричка какая медицинская, раз и прибежала с горшком. Или как эта фигня у них там называется?

Ну, вот не осталась, дурында этакая — домой, домой все рвалась, теперь обходись без кнопочки волшебной и доброй медсестрицы с белым горшком в руке.

Самостоятельно.

Так! А самостоятельно мы сейчас ножки с кровати спустим — и-и-и, ну-ка... Ну-ка, получилось не так бодро, как предполагалось, но ножки я таки спустила с кровати. Теперь предстояло более сложное действие с непредсказуемыми последствиями — сесть...

Я набралась храбрости, сколь могла, выдохнула и, придерживаясь за края кровати, перевела свое тельце из полугоризонтали в полувертикаль.

И пое-е-е-ехала моя головушка в путешествие, в мировое турне я бы сказала — вау-вау-вау — кружилась комната.

В голове стреляли иголки боли, во рту... — лучше даже не думать, что там у меня во рту творится, и не знать никому!

Кругоземка в голове постепенно закончилась, мне даже удалось разлепить глаза и пожелать себе мысленно успеха в следующем этапе — подъеме с кровати.

Вдохнув поглубже и жалобно-скорбно выдохнув, ухватившись одной

рукой за изголовье, второй за борт кровати, я, как та птица, набралась гордости и...

И, как ни удивительно, сумела подняться с первой же попытки!

О, как!

Чувствуя себя практически олимпийской чемпионкой, ну по крайней мере определенно героиней, я сделала первый пробный шаг к двери, и ничего — шагнула! В голове булькало и кололо, от слабости дрожали руки и ноги, подгибались колени, во рту... ну это лишнее — а таки шагнула!

И так вот шаг за шагом, буквально step, как говорится в нашем английском, bay, как говорится там же, step, понимаешь ли, я пошкандыбала вперед, придерживаясь за все подряд — стены, мебель, двери, по дороге пытаюсь определить, что в моих потребностях приоритетнее в данный исторический момент — пить или, пардоньте-с, наоборот.

Наоборот перевесило, к тому же туалет находился ближе, чем кухня по пути моего следования.

О! А там еще предстояла процедура усаживания на унитаз с последующим подниманием с него же! Тоже из разряда экстремальной утренней зарядки.

Но то ли я «расходилась» уже, то ли тельце немного приспособилось к действительности, начав свыкаться с ней — еще не смирилось, а пока только приспособлялось.

Оказавшись в кухне, я не бросилась пить, не вовремя остановленная воспоминанием о четких инструкциях и наставлениях доктора — пить как можно больше воды и вообще жидкости, а в первую утреннюю чашку, непременно теплую, добавить несколько капель лимонного сока.

Так — осмотрев от двери любимую кухню, подумала я и... развернувшись, отправилась в ванную чистить зубы — вливать в такой рот чистую воду мне казалось чистым кощунством и надругательством над организмом.

В зеркале над умывальником отразилась незнакомая дамочка со спутанными волосами, впавшими глазами с темными кругами вокруг них, пересохшими бледными губами и заострившимся носом и скулами.

Ужас какой, господа!!

Чур меня, чур!

В зеркало, старательно начищая зубы, я больше не смотрела.

Вот точно — расходилась как-то, раздвигалась, и уже чуть живей, чем ходячий труп, практически поспешила в кухню торопливым шарканьем, не забывая держаться за стены и мебель.

О, вода, да с лимончиком!! У-м-м!

Есть!! Есть-таки в жизни мгновения счастья!

Выпила две большущие кружки, испытывая наслаждение. Класс!!

Так — поставив пустую кружку на столешницу, поинтересовалась я мысленно у себя — и что дальше?

Душ! Ну, конечно, душ! Надо срочно смыть с себя всю эту слабость и вчерашние мытарства!

Сначала я просто стояла, упершись руками в стену и свесив несчастную головушку между ними, потеряв счет времени под горячими живительными струями воды, практически согласившись мысленно с тем, что существует в природе «живая» вода.

А потом все же отлепилась от стены, с большим трудом, но помылась и даже смогла, выбравшись из душа, высушить феном волосы — говорю же, чемпионка, героиня дня!

Но предательская слабость напомнила о себе, догнав, когда я вышла из ванной — под коленками вдруг стало зыбко и холодно, ножки задрожали и принялись непроизвольно подгибаться при каждом шаге, пришлось по стеночке, по стеночке, с передыханием дошкандыбать до кухни и рухнуть на стул у стола.

Я облокотилась на столешницу, свесив голову забубенную — тело мелко тряслось от накрывшего неожиданно и стремительно приступа слабости. Тряслось противно, мелко-мелко, безостановочно и как-то предательски, что ли? Вот ведь под горячим душем казалось, что жизнь наладилась, а тут эта слабость накатила, ну вот как так?

Тут мне весьма своевременно вспомнилась очередная рекомендация врача — крепкий, настоящий, лучше дорогого сорта, черный горячий чай и овсяная каша. На воде! Без сахара и без масла, только немного соли.

У меня есть прекрасная правильная до невозможности овсянка из пророщенных зерен!

Мне удалось уговорить себя подняться и заняться делом — ну, действительно, надо как-то заканчивать с этим дурацким состоянием!

И, что удивительно, пока я возилась с завтраком — варила кашу и делала себе чай, как-то на самом деле полегчало, а когда принялась есть, так и вовсе попустило ощущение.

— Не! — почти довольно похвалилась я, шумно отхлебывая душистый горячий чаек из своей любимой большой кружки. — Правильно сделала, что из больницы слиняла! Что нам та больница, дома-то как хорошо! — И вздохнув, как довольная бабулька, повторила: — Правильно!

— Ну, что, — закончив с чайком и кашей, почувствовав робкий прилив

сил, спросила я у себя куда как бодрее прежнего, я бы даже сказала: с большой долей оптимизма, — какие планы?

Сегодня планы могут быть только одни — отлеживаться, приходить в себя, пить как можно больше жидкости и восстанавливать здоровье, как настоятельно рекомендовал мне замечательный доктор Тарас Наумович Шабалин.

Ну, восстанавливать так восстанавливать — залягу с книжкой и ноутбуком в гостиной на любимом уютном диване на весь день — красота! Хоть телик смотри, щелкая каналами, хоть читай, хоть в сетях зависай, и все на законных основаниях — поправляем неожиданно и грубо подорванное здоровье.

Завтра тоже валяться буду — решила я! А что — отдыхать так отдыхать, набираться, так сказать сил, так набираться! Ничего, подчиненные справятся и без меня пару деньков. Им не впервой, а мне приятно.

Кстати, насчет подчиненных — надо бы их оповестить о неожиданном недомогании начальства. И я позвонила неизменному директору нашей сети и моей правой руке — Оксане Викторовне Истоминой, даме во всех смыслах выдающейся и необыкновенной.

— Доброе утро, Кира Андреевна, — чинно поздоровалась Оксана.

— Кому как, — не поделила ее оптимизма я.

Сообщила о своей болезни, не вдаваясь в подробности, каким именно образом ее получила, и уведомила о своем отсутствии в ближайшие два дня.

— Не беспокойтесь, Кира Андреевна, спокойно лечитесь и выздоравливайте. Вы же знаете, все будет в порядке, я прослежу, — четко пообещала она.

Вообще, Оксана Викторовна это отдельная тема — интереснейший человек и личность, и если она обещает, что за всем проследит, можно быть абсолютно уверенной: так и будет.

— Спасибо, Оксана Викторовна, — поблагодарила я искренне, но и расслабляться не дала. — Звоните, держите меня в курсе текущих дел.

— Обязательно, — пообещала повторно та и поинтересовалась, нужно ли мне что-нибудь.

А вот бог знает! Может, и нужно, я пока не соображу. Пообещала ей сообщить, если что понадобится, и с довольным сердцем отключилась.

Ну, что? Берем подушку, пледик кашемировый уютненький, книжонку — я недавно купила детективчик любимой писательницы, так за делами еще и не начала читать — вот в самый раз сейчас! И с удовольствием!

И что? — на диванчик! Хорошо!

Я распахнула дверь, сделала пару шагов в гостиную и... и словно налетела на невидимую стену — дернулась всем телом, мгновенно почувствовав, как холодная волна страха, пробежав по позвоночнику, ударила куда-то под колени, грудь одновременно ошпарило, как кипятком, а сердце, бухнув гулко, тяжело и быстро застучало. Я придушенно вякнула что-то нечленораздельное, расширенными глазами уставившись на незнакомого мужика, сидевшего в моем кресле...!!

На полноценный крик или какое высказывание в стиле «кто вы такой?» или «что вы тут делаете?», на худой конец более продуктивного «помогите!» сил у меня не обнаружилось.

ЭТО КТО ТАКОЙ?! И КАК ОН ТУТ...?! На самом-то деле!

Высокий, стройный мужик, скорее моложавый, чем возрастной, в дорогом костюме стального цвета, в великолепных ботинках от известного дизайнера, на лежавшей на подлокотнике левой руке из-под края рукава рубашки с золотой запонкой выглядывали явно настоящие швейцарские часы не менее известной во всем мире фирмы — богатый такой, упакованный дядечка.

А на его ослепительно белой, опять-таки повторяюсь: жутко дорогой рубашке, слева от дизайнерского галстука красовались две небольшие красные дырочки... — входные пулевые отверстия, вид которых вызывал большие сомнения в том, что он ответит на мои недоуменные горячие вопросы.

Может, он еще жив, трусливо подумалось мне, пока я с большим сомнением всматривалась в его бледное застывшее лицо.

— Эй! — позвала я мужика сдавленным сипом, кашлянула и добавила немного смелости в свои намерения: — Эй, мужчина, вы кто?

Мужик предсказуемо не ответил на мои слабые попытки установить контакт.

На кого-то он похож, подумалось вдруг мне? Что-то смутно знакомое, неуловимое?

Ладно, это пофиг, на кого он там похож, а вот жив ли, надо бы проверить.

— Ты что, сбрендил? — ругнулась я на себя сиплым шепотом. — Как проверить?

Как-как?! И идиоту понятно, что проверить можно только одним способом...

Как сказал Сенека: «В беде следует принимать опасные решения!» Я сейчас определенно в беде, а опасное решение... Это как раз подойти к

этому чуваку и что-то там на нем потрогать!

Бляха, как говорится, муха! Не хочу я его трогать!! И пошел этот Сенека вместе с этим мужиком, но...

Но я заставила себя сдвинуться с места и эдак сторожко, с замиранием и готовностью в любой момент сбежать, мелкими шажками подобралась к креслу, не сводя с лица незнакомца внимательного взгляда. Протянула медленно и нервно руку к его запястью и попробовала нащупать пульс...

Что там щупать — мужик был глухо и безнадежно мертв, причем уже несколько часов точно, поскольку успел остыть и стал... как бы это сказать: малогнувшимся, что ли.

Как-то все это слишком пугало своим натурализмом!

— И какого хрена я не осталась в больнице, а?! — пискнула я, жалея себя ужасно и желая прямо сейчас, в этот момент, оказаться в каком угодно месте, кроме собственной гостиной!

Именно сейчас до меня наконец с запозданием начало доходить истинное положение дел во всей своей очевидности — и вот тут-то меня накрыло с головой!! Догнало, можно сказать, полным осознанием!! Да еще как!!

До сих пор с трупами, так сказать «натюрель», мне не приходилось сталкиваться воочию, в теории, хотя и довольно обширной, а с трупами неизвестных чуваков в собственной квартире так и подавно!!

Мне вдруг стало жутко холодно, а потом резко жарко, и неожиданно я разозлилась... да так... что новизна впечатлений непроизвольно вырвалась из меня в непечатных выражениях, но от души:

— ...! Йо-о-о-о...дистый калий!! — проняло меня, но не удовлетворило суррогатом крепкого русского словечка, отводящего душу, и я добавила по полной программе: — Твою ж мать!!...!!

По-хорошему, надо было поорать, может, и повизжать, истерично прижимая ладошки к губам — так, чисто по-женски, по-бабьи, — психологи и просто знающие люди утверждают, что помогает при стрессе.

— А-а-а-а... — глухо, без огонька и задора на одной низкой ноте протянула я, поглядывая на мертвеца, даже не приблизившись к звонким верхним нотам настоящей добротной истерики.

И махнула рукой — не, это не наш метод — фигня. Визжать не стану — бесполезняк пытаться — никогда не умела и не стоит начинать. К тому же на меня, видимо, напал, как его там, этот... — ступор, наверное.

Или невидимо. Или не напал и обошлось? Или после экспрессивного высказывания меня попустило немного?

— Да господи, о чем я думаю?! — скривилась я от собственной

заторможенности и ерунды, которая лезла в голову, посмотрела повнимательней на мужика убиенного и задумчиво спросила молчаливого оппонента: — Кого же ты мне все-таки напоминаешь, удачливый ты наш? И как ты, черт тебя возьми, здесь вообще образовался?!

Хороший вопрос, неплохо бы найти кого-нибудь, кто дал бы на него доходчивый ответ.

А сейчас... Я тяжело вздохнула, доставая телефон, и проворчала:

— А сейчас неизбежное: звонок в полицию, — и набрала экстренный номер.

Что-то щелкало-переключалось в трубке, потом пошли длинные гудки, всего парочка штук, и мне ответили, четким мужским голосом уведомив, что я звоню в какой-то там общий центр или еще что, мне в тот момент непонятное, но таки в полицию, это мой мозг зафиксировал отчетливо. Затем в трубке представились и поинтересовались, что у меня произошло.

— У меня труп, — громко и тяжело вздохнув, призналась я.

— Где у вас труп? — почти нежно спросил человек на том конце.

— В моей квартире, — объяснила я и для ясности добавила: — В кресле.

— Кто-то из ваших родственников? — мягко задавал мне вопросы мужской голос.

— Нет.

— Из друзей или знакомых?

— Нет. Этого человека я не знаю.

Мужик помолчал пару секунд.

— Вы уверены, что человек умер, может, он потерял сознание и ему требуется помощь? — несколько подрастеряв спокойные и нежные интонации в голосе, более напряженно спросил он.

— Это вряд ли, — с сомнением еще разок глянув на мужика в кресле, ответила я. — Он уже холодный.

— То есть вы хотите сказать, что у вас в квартире умер совершенно неизвестный вам человек?

— Вы правильно меня поняли, — подтвердила я.

— И как он оказался у вас дома?

— Понятия не имею, — как на духу призналась я почти весело.

— Понятно, — произнес товарищ сухо и задал следующий вопрос: — Возможная причина смерти?

— Подозреваю, что две пули, грамм по девять, в область сердца.

Чувак в трубке явно сбился с доброжелательного терпеливого тона, помолчал, может, обдумывая, не спросить ли меня напрямую, не я ли

укокошила неизвестного гостя, но спросил он о другом:

— Кроме вас в квартире кто-то еще есть?

— Нет.

Удержавшись от прямого вопроса о моей причастности к убийству, мужчина дежурно спросил мой адрес и имя-фамилию. Затем уже совсем отстраненным тоном велел ждать оперативную группу, которая скоро приедет, и напомнил, чтобы я ничего не трогала.

Ну, это мы и сами не дураки, знаем. Да и что тут трогать?

И в свете этой новой свежей мысли я окинула уже осмысленным взглядом комнату.

Оказалось, что с выводами я поспешила — трогать было явно чего! Во-первых, на диване, возле которого стояло кресло с погибшим во цвете лет гражданином, лежал пистолет. А во-вторых, на журнальном столике стоял пузатый бокал с остатками недопитого коньяка, открытая бутылка дорогого коньяка, тарелка с фруктами, орехами и тарелка с нарезанным сыром.

Ни фига себе!! Что за номера такие?!

И тут до меня дошло окончательно и безысходно, что этот труп — тьфу, ты — мужик! Мужик, пока он еще не был трупом, каким-то образом оказался в моей квартире!! И судя по его одежде, он не по стенке лез, как ниндзя какой российского разлива, и не через окно входил!! И не один, а в паре с тем, кто в него стрелял!!

Да и эти их посиделки застольные, это что такое вообще?!

Что они вот так пришли спокойненько, как к себе домой, поляну нехитрую накрыли на моих тарелках и пили коньячок из моих рюмок — второй рюмки хоть и нет, но след от ее ножки явный имеется, видимо, пролил немного мимо бокала, и что они вот так сидели, что ли, и о чем-то беседовали?!

В МОЕМ ДОМЕ?!

Как в своем?! Кстати, никакого коньяка и этих фруктов-орехов у меня не было, да и сыра такого тоже!

И тут, забыв о своем тяжком недомогании и изматывающей слабости, я рванула с высокого старта в кухню и распахнула дверцу холодильника и...

Ох-ре-неть!! Вон кусок сыра НЕ МОЙ!

И фрукты разные в нескольких пакетах — тоже не мои!!

Да что ж такое творится-то, а?!

— Так, стоп! — сказала я себе самым своим жестким тоном и повторила: — Стоп!! Я сейчас все равно ничего не смогу понять и ни в чем не смогу разобраться. Пусть менты думают, это их работа, а мне надо... —

и словно пришла в себя, как опомнилась. — А что мне надо-то?

Для начала не мешало бы переодеться — сообразила я, осмотрев на себе домашний спортивный костюмчик. И причесаться. И привести себя хоть в какой-то божеский вид. Насколько мне известно, растянется вся эта бодяга с полицией на долгие часы. Надо бы подготовиться.

И еще хорошо бы чего-нибудь съесть — я когда сильно нервничаю, всегда есть хочу. И кофе бы выпила, наплевать, что доктор запретил.

Трупы находить у себя в гостиной мне тоже как-то никто не разрешал, а поди ж ты, вон сидит себе как ни в чем не бывало!

А я тут нервничать должна!

И я отправилась заниматься насущными делами.

Как ни странно, но полиция явилась довольно оперативно. Я только что и успела переодеться в джинсы и блузку, причесаться и стянуть волосы в хвост резинкой. Посмотрела на отражение в зеркало — темные круги под глазами не исчезли, и общий болезненный вид еще присутствовал некими намеками, но кожа немного порозовела, желтизна с висков сошла, и вообще я поживей как-то выглядеть стала, по крайней мере, значительно лучше мужика в гостиной.

Странно, но я поймала себя на мысли, что как-то не истерю и не переживаю по поводу смерти этого незнакомца, да и в общем и целом мертвец этот как таковой меня не особо-то и пугал — первую реакцию можно не принимать в расчет: тот страх и шок были следствием неожиданности.

В данный момент меня куда больше беспокоил и интересовал другой вопрос — какая падла (простите мне мой изысканный французский) шарилась так бесцеремонно в моем доме и с какой целью так злодейски в нем «нагадила»!!

От этих мыслей меня и отвлек звонок в дверь.

Ни выпить кофе, ни перекусить я так и не успела. А это, хочу я вам сказать, может сильно отразиться на моем настроении.

Первыми, как и положено, для проверки вызова явилась легкая кавалерия в лице местного участкового в сопровождении двух патрульно-постовых молодцев-полицейских, маячивших у него за спиной.

— Юдина Кира Андреевна? — спросил невысокий, коренастый мужичок в форме.

— Да, — призналась я.

— Старший лейтенант Ухов, — представился скороговоркой он, предъявив мне мельком свое удостоверение, и пояснил: — Участковый вашего района. — Спрятал удостоверение в карман кителя и спросил: —

Полицию вызывали?

— Вызывала, — не стала отказываться я.

— У вас труп? — спросил с сомнением Ухов, внимательно разглядывая меня.

— Теперь у вас, — не порадовала я его, делая шаг в сторону и пропуская старлея и парней пэпээсников в квартиру.

Провела их в комнату и предъявила труп. Участковый крикнул, матюкнулся тихонечко и, выразительно глянув на меня с большим смыслом и намеком, тяжело вздохнув, позвонил куда надо и сообщил, что у дамочки таки не глюки и бред, и труп в наличии все ж таки имеется.

Минут через двадцать в мою квартиру стал прибывать и прибывать народ. Первым появился следователь уголовки, которого занявшие пост у распахнутых входных дверей постовые направили ко мне в комнату.

— Уголовный розыск. Старший оперуполномоченный капитан Марчук Сергей Дмитриевич, — представился он и продемонстрировал удостоверение.

«Принимала» я представителей власти, устроившись в кабинете за дедовским огромным дубовым столом. Удостоверение капитана я тщательно изучила, указала рукой на кресло, стоявшее с другой стороны стола, приглашая присесть, и принялась беспардонно рассматривать следака, с которым, как я подозреваю, мне предстоит провести ближайшие несколько часов в не самой приятной беседе.

На замученного работой и низкой зарплатой капитан Марчук не был похож и отдаленно, но и на бодрячка румяного тоже — типичный мент с острым цепким взглядом, с обманчиво простецкой и где-то даже добродушной внешностью обыкновенного парня, лет чуть более тридцати, одет, кстати, не в какое-то затрапезное шмотье, а во вполне фирменные марки, не высшего, понятное дело, модельерного ряда, но и отнюдь не китайские подделки — средней стоимости ценник и вполне ощутимой, между прочим — настоящие джинсы мирового бренда, футболка и льняной пиджак в ту же тему, ну и мокасины.

Что, кстати, добавляло некоторые детали к тому, что я о нем уже поняла, уж я-то очень хорошо знаю, сколько и как зарабатывают наши полисмены. Так получилось, что знаю.

Не об этом сейчас.

Он было собрался задавать вопросы, но его прервало появление новых персонажей — группы экспертов-криминалистов. А следом за ними и следователя прокуратуры в форменном облачении, и еще кого-то — я уточнять не стала, кто пришел, но квартира моя наполнилась народом и

гудела голосами, как растревоженный улей.

Оба следака — уголовки и прокурорский — сходили «посмотреть» на труп, поговорили о чем-то с бригадой, вернулись ко мне в кабинет, и началось!

Они задавали вопросы, я отвечала.

Было совершенно очевидно, что оба эти мужика не верят мне ни на полкопейки, для себя они уже четко определились и решили, что уколошила пострадавшего, разумеется, я сама, а потом придумала сказочку для ментов про мифического злодея, каким-то образом проникшего в мою квартиру и застрелившего якобы незнакомого мне человека. Они настолько были уверены в этой версии, что даже не скрывали своего отношения ко мне, саркастически хмыкая, переглядывались со значением и почти весело посматривали на меня, забыв задать в общем-то самый главный вопрос в такой ситуации.

Просто тупо проигнорировав его очевидность, стопудово уверенные, что дело уже раскрыто. Да красота, кто бы спорил! Труп и убийца рядышком — и вот тебе повышение раскрываемости по горячим следам!

Нет, не спорю, мужиков вполне можно понять — ясный, как говорится, пень, что я оказалась подозреваемой номер один, ну а как? У вас в доме — не приведи господь, конечно, — тюкнут кого-нибудь, а вы что, не при делах останетесь?

Вот и я при делах, а куда деваться.

И дураку понятно, что якобы мистический и непонятный «некто», который опять-таки же якобы застрелил мужика, это попытка главной подозреваемой запутать следствие и избежать наказания.

Только мальчики несколько увлеклись очевидной для них легкостью решения, как мне кажется.

Вернее, как я понимаю и вижу ситуацию.

Следователь прокуратуры давно удалился в комнату протоколировать оперативные действия, предоставив следователю уголовного розыска самому вести допрос подозреваемой, то бишь меня.

Вопросы из капитана Марчука сыпались бесконечно, и мне приходилось подробно и нудно на них отвечать. Периодически следователь смотрел на меня сурово, и я отчетливо понимала, что он меркует там себе в замученном работой мозге, как бы поскорей закончить с этим делом и подвести дамочку, то есть меня, под четкое обвинение, желательно с твердой доказательной базой, а совсем шоколадно — с чистосердечным признанием.

Извини, Сергей Дмитриевич, улыбалась я мысленно, но ничем в

данном вопросе помочь не могу.

— Значит, вы утверждаете, что не знакомы с потерпевшим? — в сто, наверное, пятнадцатый раз спрашивал он.

Про сто какой-то там раз я, конечно, загнула, но раз десятый, это уж точно!

— Нет, не знакома, — подтвердила я в десятый — сто пятнадцатый раз, но на этот самый раз дала легкую слабину и чуть помедлила с ответом, задумавшись.

За эту слабину он тут же и зацепился — профессионал все-таки, хоть и лажает немного, ну это-то понятно — любой следователь постарается отделаться от дела как можно быстрее, а тут такой подарок — подозреваемая на блюдечке с пресловутой каемочкой!

И все же он еще тот сыскарь — зацепился за небольшую заминку! Да, молодец!

— О чем вы подумали? Может, вспомнили гражданина? — Он весь подобрался, как гончая при звуке охотничьего рожка.

— Не вспомнила, — не порадовала я Сергея Дмитриевича, но честно призналась: — Он мне показался не то смутно знакомым, не то похожим на кого-то. Не пойму, но что-то есть определенно. А уловить не могу.

— А вы подумайте, подумайте, — ворчливо рекомендовал он.

— Я подумаю, — пообещала я.

— Продолжим, — поглядывая в листы протокола, устало распорядился Марчук. — Итак. На входной двери отсутствуют следы взлома, значит, ее открыли ключами. Вы утверждаете, что ключей имеется четыре комплекта: один принадлежит вам, второй вашей бабушке, которая живет за городом и оттуда не выезжает, третий у вашей тетки, которая в данный момент проживает с Испании со своим мужем и ближайшие полгода в страну не въезжала, и четвертые запасные, которые находились в квартире и которые вы мне выдали. Также вы утверждаете, что никто из вас троих ключей не терял. — Посмотрел он на меня выжидательно: — Так?

— Так, — подтвердила я и напомнила: — Вы сами звонили бабушке и Альбине в Испанию, и они подтвердили вам наличие ключей.

— Ну, это еще проверить надо, — пробурчал капитан и снова просмотрел что-то в протоколе. — Продолжим. Итак, — повторил он свое излюбленное словцо. — Следовательно, вы настаиваете, что как минимум двое человек проникли в вашу квартиру, принесли с собой коньяк, фрукты, сыр и орехи. Они накрыли стол в гостиной, выпивали какое-то время, потом один из неизвестных застрелил второго и ушел, тщательно закрыв за собой дверь на все замки. При этом вы настаиваете, что не имеете врагов и

вам никто не угрожал, никаких конфликтов и неприятностей как в бизнесе, так и в личной жизни у вас не происходило и потерпевшего вы в глаза не видели? — Он посмотрел на меня и спросил так задушевно, как у хронически невменяемой больной: — Вам не кажется это бредом, Кира Андреевна?

— Кажется, — честно призналась я и спросила его в свою очередь с самым заинтересованным видом: — А вам?

— Вот и мне видится это маловероятным, Кира Андреевна, — посочувствовал он мне и продолжил допрос: — Итак. Вы осмотрели квартиру и утверждаете, что ничего ценного не пропало и все вещи находятся на своих местах? Так?

— Так, Сергей Дмитриевич, — кивнула я и перехватила инициативу. — Также я сообщила вам, что в доме имеются ценные вещи, антикварные предметы мебели, приобретенные еще моим дедом в незапамятные времена, фарфор, что собирала бабушка, совсем немного столового серебра. Ну и остальное, если можно считать это ценностями: телевизор, компьютер...

— Последней модели, с некоторыми усовершенствованиями и модернизацией, — вставил едкое уточнение Марчук.

— Верно, с ними, — кивнула я, не дав себя сбить с мысли. — Ноутбук и различные гаджеты на месте. Все остальные ценности, а с ними документы и важные бумаги я храню в банковской ячейке. Из драгоценностей в доме имеется только авторской работы кольцо белого золота с брильянтами и изумрудами, которое всегда при мне, и мой православный нательный крест. Никаких иных драгоценностей здесь не держу. Ну и, пожалуй, несколько пар моей обуви и штуки три дамских сумочки, весьма немаленькой стоимости, но все это добро в целостности и сохранности.

— Да-а-а, — протянул Сергей Дмитриевич, рассматривая меня с особым познавательным интересом. — Странная вы девушка. Загадочная. Ни одного документа в квартире не держите, вон, даже паспорт свой храните в сейфе, в кабинете, — он указал кивком головы на серьезный сейф, из которого я доставала паспорт, когда мы приступили к, так сказать, беседе, — а с собой носите ксерокопию. Откуда такая осторожность?

— Не осторожность, а осмотрительность, — пояснила я. — Меня так дедушка воспитывал.

— Молодец дедушка, — похвалил следователь и неожиданно резко спросил, уставившись на меня цепким взглядом: — Не хотите ни в чем признаться, Кира Андреевна? Поверьте, для вас так будет лучше.

— Нет, Сергей Дмитриевич, — мягко ответила я, улыбнувшись. — Признаваться не хочу. Да и не в чем.

Он помолчал, рассматривая меня с каким-то особым вниманием, что-то там напряженно обдумывая, вздохнул и собрался было задать очередной вопрос, но его перебил вошедший в кухню криминалист:

— Время смерти приблизительно с часу до двух ночи. Точнее скажу после вскрытия.

Сказав это, мужик посмотрел на меня отчего-то веселым взглядом, с большим познавательным интересом, и вдруг хмыкнул, крутнул головой, улыбаясь, и эдак ласково спросил:

— За что ж его так приголубили-то?

— Кто ж знает? — приподняв плечи и разведя руки в стороны жестом неопределенности, в тон ему ответила я. — Не участвовала. Меня тут не было.

— То есть как это не было? — поперхнулся от неожиданности капитан Марчук, чуть не подскочив на месте.

Вся расслабленность, напускная снисходительность и некая жалостливая благодать в мой адрес в одно мгновение слетели с него, словно искусственный загар под горячей водой, и он вперился в меня цепким взглядом, спросив с некой осторожностью: — А где вы, Кира Андреевна, находились между часом и двумя ночи?

«Ну что, капитан, — подумала я, даже как-то слегка жалея его, — расслабился ты раньше времени, такой ляп допустил непростительный для сыскаря твоего уровня — не поинтересовался первым делом у подозреваемой, где она находилась этой ночью».

Сглупил. Явно. Бывает.

— В больнице, — как на духу призналась я, глядя на него преданным взглядом наивной Красной Шапочки.

— В какой больнице? — возмутился Сергей Дмитриевич.

— В центральной областной, — проговорила я тем же Шапочкиным тоном.

— А что ж вы раньше не сказали? — Он едва не плакал от досады.

Ну, не плакал, не плакал, это я уж так приукрасила немного, от легкой формы злорадства, но расстроился капитан сильно. А вот нечего тут было выпендриваться и переглядываться с прокурорским!

Ишь, деятели! Нашли они, понимаешь ли, убийцу, не отходя от кассы.

Имею полное право теперь поерничать от души.

Хотя бы мысленно. Но имею!

— Так вы не спрашивали! — ответила Красная Шапочка Серому

Волку, хлопнув пару раз доверчиво ресницами.

— М-м-м-да... — протянул криминалист, все это время наблюдавший за нами, и тихо удалился из кухни.

— Это же меняет всю картину... — досадовал капитан до легкого зубовного скрежета, но сумел справиться с эмоциями, а вот от ворчания все ж не удержался. — Вы должны были об этом заявить в первую очередь! Это же в ваших интересах!

— Только что вы утверждали, что в моих интересах сделать признание в убийстве, — напомнила я ему и изобразила удивление. — И почему это я должна? — Я не собиралась облегчать его следовательскую жизнь и потакать его промахам. — Я потерпевшая, нахожусь в ужасном стрессе и шоке и вообще плохо соображаю из-за такого кошмара, а вы для того и следователь, чтобы задавать правильные вопросы. Думаю, даже вы, при всем вашем опыте, если бы обнаружили в своей квартире мертвеца, тоже сильно расстроились бы и нервничали, Сергей Дмитриевич. А я обычный человек, и раньше мне не доводилось видеть трупы, а тем более находить их у себя в квартире, — позволила я себе немного отчитать его и все же пояснила: — К тому же вчера ночью со мной случилась ужасная неприятность, и в данный момент я должна была все еще находиться в больничной палате, поскольку серьезно пострадала, но оставаться в больнице не хотелось. Дома лучше, и все такое про стены, что помогают. Но чувствовала я себя утром просто ужасно, мне с трудом удалось вообще дойти до кухни, чтобы попить воды. А тут еще и такое происшествие... — я развела руками с трагический миной, — ... сами понимаете.

— Стены ей... — проворчал тихонько он и еще тише выматерился сквозь зубы, притянул к себе пачку протоколов, вздохнул тягостно и приступил к новой порции расспросов: — Так. И что с вами эдакое страшное приключилось, что вы в больницу попали, Кира Андреевна?

Случилось со мной вообще-то нечто не очень понятное мне самой.

Родилась я и жила в Москве, столице нашей родины, но наша семья происходит из провинциального города, и все детство, каждый год, практически на целое лето меня отправляли туда к бабушке.

Считалось, что здесь лучше экология, да и жили мы не в самом городе, а на даче. На прекрасной даче, в великолепном месте. Так что про экологию и оздоровление ребенка на природе все верно, не прикопаешься.

Чуть больше десяти лет назад сюда, на свою малую, так сказать, родину, из Москвы вернулась жить моя тетушка Альбина. И не просто так приехала, а занялась бизнесом, открыв сеть кофеен с уклоном в домашнюю

выпечку. И так увлеклась этим делом, что все у нее получилось. Ее кафе пользовались постоянным спросом и обросли своими преданными клиентами.

Около года назад я приняла решение уехать из Москвы, думала на время, а получилось, пожалуй, что и навсегда, определилось это недавно. Но мне здесь нравится — намного спокойнее, чем в столице, и люди другие.

Да и сам город.

Большой областной центр, старинный город с героической историей, с великолепными древними постройками, соборами и монастырями, утопающий в зелени парков, с толпами туристов — что, кстати, весьма способствует нашему семейному бизнесу: ценничек-то у нас не сказать, что скромный, повыше среднего будет, зато качество...

Отвлеклась.

Словом, люблю я этот город. Помимо процветающей историко-туристической отрасли тут и производства федерального значения, и даже экспериментальные имеются. Да много чем славен на всю страну и за границу город и область, которую он венчает.

Суть не в этом. Я могу долго расхваливать его прелести и приводить аргументы в пользу принятого год назад решения перебраться сюда.

Хватит и того, что на сегодняшний день я тут живу.

Так вот. Тетка моя, Альбина, любимая мной до невозможности, первым делом по моему прибытию в город с большим удовольствием перевалила на меня все дела по бизнесу, сама же предпочла вести переговоры с поставщиками и ездить на всевозможные семинары и форумы по проблемам малого бизнеса и более прикладным по вопросам поставок и качества продуктов. На одном из форумов-выставок она и познакомилась с Мартинесом — предпринимателем из Испании, фермером и производителем сельскохозяйственных продуктов.

Уж какая у них там любовь случилась, не берусь судить — с первого ли взгляда или с восьмого, но произошла. Мартинес, немного говоривший по-русски, сделал Альбине официальное предложение и даже официально просил ее руки у деда. Дед, разумеется, навел о женихе справки и только после этого дал свое согласие. Мужик ему понравился.

Тетушка и испанец поженились в нашем русском загсе и повторили процедуру в испанском посольстве, все чин по чину. Тетя передала мне все дела, сделав меня совладелицей бизнеса. Теперь нас стало трое — она, бабушка и я. Затем тетя Альбина укатила с мужем по месту его постоянного проживания.

Общаемся часто, естественно, по скайпу, и я бесконечно за нее радуюсь: тетя счастлива, довольна и все еще пребывает в восторге от своей семейной жизни. Умудрилась выучить испанский и подружиться со всей многочисленной родней мужа.

А мне достался бизнес, теткин здоровенный, как танк, джип и эта квартира. Бабуля давным-давно переселилась жить за город, где дед для нее перестроил нашу дачу в настоящую усадьбу с небольшим парком вокруг.

И никакой иной жизни бабуля не представляет и даже в мыслях не допускает выезжать в город хоть за какой надобностью.

И слава богу! Жить и общаться с моей бабушкой практически невозможно — это даже не характер, это вселенский кошмар какой-то!

Когда я сюда приехала, то обнаружила, что оказалась в некоем коммуникативном вакууме — в том смысле, что все мои друзья и подруги, связи и знакомства остались в Москве, а здесь я тесно общалась только с Альбиной, ее друзьями и персоналом кафе нашей сети.

Но эта проблема довольно быстро решилась, перекрыв любой дефицит общения, я бы сказала, даже с большим перебором. Однажды я встретила Валерию, девочку, с которой очень дружила в детстве, дочь наших соседей по даче, так же, как и я, «высылаемую» на все лето в дачный поселок к бабушке с дедом.

Мы обоюдно искренне обрадовались встрече и, устроившись в кафе, проболтали несколько часов подряд, вспоминая наше веселое детство. В разговоре выяснилось, что, оказывается, из всей нашей дачной компании-банды никто не уехал за лучшей долей ни в столицу, ни за границу, предпочтя родной город, они поддерживают тесные контакты, продолжают дружить до сих пор и частенько встречаются. Лера тут же обзвонила всех и, немного добавив интриги: «Ты не представляешь, с кем я сейчас сижу в кафе!..» — объявила о моем приезде и назначила общий сбор.

И как-то легко и просто, без неудобства и неловкости, всегда возникающей между людьми, долго не видевшимися, а с большой даже радостью мы возобновили нашу детскую дружбу, хотя, понятное дело, все выросли, изменились и изменилось очень многое и в нас, и в нашей жизни.

Вся наша компашка: Валерия Макарова, Лена Кротова, Женя Лунева — мы все ровесницы, а вот мальчишки: Миша Бажов и Вовка Иванцов — старше нас на два года, да еще к нам присоединилась Мишина жена Вика.

Понятное дело, что ни о какой особой душевной близости и любви речи не идет, ну, может, кто-то из ребят думал иначе, не берусь судить, но по-настоящему теплые дружеские отношения у нас все же сложились. Тем более основанные на крепкой детской дружбе, прошедшей многочисленные

испытания и на слабо, и на преданность.

Это все к чему? А к тому самому — к вчерашнему вечеру.

Вчера у Лены Кротовой случился юбилей — тридцать лет. Она заранее оповестила всех друзей, что собирается отмечать событие с особым размахом — не хухры-мухры, когда тебе четвертый десяток пошел!

Размах намечалось осуществлять в одном шикарном ресторане, и он, надо честно признать, удался!

Ленка даже аниматора наняла, который вел вечер и все выдергивал гостей из-за стола для участия в каких-то играх, розыгрышах и соревнованиях. Большинство гостей, заметно хмелея по ходу застолья, с нарастающим энтузиазмом принимали в них участие.

Словом, юбилей шумел по полной — и песни мы в караоке пели, и танцы всяческие танцевали, и поздравляли юбиляру на все лады...

Пить алкогольные напитки я не люблю.

Ну, вот не люблю. Не по какой-то особой причине — ничего такого: здоровье мое усугублять себя вполне позволяло и отторжения тяжелого не наблюдалось. Раньше я могла спокойно выпивать до ощутимого опьянения. Честно признаюсь, в пресловутый драбадан или зюзю, или еще как это в народе любовно называется, я напилась один-единственный раз. Ощущения незабываемые словила. И запомнила.

Но последние несколько лет мне все меньше и меньше нравится выпивать — лишь до очень легкой приятной стадии даже не опьянения, а скорее некой расслабленности, когда ощущаешь весь букет вина — не больше одного бокала. И этот бокал я могу растягивать на часы застолья. А крепкие напитки я и вовсе не употребляю.

Я как-то раз поймала себя на мысли, что меня стало реально раздражать состояние, когда я начинаю хуже и медленнее соображать, и уж тем более перестаю, пусть и частично, себя контролировать.

Поэтому на Ленкином юбилее, не самым скромным образом поинтересовавшись у официантов, какие вина они будут подавать к столу, я решила ограничиться бокалом шампанского.

Не то. Ну, такая я вот привереда, но согласитесь: коль уж практически не пьешь, то когда все же сподобилась, следует выбирать нечто действительно достойное, чтобы получить настоящее удовольствие.

Но, к сожалению, шампанское тоже не порадовало качеством, хоть и было весьма недурно и довольно дорогой марки, что странно, отчего-то горчило. И вот я мусолила и мусолила неполный бокал пару часов, зорко наблюдая за тем, чтобы мне больше не подливали.

Зато отдала должное подаваемым блюдам.

Все понемножку попробовала. Ни к чему не придралась — вот что хорошо, то хорошо! Ничего не добавишь. Кухня этого ресторана отличалась изысканностью и славилась высоким уровнем качества.

Однако танцуя в один из перерывов между тостами и поздравлениями, я вдруг почувствовала, что мне как-то нехорошо, и поспешила в дамскую комнату.

Пока я до нее добиралась через пьяненький танцующий народ, мне становилось все хуже и хуже. И в результате я практически бегом влетела в туалет, заскочила в кабинку, склонилась над унитазом, и меня долго и мучительно выворачивало наизнанку.

Совершенно обессиленная, я дотащилась от кабинки к умывальнику, посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась — лицо как белая маска актеров японского театра кабуки — губы слились цветом с кожей лица, глаза лихорадочно горят, руки дрожат, все тело трясется, как от холода.

Ничего себе! Это чем же я так отравилась?

Зацикливаться на данном вопросе я не стала по простой причине, что без толку. Тут на мое счастье в туалет влетела разгоряченная танцем Женька, увидела меня и ахнула:

— Кирка, что с тобой? На тебе лица нет!

— Перебрала немного, — отделалась я самым простым из возможных объяснений и попросила: — Женьк, принеси мне мою сумочку, пожалуйста. Я такси вызову и домой по-тихому уеду. А то мне как-то фигово.

— Сейчас, сейчас! — заторопилась Женька и выбежала из туалетной комнаты.

А я принялась умываться. Подруга вернулась очень быстро, да не одна, а с юбиляршей.

— Кирочка, что с тобой? — обеспокоенно спросила Лена и обняла меня за плечи.

— Перебрала немного, — повторила я первоначальную версию. — Лен, ты не обижайся, я по-тихому домой поеду. Ладно?

— Конечно, конечно! — уверила меня со всем энтузиазмом Лена. — Я сейчас сама тебе такси вызову и посажу.

И она, выхватив из кармана своего великолепного брючного костюма смартфон, принялась торопливо набирать на нем номер. Женьку Лена отправила назад в зал, а сама пошла провожать меня на улицу, поддерживая под локоток и давая всяческие рекомендации:

— Как приедешь, выпей горячего крепкого чаю с сахаром. Не кофе. От кофе только хуже станет. И в душ не лезь, может еще сильнее развезти.

Лучше чаю побольше и спать ложись.

— Угу, — промычала я, устраиваясь в такси.

Лена наклонилась к водителю и еще раз повторила ему адрес доставки моего тела. Тот кивнул и понимающе усмехнулся.

Не успели мы отъехать, как меня скрутило просто-таки адским приступом — от сильной рези в желудке и непроизвольно застонав, сложилась пополам, прижав руки к животу.

— Девушка, вам плохо? — забеспокоился водила, посмотрев на меня в зеркало заднего вида.

— Плохо, — простонала я.

— Перебрали, что ли? — еще больше обеспокоился он и быстренько предложил: — Может, остановиться? В том смысле, если вас тошнит?

— Я не пила, — прохрипела я, — но, видимо, что-то съела...

Желудок закрутило новым острым приступом боли, мне стало жутко холодно, тело вдруг в один момент покрылось липкой испариной, в глазах потемнело, онемели пальцы на ногах и руках, и мне показалось, что я умираю.

Со всей четкостью и ясностью я подумала: «Вот сейчас я умру».

— Отве... — начала хрипеть я, испугавшись, что водила меня не услышит и не поймет, — ...зите меня... в больницу...

— Да врубился я!! Везу уже! — в легкой степени паники почти прокричал таксист и попросил: — Ты там держись!

— Держусь... — прохрипела я, теряя сознание.

Дальнейшее помню смутно. Кажется, таксист вынес меня на руках из такси и бегом понесся к приемному отделению, что-то крича на ходу. Потом я почувствовала спиной холодную поверхность каталки, меня куда-то привезли и переложили. Я еще умудрялась отвечать на вопросы, которые задавал какой-то голос издалека. Потом почувствовала, как меня раздевают, и отключилась.

И лучше бы я не приходила в себя вообще!!

Потому что очнувшись я в аду — меня держали жесткой рукой за подбородок и совали в рот какую-то штуку. Я давилась, пыталась сопротивляться, сцепить зубы, но выяснилось, что сомкнуть зубы мешает какая-то фигня между ними, а дергаться не дают чьи-то руки, державшие меня за ноги.

— Прекрати немедленно!! — гаркнул доктор самым грозным командирским тоном, и я тут же замерла, а он пояснил: — Нам надо тебя промыть! Терпи!

И я терпела! Да что терпела!!

Промывали меня несколько раз — то есть сначала вливали какой-то раствор напрямую в желудок через трубку, после складывали пополам и заставляли все это выдать обратно! А потом еще и клизму засадили!!

Здоровую, собака! Не тебе домашнее баловство в литра полтора!

Натерпелась я...!! Кошмар полный и безнадежный!

Но через часа полтора откровенных пыток я оказалась под капельницей на больничной койке и обессиленно вырубилась. А когда очнулась, увидела, что капельницу уже сняли и даже штатив унесли. Прислушавшись к своему состоянию, я с удивлением обнаружила, что чувствую себя вполне сносно и даже легкость в теле образовалась необычайная.

Ободренная своим состоянием, я села на койке, снова прислушалась к ощущениям и смело поднялась.

Не сказать, что я представляла из себя веселого бодрячка и вполне здорового человека, слабость сильная ощущалась, и ножки подрагивали, но во мне возникло стойкое и непреодолимое желание покинуть это негостеприимное место и снять с себя наконец ту странную тряпку, подразумевавшую, видимо, больничную рубашу, в которую меня облачили.

А еще принять душ! Так мне вдруг до слез захотелось в душ!

В палату заглянула медсестра, которая, как выяснилось позже, проверяла состояние пациентки в моем лице каждые пятнадцать минут, а увидев, что я двигаюсь, медленно, но верно, напрямик к двери, настолько обалдела, что выпучила глаза и даже натурально приоткрыла рот.

— Вы что творите?! — возмутилась медсестрица. — Немедленно вернитесь в койку!

— Не, я домой, — огласила я свои намерения, продолжая двигаться к выходу.

После столь сильного заявления шорох вокруг меня начался недетский! Первым делом медсестра перехватила меня на полдороге к двери, насильственно вернула в больничную койку и убежала за подмогой, которую вскорости и привела в лице моего лечащего врача Шабалина Тараса Наумовича.

— Кто тут бузит? — весело поинтересовался он.

Доктор мой оказался человеком понимающим, веселым, с замечательным юмором, с некоторым, правда, уклоном в черный медицинский оттенок, но это неизбежные издержки профессии, как я понимаю. На вид врачу было за сорок, но его добродушный облик мог и вводить в заблуждение по поводу его возраста, а внешний вид и подавно — такой, знаете, богатырь былинный — мощный, здоровый, высокий с

раскатистым низким голосом. Прямо Русь былинная.

И вот эта сама былинная Русь и поведала с добродушным хохотком, что покидать больничку мне никак нельзя.

— Да я дома отлежусь, Тарас Наумович, — канючила я настойчиво. — Обещаю! Весь день лежать буду и исполнять все ваши рекомендации. — И пожалилась: — Не могу я в больнице, мне тут еще хуже становится. Я вообще больниц боюсь, у меня прямо фобия какая-то.

— Ну, ладно, — вздохнул он наигранно, изображая капитуляцию перед моим напором. — Во мне сейчас одна из трех ипостасей заговорила, та, что самая сердобольная, русская. Так что пользуйся моментом, Кира Андреевна, пока какая из двух оставшихся не вылезла и не вмешалась.

— Это в каком смысле? — заинтересовалась я.

— А в самом прямом, — хохотнул он. — У меня все по-честному: имя хохляцкое от матушки-украинки досталось, отчество еврейское от батюшки иудея, а фамилия русская — от деда. Так и живу в трех натурах одновременно. — И раскатисто рассмеялся.

А отсмеявшись, неожиданно резко стал серьезным, посмотрел на меня задумчиво и тихо так, со значением сказал:

— Ты бы все же в больнице осталась, Кира. У тебя ведь не простое пищевое отравление.

— А какое? — поразились я.

— В том-то и дело, что медикаментозное. Проще говоря: наркотик какой-то ты приняла.

— Да ничего я не принимала! — тут же возмутилась я.

— Ну, это мне известно, ты, когда я тебя опрашивал, подробнейшим образом умудрилась отвечать на мои вопросы и перечислила все, что ела и пила в ресторане, и утверждала, что никаких препаратов не принимала. — И вздохнул жалостливо. — Вот такие дела Кира, свет Андреевна.

— Какие? — не сразу дошло до меня.

— А такие, что раз ты ничего не принимала по самостоятельному почину, то получается, что приняла ты его случайно или по незнанию, то есть подсыпать могли. Вот и предстоит тебе о многом подумать, и лучше бы тебе это делать в больничке, на глазах у медперсонала, все ж под присмотром, а не одной дома.

— О чем подумать? — продолжала тупить я.

— Ну, я не знаю... — протянул он, с сомнением поглядывая на меня. — Например, какие такие враги могли тебе что-то подмешать, скорее всего, в питье, и с какой злодейской целью. Конкурентов своих вспомнить, дела непростые. Ты же вроде бизнесом занимаешься, а у вас там чего

только не случается.

— Да какие конкуренты?! — возмутилась я. — С конкурентами все давно договорено, поделено и застолблено! И врагов у меня нет! — И вдруг меня хлопнула одна мысль. — А почему вы сказали, что в питье подмешали.

— Потому что, скорее всего, а я уверен в этом практически на сто процентов, тебе стало так плохо именно потому, что твой организм дал особую реакцию на смешивание психотропа с алкоголем. Тебя спасло то, что ты совсем мало выпила и практически сразу оказалась в больнице. Если бы водитель, что вез тебя, не сообразил привезти тебя в ближайшую больницу, а все же довез домой, боюсь, что последствия могли оказаться весьма плачевными, вплоть до летального исхода. Вот такие вот дела, — похлопал он меня по руке. — А ты говоришь домой. Полежи, поспи. А утром поедешь.

— Не, я домой, — рассеянно отказалась я от заманчивого предложения, обдумывая его слова, и спросила: — А что за препарат мне дали? Вы сказали психотропный?

— Пока не знаю, — развел руками доктор. — Пока только могу предполагать по симптоматике. Точнее, завтра скажу, когда придут результаты анализов. Мы у тебя их целую кучу насобирали. А ты пока думай, соображай, кто мог так тебе подсуропить, — предложил Тарас Наумович и посоветовал: — А на будущее запомни: если еще раз в такое дерьмо вляпаешься, первым делом постарайся очистить желудок любым способом. Лучше выпить как можно больше жидкости, литра три, не меньше, лучше со слабым раствором марганцовки, и заставить себя от всего этого избавиться. Народный метод двух пальцев вполне подходит. И пить, пить, пить.

— Да ну его, знаете куда, такое будущее! — возмутилась я необычайно и недоверчиво спросила: — Вы зачем это говорите, Тарас Наумович?

— Ты же не знаешь, кто тебя траванул, — пожал он плечами, — вдруг кто-то еще раз решит так пошутить.

Нечего мне было ответить на это.

И все же я уехала домой. Тарас Наумович сделал мне выписку из истории болезни, предупредил о возможных последствиях, дал кучу рекомендаций и лично проводил и усадил в такси, заодно надавав грозным тоном наставлений и таксисту.

Да видимо так, что того всерьез проняло. Он все посматривал с тревогой в зеркало заднего вида, подъехал под самые двери подъезда, да еще не поленился, помог мне выйти из машины и, придерживая под

локоток, проводил до лифта.

Правду сказать, по дороге мне стало похуже, и вся моя настырность в паре с бодростью куда-то постыдно ретировались. В квартиру я входила на силе воли и автопилоте. Но дверь закрыла на оба замка — это уже на уровне рефлексов, ни про какой душ и речи уже быть не могло — я тупо, по прямой добралась до спальни, умудрилась как-то стащить с себя одежду и, рухнув в кровать, отключилась, последним, уже не осмысленным движением натянув на себя одеяло.

Вот такая вот скверная история.

— И во сколько вы приехали из больницы? — холодно спросил капитан Марчук.

— Где-то около четырех, наверное, — предположила я и «простоудушно» посоветовала: — Вам лучше просмотреть запись с камеры наблюдения на подъезде. Там, кстати, наверняка можно рассмотреть номер такси, на котором я приехала, и спросить у водителя.

— Давайте вы не будете меня учить, как мне делать свою работу! — чуть повысив голос, недовольно отчитал меня следователь.

Приподняв одну бровку, я иронично посмотрела на него, слегка усмехнувшись, всем своим видом намекая на то, «как именно» он делает свою работу, забыв задать подозреваемой дежурный и обязательный вопрос о том, где именно она находилась в момент совершения преступления, то бишь поинтересоваться наличием у нее алиби.

— Кхм, — неловко кашлянул Сергей Дмитриевич, правильно поняв мою иронию, и отвел глаза, как нашкодивший кот, застуканный за поеданием хозяйской сметаны, неосмотрительно оставленной в доступном для него месте. — Мы проверим все, что необходимо, и опросим всех, кого потребуется, и доктора вашего, и таксиста в том числе, — отчеканил он.

— Не сомневаюсь, — добропорядочной гражданкой, свято верящей в способности нашей полиции во всем разобраться и изловить всех преступников, произнесла я.

Он посмотрел на меня с явным подозрением, видимо, пытаясь углядеть в моем взоре скепсис, узрел или нет, мне неизвестно, и задал следующий вопрос:

— У вас есть предположения, кто мог подмешать вам в шампанское препарат?

— Я не знаю.

— Но предположения у вас есть? — настаивал оперуполномоченный.

— Да какие предположения, Сергей Дмитриевич! — вздохнула я тягостно, не порадовав его перспективой. — Это мог сделать любой из

двадцати пяти приглашенных гостей, а иже с ними каждый официант и другие посетители ресторана, находившиеся в зале. Мы же постоянно то танцевали, то в каких-то викторинах участвовали, хороводы водили, народ напивался и все перемешивались, как броуновское движение. Вы же знаете, как проходят подобные юбилеи.

— Да уж, — горестно вздохнул он, — задали вы нам задачу. Придется опрашивать всех, кто там был.

— И это ничего не даст, — махнула я рукой, разделяя его печаль. — Злодей не признается, а то, что кто-то мог увидеть момент подсыпания препарата, очень маловероятно. — И выдвинула свою версию: — А ведь это вполне могла быть не самая удачная шутка, ребята просто дозу не рассчитали и не подозревали, что мне так плохо станет. Народ меня постоянно подкалывает на предмет того, что я практически не пью. С тем же успехом этот препарат мог попасть в еду и на кухне у поваров. Или вообще в какой-то продукт или полуфабрикат еще до ресторана.

— Выясним, — пообещал нечто сомнительное капитан.

Он продолжил задавать мне еще какие-то вопросы, я отвечала, но все больше отстраненно и без интереса, неожиданно почувствовав, что измотана до предела. Как-то в один момент вдруг резко закончились силы, или адреналин, на котором я держалась последние часы, и навалилась такая непомерная слабость, что я подумала, что запросто могу сейчас и в обморок рухнуть, как какая-нибудь чувствительная барышня.

Но капитан Марчук мое состояние узрел сразу же своим острым сыскарем оком и постарался быстро завершить нашу беседу, пообещав что-то в стиле «ай би бек», вышел из кабинета, прихватив с собой папку с протоколами, но довольно быстро вернулся, оповестив меня:

— Бригада следственных действия закончила. Тело уже увезли. Кресло, в котором находился пострадавший, мы изымаем для проведения экспертизы.

— Да пожалуйста, — даже обрадовалась я, — все равно его выкидывать.

Он разложил передо мной листы протокола и предложил их прочитать и подписать.

— Не могу, — честно призналась я. — У меня сил нет читать, что-то мне совсем плохо, Сергей Дмитриевич, а без прочтения я не стану подписывать. — И искренне повинулась: — Извините.

— Ладно, — вздохнул он явно расстроившись, но все же пожалел меня откровенно.

И нам обоим было понятно, что пожалел. Спасибо ему за это честное.

— Придете завтра в управление, прочитаете и подпишете. Вот номер моего телефона, — и он протянул мне визитку. — И давайте сами, чтобы я вас повесткой не вызывал и наряд за вами не посылал. И из города не уезжайте.

— Я не могу, — совсем опечалилась я, что приходится ему отказывать. — У меня бабушка в Рощино, если я в выходные не приеду, она нам с вами такое устроит, что спасет только эмиграция.

— Что, все так плохо? — позволил себе улыбнуться капитан.

— Лучше вам не знать, — предупредила я. — Запросто может и до министра дойти. Не характер, а кремень какой-то, ей-богу, вся семья стонет.

— Да уж, не соскучишься с вами, Кира Андреевна, — посетовал товарищ капитан.

— Что есть, то есть, — согласилась я.

— Ладно, — снизошел он, — в Рощино можно. — Застегнул молнию на папке с документами и посоветовал: — Замок на двери смените.

— Обязательно! — пообещала я и кое-как поднялась из кресла, чтобы проводить его и всех остальных из квартиры.

А закрыв за ними дверь, обессиленно села на банкетку в холле и задумалась, что делать дальше: не в глобальном смысле жизненных планов, а в данный момент. Наверное, мне необходимо срочно попить чего-нибудь и хорошо бы поесть. За этими дурацкими допросами я нарушила все рекомендации Тараса Наумовича и в течение нескольких часов ничего не пила и не ела.

Непорядок.

И стоило об этом подумать, как тут же нестерпимо захотелось пить, а желудок издал голодную руладу. С трудом поднявшись, я, по-старушечьи шаркая, поплелась в кухню, в которой меня ждало неприятное открытие. Все кухонные поверхности были обсыпаны специальным темным порошком для определения отпечатков пальцев, вся посуда из шкафчиков, в том числе и рюмки-бокалы, выставлена на столешницу и так же обработана порошком.

Ну, твою же дивизию!! Вот только этого мне и не хватало для полного комплекта незабываемых ощущений! Предполагаю, что остальная квартира после работы экспертов выглядит приблизительно так же!

Ну... ладно, не буду крепкими словами баловаться, я все же девушка нежная, можно сказать, интеллигентная.

А выход всегда найдется! И он таки у меня есть!

Я достала сотовый, который весь день предусмотрительно носила с собой, и набрала номер Веры. Вера, женщина в неопределенном возрасте,

около сорока, частенько помогала мне по хозяйству, проще говоря, наводила порядок у меня в квартире. По большей части я спокойно управлялась сама, получая удовольствие от домашних дел, они меня всегда как-то успокаивали, я бы даже сказала: создавали медитативно-расслабляющий эффект, особенно уборка.

Но легкая. Когда же требовалось что-то глобальное, генеральная сезонная чистка-помывка, я всегда обращалась к Вере, а последнее время все чаще приглашала ее и для простой уборки — приходилось много ездить, и уставала я сильно.

Но сейчас о другом.

Мы договорились, что Вера придет прямо сейчас, и в ожидании ее прихода я сделала себе большую кружку чая с лимоном и медом, снова сварила овсяной правильной каши и практически уже отрубалась, засыпая прямо над тарелкой, когда доедала последние ложки, глаза слипались конкретно.

В этот момент в дверь позвонили. Пришла Вера. Впустив ее, я дала четкие инструкции:

— Вер, убирать все капитально, ни о чем не спрашивай, потом расскажу. Сил нет. Тут сплошной кошмар, сама увидишь. Все, я спать. Когда в квартире уберешь, разбудишь меня, я переберусь на диван, а ты в спальню...

— Поняла, Кира Андреевна, — кивнула Вера.

Как поползла и рухнула в постель, я уже не помнила, как и то, каким образом потом умудрилась перебраться на диван, пока Вера убирала в спальне, и вернуться обратно в кровать. Подозреваю, не без посильной помощи домработницы.

На руках она меня носила, что ли? Или я совсем уж в беспамятстве находилась?

Ладно, оставим невыясненным.

Утром я проснулась живенькой, здоровенькой, активной и ужасно голодной. На сей раз кашей не обошлось, и я с удовольствием плотно поела.

Мне невероятно повезло с организмом — есть я любила и сладкое любила в виде пирожных всяких и десертов, но не поправлялась ни на грамм.

Повезло вообще, прямо необычайно! На зависть всех женщин страны.

Но я об этом не распространялась, дабы не навлечь на себя недобрые мысли знакомых женщин, и на вопрос «Как тебе удается оставаться в такой форме?» всегда отвечала с некой долей жалобы и сожаления в голосе:

— Путем жесткой аскезы. Позволяю себя всякое, а потом отрабатываю все, что позволила: голодание, травяные отвары, диеты.

И теперь мы уже все дружно вздыхали над тяжелой нашей бабской долей в неравном бою с лишним весом, который, зараза, всегда побеждает!

Впрочем, кое в чем я не лукавила — отвары травяные пила периодически и голодала один-два дня регулярно пару раз в месяц.

Просто так получилось, что один хороший знакомый деда, ученый-биолог, как-то объяснил мне полезность разгрузочных дней и определенного типа питания, порадовав под конец уверением, что есть можно все, что хочется и нравится, только в малых количествах и не каждый день. Он же дал список полезных продуктов.

Вот отсюда у меня в рационе и правильная овсянка, и нешлифованный рис, другие замечательные злаковые и орехи, и много овощей с фруктами и зелени разнообразной.

Это к чему я? А! К тому, что я быстренько сварила себе овощного супа с чечевицей. Некий мексиканский фирменный рецепт, только не такой острый, как оригинал, и навернула аж две тарелки. Это было одним из пунктов подготовки к непростому дню.

Замок на двери я менять не стала. Если точнее: два замка, на которые она закрывалась — вот не до этого, честное слово — потом как-нибудь. Зато схитрила — имелся в нашей двери и третий замок. Им мы практически никогда не пользовались, только когда уезжали куда-то надолго.

Ключей от него существовало всего два, и оба лежали в домашнем сейфе. Вот этот-то третий замок я и закрыла. Пока так сойдет.

Первым делом, как и обещала, я отправилась в отделение полиции к капитану Марчуку, где честно и добросовестно прочитала все протоколы и подписала их.

— Мы получили копии ваших анализов, — просматривая мои подписи на протоколах, как бы между прочим, сообщил старший оперуполномоченный и перевел на меня быстрый внимательный взгляд. — Так вот тот препарат, что обнаружили в вашей крови, в аптеке не купишь и по блату не достанешь. Это наркотик, имеющий сильное снотворное действие и побочное галлюциногенное, его применяют в медицине при болезнях, связанных с серьезным нарушением сна.

— Понятно, — покивала я.

А что тут еще скажешь? Я и близко не представляю, кто и с какой целью мне эту дрянь подсыпал. Но следовательно, как оказалось, имел версию.

— А вы не связываете ваше неожиданное недомогание и появление трупа в вашей квартире? — спросил неожиданно следак.

— Нет, не связываю, — растерянно посмотрела я на него.

— Вам вполне могли подмешать снотворное с определенным намерением, чтобы вы ничего не слышали ночью и спали глубоким сном. Вряд ли тот, кто подсыпал вам наркотик, имел целью отравление, скорее всего, просто переусердствовал с дозой, и кто ж знал, что ваш организм так индивидуально реагирует на препарат.

— Да зачем? — недоумевала я.

Он вздохнул.

— Кира Андреевна, вы не производите впечатление глупой девицы, тем более самостоятельно рулите таким непростым бизнесом, — попенял он мне и пояснил: — Должны же понимать, что не попади вы вчера в больницу, сидели бы сейчас у нас в КПЗ, поскольку все улики свидетельствуют против вас. Вот так-то.

— М-м-да, — согласилась я задумчиво. — Я об этом как-то не подумала.

— А вы думайте! — отчего-то разозлился Марчук. — Пора бы уже!

В общем, дальнейшего диалога у нас не получилось. Я скомканно попрощалась, он подписал мне пропуск, и я поспешила покинуть этот околоток. И направилась в больницу на осмотр к Тарасу Наумовичу.

Вот кто встретил меня радушно и с распростертыми в прямом смысле объятиями — заграбастал меня ручищами и обнял крепенько, оторвав от пола.

— Ну, что, — рокотал он весело, отпустив меня, — ты, говорят, кого-то пристрелила?

— Кто говорит? — ахнула я.

— Да менты, — хохотнул доктор. — А кто еще? Я ж про тайну следствия все знаю, молчу как рыба. Только тебе, как родной!

Ага, молчит! Рокотал он на все отделение, уж наверняка медсестрицы все слышали.

— Ну, пойдем в кабинеты! — пригласил он, обняв меня за плечи. — Побеседуем. — И усмехнулся, как только мы оказались одни в ординаторской. — Да ты не менжуйся, все уже про убийство твое болтают. Все же знают, что ты у нас тут под клизмой лежала, а не из пистолетика пулькала.

Но обсуждать убийство мы не стали. Шабалин меня осмотрел, проверил рефлексы, пощупал узлы, порасспрашивал, мы обсудили мою диету и рацион для быстрого восстановления здоровья. Но прощаясь,

он вдруг стал серьезным и предупредил с искренним сочувствием:

— Ты будь поосторожней, Кира. Посматривай вокруг себя. Кто-то же хотел тебя подставить, и действовал этот человек, скорее всего, не в одиночку. Хорошо подумай, кто бы это мог быть. Может, тебе стоит на время уехать куда.

Я поблагодарила за заботу, мы тепло попрощались, и я отбыла далее по своим делам.

А именно в центральное кафе нашей сети, с которого и начинала когда-то свой бизнес тетушка и где теперь находился наш главный офис.

Вот здесь мне пришлось подзадержаться, занимаясь насущными делами и решая текущие вопросы с Оксаной Викторовной.

Я не раз уже возносила благодарность Господу за то, что когда-то взяла ее на работу. Истомина оказалась настолько на своем месте и настолько профессиональна, что я смело могла доверить ей многое. И доверяла без сомнений. И старалась платить серьезно, без дураков. К тому же последние месяцы мне частенько приходилось отсутствовать, уезжая на несколько дней, а то и недель, и я со спокойной душой оставляла на нее наш бизнес, хотя руку на пульсе держала и на удалении. Не расслаблялась сама и подчиненным не позволяла. Контролировала.

И они об этом знали. И чувствовали и мою заботу, и пристальный пригляд.

Оксане Викторовне пришлось честно и подробно поведать все, что со мной приключилось. Ахать и охать она не стала, не тот человек, а выслушав, дала несколько весьма толковых комментариев и советов. Она, кстати, тоже предложила мне куда-нибудь уехать на время или, по крайней мере, переехать из квартиры.

— Думаю, — отказалась я, — переезжать бесполезно. Если кто-то всерьез намерен мне навредить, он меня везде достанет, да и с подключением адвоката мы пока повременим: у меня стопроцентное алиби и я в данном деле потерпевшая сторона.

— Вам видней, — кивнула Истомина, соглашаясь.

А потом мне на смартфон посыпались звонки от друзей с настойчивыми вопросами: что за фигня происходит? это правда, что у меня в доме нашли труп? почему их опрашивает полиция?

Словом, пришлось согласиться на срочную встречу.

Мы сидели в кафе всей большой компанией, я смотрела на тех, кого всегда считала друзьями, думала, что даже если кто-то из них и подмешал мне отраву, то остальные-то остаются близкими мне людьми и вполне искренне сочувствуют и переживают за меня.

Встречу я затягивать не стала — рассказала факты и, сославшись на плохое самочувствие и подорванное в столкновении с криминалом здоровье, попрощалась и направилась домой.

Зря я сегодня за руль села. Еще подумала обойтись такси, но, вспомнив, во сколько мест мне надо, дала слабинку и решила, что поеду сама.

Оказалось, это мне не совсем по самочувствию. Слаба я еще, переоценила я свои силы. Но осторожно, не спеша, я таки добралась до дома, загонять джип в подземный гараж не стала, оставила около подъезда, поднялась в квартиру, выпила травяного чаю и рухнула в постель. Так и проспала до самого утра.

Разбудил меня настойчивый звонок смартфона. Холодный и жутко официальный голос капитана Марчука потребовал, чтобы я немедленно явилась в управление для беседы.

— Немедленно не обещаю, — остудила я его горячее желание пообщаться. — Но через час прибуду. — И не ожидая прощальных пожеланий, прервала разговор.

Старший оперуполномоченный был недоволен и холоден. Подняв голову от бумаг, разложенных перед ним, глянул на меня недобро, указал кивком на стул перед столом и снова погрузился в изучение документов.

А я села. Раз пригласили, чего уж, но спрашивать ни о чем не стала. Не-е, играть по его правилам я не собираюсь, и томить меня выдержанной паузой бесполезно, но, видимо, он этого еще не понял и продолжал что-то там изучать, шурша бумажками. Я же принялась рассматривать кабинет, только что не насвистывая какой-нибудь мотивчик от беспечности.

Как я и полагала, он не выдержал первым и, отложив в сторону очередную бумажку, поднял на меня взгляд своих строгих оперских глаз и спросил:

— Гражданка Юдина, вам известно, что убитый у вас в квартире мужчина является вашим мужем?

— Каким мужем? — обалдела я до глубокого потрясения.

— Бывшим, — совсем чуть-чуть и всего на мгновение произвольно сжались его губы, выдавая досаду.

Если бы я так внимательно не следила за выражением его лица, то и не заметила бы, а он конкретизировал:

— Бывшим мужем: Андреевым Аркадием Павловичем. Тысяча девятьсот семьдесят пятого года рождения.

Не скажу, чтобы я была так уж сильно потрясена известием, но изображала глубокий шок вполне достойно — от Аркаши можно было

ждать чего угодно, даже такого гадского финта, как сподобиться умереть у меня в квартире.

— Но... — протянула я растерянно.

— Понимаю, о чем вы, Кира Андреевна, — кивнул Марчук, порылся в бумагах, извлек одну из них и протянул мне. — Вот акт экспертизы, установившей, что с лицом вашего мужа были проведены некие медицинские операции пластического характера, изменившие его внешность. Оpoznать же господина Андреева нам удалось по его стоматологической карте и неким иным особым приметам физического свойства, таким, как старый перелом кисти.

— Но... — снова прибегла я к невразумительному бляению потрясенной женщины.

Сработало и на этот раз.

— Понимаю, о чем вы, — повторил он фразу и снисходительно кивнул, забирая у меня протокол экспертизы, — насколько нам известно, ваш муж...

— Бывший, — перебила я, уточнив свой социальный статус.

— Да, да, бывший... — на сей раз скривился он более явно, — ...исчез четыре месяца назад и признан пропавшим без вести. А вместе с ним пропала и огромная сумма денег строительного холдинга, который он возглавлял вместе со своим партнером Иваницким Максимом Васильевичем. И до позавчерашнего дня местонахождение вашего мужа так и не было установлено. У вас есть что заявить по поводу новых открывшихся обстоятельств?

— Что заявить? — совершенно искренне опешила я от такого вопроса.

— Например, почему ваш муж... — начал он.

— Бывший! — повысив голос, снова напомнила я.

— ...бывший муж, — не сбился он ни с тона, ни с фразы, — находился у вас в квартире? В свете новых обстоятельств версия того, что он оказался у вас в доме не случайно, а по вашему приглашению, становится основной. Вы понимаете, какая тогда вырисовывается картина? — холодно поинтересовался Марчук.

— И какая? — любопытствовала я, уже заранее зная все, до чего может додуматься его ментовский мозг. И не ошиблась в своих предположениях.

— Получается, Кира Андреевна, что он явился к вам или вы его пригласили лично для какой-то беседы, скорее всего он что-то от вас хотел, а некий человек, не то ваш любовник, не то некий третий участник ваших непростых отношений, устраняет Андреева. А вы в это время имитируете

отравление, составляя тем самым себе алиби.

— Класс-с-с-с! — похвалила я от души и повторилась: — Просто класс! — И весело поинтересовалась: — И что, у вас есть какие-то серьезные основания для такой версии? Доказательства? Факты? Или это только плод вашей богатой фантазии, Сергей Дмитриевич?

— Доказательство — дело наживное, — строго отрезал он, не разделив моего хорошего настроения. — Но то, что Андреев появляется в городе с измененной внешностью и оказывается убитым именно у вас в доме, уже говорит о многом.

— И о чем же, позвольте полюбопытствовать? — отчего-то раздухарилась я не на шутку и напредила господину Марчуку некие факты: — Еще за два месяца до его исчезновения я развелась с Аркадием Павловичем. Мало того, хочу вам напомнить и точно знаю, что вам это доподлинно известно, что у меня есть официальное постановление суда, в котором говорится, что я не имею к господину Андрееву никаких материальных претензий. Следовательно, ни к каким деньгам, ценностям, имуществу и делам господина Андреева я не имею никакого отношения: ни прямого, ни косвенного. По каким причинам он пропал спустя два месяца после нашего развода, мне неизвестно и вообще мало меня интересует. Мало того, после его исчезновения и пропажи денег ваши коллеги провели тщательное расследование по поводу моей причастности к этому делу, вымотали мне и моим родным все нервы и таки установили неоспоримый факт того, что я не имею никакого отношения к делам бывшего мужа.

— Да, — кивнул Марчук, — обстоятельства вашего развода хоть и вызывают еще больше вопросов, но известны. И материалы дела об исчезновении Андреева я изучил. Но то, что коллеги не смогли найти доказательств вашей причастности, не отменяет того факта, что вы могли продолжать свои отношения и после развода, не афишируя их, а развелись как раз с целью последующего сокрытия пропавших денег, зная, что на вас подозрение не падет. И именно поэтому вы так шумно выясняли отношения и весь город стал свидетелем, что Андреев пытался вас вернуть. А когда ваша афера удалась, вы что-то не поделили или не договорились о процентах и долях, и вообще в ваших планах что-то пошло не так, раз он вернулся. Теперь Андреев убит. А ваше участие в его смерти становится весьма и весьма вероятным фактом.

— Полностью с вами согласна, — твердо уверила я.

Он даже обалдел на какое-то мгновение, посмотрев на меня ошарашенно, но тут же взял себя в руки, а я продолжила:

— Это на самом деле выглядит как преступный сговор, и похоже, что

мошенники между собой не договорились. Думаю, именно поэтому его убили у меня в квартире, чтобы подставить меня. Ведь, согласитесь, Сергей Дмитриевич, если бы не мое отравление, то у вас не имелось бы никаких сомнений в том, что это я его уколошила, и вы бы с чистой душой уже меня арестовали. Ведь так? И какая там доказательная база, о чем вы! И базу бы подтянули под эту версию, и факты «накопали». А вы даже смывы на порогах у меня не взяли с рук, вещей и волос. И без них бы обошлось. — И я закончила свое пламенное выступление наказом: — Хочу вам напомнить, что убила его все же не я. Так что сосредоточьтесь на поиске и поимке настоящего убийцы, насколько я понимаю, именно в этом состоит ваша работа, а не пытайтесь повесить всех чертей на меня. Никакой такой мифический сговор неизвестно с кем вам установить не получится по простой причине, что его не было и не могло быть. А для протокола сообщаю: ни о каких делах своего бывшего мужа я не знаю, связи с ним не поддерживала и не общалась, и о месте его нахождения понятия не имела. — И довольная, заключила: — Пожалуй, это все.

Я поднялась со стула, протянула пропуск для подписи и «спохватилась»:

— Ах да, раз вы намерены выдвигать против меня какие-то обвинения, то думаю, мне будет проще общаться с вами в присутствии моего адвоката.

Он скривился, как от горькой пилюли, и дал-таки немного заднюю:

— Я не выдвигал обвинений, Кира Андреевна, я честно обсуждал с вами возможные версии убийства в свете открывшихся обстоятельств.

— Я поняла, — я улыбнулась самым милым, на какой была способна, образом.

И покинула этот оплот поддержания правопорядка и защиты добропорядочных граждан от преступного элемента.

А оказавшись на улице, выключила диктофон, который включила, чтобы сделать запись нашей беседы на всякий случай, и смартфон тут же зазвонил. Прорывалась ко мне, оказывается, Женька, ужасно растревоженная тем, что не может с самого утра до меня дозвониться — телефон я перевела на вибрацию, выключив звук, и все звонки понятно почему игнорировала.

Я поспешила ее успокоить, что со мной все в порядке, но сглупила, неудачно пошутив про бывшего мужа, который оказался тем самым трупом в моем кресле, чем вызвала вулканический взрыв деятельности Луневой. Взвыв тревожной сиреной, подруга объявила общий сбор всей нашей компании.

Несчастной, попавшей в переplet, от «собраний» сочувствующих и

любопытствующих отвертеться не удалось, пришлось согласиться на встречу в моем кафе, но только вечером.

У меня имелись дела более насущные. И надо признать, не самые приятные. Придется-таки встретиться с Максом.

Я набрала его номер. Он ответил сразу, после первого же гудка:

— Кира... — с неким придыханием произнес мужчина.

Терпеть не могу и всякий раз ужасно раздражаюсь, когда он так делает.

Но он спросил уже обычным голосом, не дав моему раздражению разрастись до той степени, при которой я могла бы мысленно его послать и с чистой душой наплевать на необходимость ставить его в известность лично.

— Я слышал, что у тебя неприятности?

— Можно назвать и так, — уклончиво ответила я и оповестила: — Я сейчас подъеду. Мне надо с тобой поговорить. Ты в офисе?

— Да. Приезжай. Жду, — раздельно произнес он каждое слово.

Я застряла в небольшой пробке на улице имени дедушки Ленина, медленно продвигаясь вперед, думала об Аркаше.

«Бедный Аркаша. Вложиться такими деньгами и совсем не поносить свежее лицо!»

Надо, наверное, рассказать об этом несколько странном моем замужестве.

С Аркадием меня познакомил Мишка Бажов где-то месяца через два после моего приезда в город и приблизительно через месяц, как мы восстановили дружеское общение с нашей дачной компанией.

Они тогда решили, что надо срочно ассимилировать меня в местное общество и областные реалии, показать все лучшие тусовочные места, достопримечательности, познакомить со всеми значимыми людьми или хотя бы показать их издалека, потыкав пальчиками и разъясняя жарким шепотом, кто есть кто в области и кто чем тут рулит и за что отвечает, по ходу сдабривая представление известных личностей набором горячих сплетен о них.

Как-то так.

Я не сопротивлялась и честно таскалась на различные мероприятия и тусовки: узнать истинное положение дел очень даже полезно. А если учесть, что Мишка считался довольно успешным бизнесменом в строительном бизнесе области, а Вовка Иванцов работал в областной администрации на не самой хилой должности, то можно понять, что информацию я получала самую полную, а развлечения для меня они

старались проводить по высшему разряду.

Таким вот образом однажды мы и оказались на каком-то жутко благотворительном мероприятии, проводить которое пригласили известных телевизионных звезд из Москвы, а присутствовали на нем все сливки местного бомонда и высшего чиновничьего эшелона.

Форма одежды предписывалась вечерне-торжественная, пришлось облачаться в длинное платье, «выгуливать» старинные сапфиры, подаренные мне дедом, и наносить вечерний макияж.

Словом, блистать больше обычного.

Нет, я вообще девушка реальная, без закидонов гордыни преувеличенной, с вполне здоровой самооценкой, прекрасно все понимаю и знаю про свою внешность.

Сразу скажу — не красавица!

С первого и очень мимолетного взгляда не красавица, а вот со второго уже получше. Я отдаю себе трезвый отчет, что вполне симпатична — среднего роста, ну чуть ниже, метр шестьдесят пять, стройная фигура, тонкая талия и длинные стройные ножки присутствуют, одарил господь, как и вполне высокой и налитой грудью, без перебора — этого нам не надо! Нормальный такой третий размер — мне более чем достаточно.

Внешность и на самом деле скорее симпатичная, приятная, но не более того — со своим чуть вздернутым носом я примирилась еще в подростковом возрасте, а ко всему остальному претензий отродясь не имела — высокий лоб, высокий скулы, чуть великоватые губы и... Самая обыкновенная современная девица. Ничего выдающегося.

Только глаза подкачали, не вписываясь в общую усредненную концепцию внешности — цвет у них странный — ярко-изумрудный, насыщенный, с крупными желто-коричневыми крапинками. Какой-то неясный — не то зеленый, не то желтый, не то коричневый, в зависимости от погоды, настроения и степени эмоционального напряжения.

Так что никаких иллюзий по поводу своей внешности я не питаю.

Но есть нюансы, как говорится в одном очень пошлом анекдоте.

Мужчин ко мне тянуло со страшной силой всегда, и почему-то они умудрялись на меня западать непременно с самыми серьезными матримониальными намерениями.

Вот прямо сразу. Не шучу — стоит мужику вспылать ко мне чувствами — и все, сразу до загса зовет. Напасть какая-то! Честное слово, лет, наверное, с шестнадцати моих девичьих так и происходит.

Дед над этим всегда посмеивался, а однажды растолковал мне эту странность:

— Есть в тебе, Киронька, нечто особенное, некая женская тайна, сила, которая как магнитом притягивает противоположный пол. Эта сила такая теплая, нежная и какая-то первобытная, что ли, древняя. Вот она и вызывает у мужчин неосознанное желание получить себе это тепло и нежность. Не страсти-мордасти роковые ты будишь в мужиках, а ощущение нежности и желание защитить, спрятать. Вот и пляшут перед тобой женихами.

— Дед, — поражалась я, — какая нежность? Ты смеешься? У меня ж характер такой, что им можно сваи заколачивать. Да и злая я, сам говорил, сарказма во мне с избытком, и упертая.

— Ты просто еще ничего про себя не понимаешь, — посмеивался он, — нежная — не значит размазня и тряпка безвольная. Ни одна истинная женщина не выжила, если б не была сильной и стойкой к невзгодам. Я о другом говорю, о внутренней таинственной женской теплоте и силе. Поймешь еще.

Честно, пока не поняла. Хоть и подросла с того памятного разговора.

Но не суть. Я о другом.

О том, что не красавица я роковая, реально к себе отношусь: с любовью, но не без иронии.

И на том самом благотворительном вечере стояли мы с Мишкой и его женой Викулей, потягивали шампанское и тихо обсуждали присутствующих. Ну, как обсуждали — они представляли мне местную знать, попутно кратенько выдавая биографию и слухи-сплетни о каждом. И вдруг возле нас останавливается интересный такой мужчина и здоровается:

— Добрый вечер, Михаил, — улыбка Мишке и поклон головой в нашу с Викой сторону: — Дамы.

Мы чинненько поклонились в ответ, как и положено на светской тусне.

— Миша, с твоей прекрасной Викторией мы знакомы, а вот не представишь ли меня очаровательной незнакомке.

— С удовольствием, — разулыбался Мишка и приступил к обряду знакомства по протоколу: — Кира, разреши представить тебе Аркадия Павловича, известного мецената и одного из владельцев крупного строительного холдинга. — Я снова коротко кивнула, принимая представление господина, а Мишка продолжил: — Аркадий, разреши представить нашу давнюю подругу, приехавшую из Москвы, Киру Андреевну.

— Вы к нам погостить или проездом? — глядя на меня особо заинтересованным взглядом, спросил Аркадий, явно уже не замечая никого вокруг.

Между нами завязался светский разговор — легкий и, как правило, ничего не значащий — по верхам, что называется. Миха с Викулей, извинившись, деликатно отошли, сославшись на необходимость поговорить еще с кем-то из гостей, оставив нас вдвоем.

Мы беседовали, и я осторожно разглядывала мужчину.

Высокий, подтянутый, скажем так: из категории тех, кому в районе от сорока и выше, в среде которых теперь принято настойчиво молодиться. На его теле отразились явные результаты посещения качалки наличием мускулатуры, подтянутого живота и подкачанных ног, да и за лицом своим Аркадий Павлович, как мне показалось, следил не без помощи косметологии, но в легком, профилактическом режиме.

В общем и целом производил он вполне приятное впечатление — темные волосы с хорошей стрижкой, приятная харизматичная внешность, чуть подбородок подкачал отсутствием необходимой мужественности, но данный недостаток был грамотно закамуфлирован короткой стильной бородкой из разряда недельной щетины.

А открытый взгляд серых глаз должен был определенно располагать к себе собеседника. Не говоря уже про ценовую категорию его костюма, аксессуаров и исходящей от него уверенности давно богатого человека.

Словом: яркий представитель местной бизнес-знати. Я бы сказала: этакий импозантыш.

Он не отходил от меня весь вечер, окучивал со всем старанием — шутил, веселил, ухаживал и набился лично доставить даму домой, пообещав моим друзьям мою полную целостность и сохранность.

Он произвел на меня довольно неплохое впечатление, по крайней мере, отрицательных эмоций я не испытала.

Но на следующий день началось нечто невообразимое — господин Андреев решил за мной ухаживать в некоем весьма скоропалительном темпе и откровенно навязчивом формате.

Проще говоря, он попросту не давал мне прохода.

Поначалу это меня веселило, и я, что притворяться, не без удовольствия принимала некоторые его знаки внимания — например, он взялся показать мне все лучшие и интереснейшие места области. Мы ездили в какой-то отдаленный монастырь с моими и его друзьями, отдыхали в невероятно навороченных класса лакшери пансионатах и частных домах отдыха с конными прогулками и экскурсиями по природным красотам края.

Посещали все значимые мероприятия, и Аркадий познакомил меня со всеми начальниками вплоть до губернатора.

Галереи, выставки, театры, закрытые VIP-мероприятия, чьи-то дни рождения, постоянно не прекращая попыток всучить мне какие-то подарки и немислимые букеты.

В первую же неделю столь активного ухаживания у нас состоялся серьезный разговор. Аркадий пригласил меня в ресторан и преподнес букет алых роз что-то около штук сорока, наверное, а когда мы устроились за столом, протянул бархатную коробочку, в которой лежал, посверкивая мелкими бриллиантиками, прекрасный браслет белого золота.

— Я обратил внимание на твое необыкновенное интересное кольцо, с которым ты не расстанешься, и решил, что эта безделушка подойдет к нему, — сопровождал он свой подарок речью.

Браслетом я любовалась, удовлетворив свои эстетические вкусы, медленно закрыла крышку коробочки и протянула обратно.

— Аркадий, чтобы между нами больше не возникало недоразумений по этому поводу, должна поставить тебя в известность: я не принимаю подарков от чужих мужчин. А мертвые срезанные цветы не люблю, — кивнула я на розовую клумбу в высокой вычурной вазе, которую поставил официант. — Так же, как не принимаю и отвергаю презенты в виде растений в горшках.

— Но я же не чужой тебе мужчина, — настаивал господин Андреев, — ты же понимаешь, что очень мне нравишься, и даже больше, чем нравишься, я ухаживаю за тобой, мне доставляет особое удовольствие баловать тебя подарками.

— Вынуждена тебе в этом удовольствии отказать, подарки я принимаю только от родных и близких. Без исключений. И в данный момент, Аркадий, ты мне все же чужой человек.

— Я именно об этом и хотел поговорить, — ухватился за мои слова он, и я с некой досадой уже понимала, что дальше последует, и, как водится, не ошиблась. — Давай исправим эту оплошность, и я перестану быть тебе посторонним. Я хотел бы, чтобы ты вышла за меня замуж.

— Это несерьезно, — расстроилась я как-то даже чересчур. — Я практически тебя не знаю.

— А мы это исправим. Я намерен находиться с тобой рядом, постараюсь рассказать о себе все и сделать так, чтобы ты меня лучше узнала.

— Давай начнем с первого пункта, — предложила я, — получше узнаем друг друга.

Он понял это предложение чисто в мужском однозначном ключе, пришлось доходчиво растолковывать, что спать с ним я пока не намерена.

Но его напор был неослабевающе сильным. Вскорости, я и не успела понять как, но он умудрился меня уговорить и поехал вместе со мной знакомиться с бабушкой в Рощино.

Вообще-то это была большая ошибка Аркаши. Надо знать мою бабушку!

Это совершенно уникальная дама. Я бы сказала, даже слишком! Основной чертой характера моей бабушки Ангелины Григорьевны является безапелляционная убежденность в том, что она — единственный в мире человек, который совершенно точно знает все: как правильно жить, что надо правильно для этого делать, как строить семью и руководить государством, как сажать пшеницу и растить детей, как доить корову и... все аспекты жизни!

И никаких иных мнений просто не может быть по определению! Не может, и все!

Единственный вариант приемлемого общения с бабушкой — соглашаться со всем, о чем она вещает, и желательно сразу, тогда относительный мир еще возможен.

Но она постоянно будет подозревать вас в том, что вы имеете и свое мнение по какому-либо поводу, и будет стараться вывести вас на чистую воду всевозможными провокациями и неожиданными вопросами. А подловив, устроит вам настоящее аутодафе. Без вариантов.

На самом деле я давно подозреваю, что это такая игра в жизнь, в которую бабушка заигралась от скуки, безделья и врожденной склонности к средней форме тирании.

У меня же, единственной из всей семьи, знакомых и друзей с бабушкой сложились нестандартные отношения. Когда дед первый раз, в мои семь лет, отправлял меня без сопровождения тетки, всегда стоявшей защитной стеной между мной и бабушкой, к Ангелине Григорьевне на все лето, он дал мне одну, но очень ценную инструкцию:

— Что бы она тебе ни говорила и как бы ни наставляла и требовала подчиняться ее распоряжениям, делай так, как сама считаешь нужным. Так, как подсказывает тебе твоя совесть и те правила жизни, которым мы тебя учим. А чтобы бабушка не обижалась, кивай и соглашайся, когда она тебя наставляет. Больше всего на свете Ангелина любит поучать, администрировать и распоряжаться, проверять же исполнение своих указаний она не считает нужным. Это уже не барское дело. Ну а если кто-то сделает по-своему и у него это хорошо получится, она смело приписывает все его достижение своему мудрому руководству, наставничеству и уму.

Как ни странно, но я поняла все, что он хотел этим сказать. И наше существование с бабушкой с того момента стало весьма комфортным — она наставляла и распоряжалась, я улыбалась, не слушая ее нравоучений и требований, соглашалась и делала все, что мне заблагорассудится. И ни разу между нами не возникло непонимания или конфликта.

Подозреваю, она все прекрасно понимает, посмеивается про себя над всеми нами и радуется, что я единственная, кто научился с ней уживаться. Прочая родня, даже дед иногда не выдерживает и срывается, разговаривать тихо-мирно с Ангелиной Григорьевной не в состоянии, впрочем, как и все остальное человечество.

Но я ее секрет никому не выдаю.

Новоявленному жениху Аркаше досталось бабушкиного скепсиса и наставительных речей по полной программе, он, по-моему, даже вспотел от неожиданности, слабо отбиваясь от ее напора, и улыбался несколько натужно. Нет смысла приводить их «содержательную» беседу, состоящую по большей части из монолога Ангелины Григорьевны, растолковавшей молодому человеку, как надо руководить страной, его строительной компанией, и закончив наставление рекомендацией определенного травяного сбора для того, чтобы продлить свою мужскую силу на долгие годы.

Мне пришлось дважды под каким-то предлогом стремительно покидать веранду, где нас принимали бабушка и ее домоправительница за круглым дворянским столом, покрытым вязаной скатертью и уставленным всевозможными угощениями к чаю, чинно разливаемому из старинного самовара.

Так вот я неслась в комнату и, зажимая рот, ухохатывалась до слез и икоты, поглядывая через окно на вытянувшуюся морду Аркаши.

На следующий день после нашего приезда бабушка соизволила мне позвонить и потребовала, чтобы я немедленно приехала.

— Что хочет от тебя этот мужик, кроме, разумеется, банальной похоти? — спросила она меня с порога, даже не поздоровавшись.

Я усмехнулась, подошла к ней, поцеловала, пообнимала и села рядом за стол, куда она указала мне своим величественным перстом.

— Утверждает, что намерен на мне жениться и как можно быстрее. Говорит: «люблю до страсти!»

— Он мне не понравился, — произрекла бабушка. — Хлипковат натурой и очень себе на уме. — И повторила: — Очень не понравился.

Я же говорю: Ангелина Григорьевна у нас еще та бабулька, умом Бог не обидел, а что всю жизнь выделяется и над народом измывается, так

это такое ее жизненное кредо. И потом: не подставляйтесь, и не будете получать.

— Думаешь? — с сомнением переспросила я.

— Но, с другой стороны, — рассуждала дальше бабуля, не обратив внимания на мою реплику, — он молод, неплох собой внешне, не герой, конечно, и мужественности не хватает, но никогда не был женат, детей пригулянных не имеет, я расспросила с пристрастием, как я умею, — пояснила она, глянув на меня, и снова перевела взгляд в даль: на просторы.

Думаю, не стоит уточнять, что с пристрастием она умеет, как никто. И вроде бы между прочим, а ловишься на ее вопросы, как дурак, и выкладываешь все подряд, признаваясь в чем угодно! Я-то давно научилась не попадаться, но остальных она расщелкивает, как нашкодивших детсадовцев. Кроме деда, разумеется.

— Обеспечен, — продолжила перечислять аргументы бабуля. — Более чем обеспечен. И, разумеется, для любой женщины желанный трофей. Мужчина свободен и вполне женихаст.

Она замолчала. Мы обе молча смотрели в дали, уже начинающие желтеть, предупреждая о скором приходе осени.

— Дед, разумеется, будет против, — нарушила неожиданно молчание бабушка. — Повторюсь, я от этого мужчины тоже не в восторге. Но если хочешь, можешь сходить за него замуж, раз уж ты решила сбежать из Москвы непонятно зачем и кому что доказывая, — разрешила она мне и задумчиво добавила: — Никогда заранее не знаешь, что может в хозяйстве пригодиться.

И более не возвращаясь к этой теме, распорядилась пить чай.

А когда я уже, пообнимавшись, попрощалась с ней и Зинаидой, руководившей всем хозяйством помощницей, постоянно проживающей в усадьбе, бабушка выждала, пока я сбегу по лестнице и поверну к гаражу, распорядилась:

— Только обязательно наведи о нем справки! — И напомнила: — Дед будет против.

Справки я навела — спросила у Мишки. Ничего такого особенного он мне не сообщил — несколько лет назад Аркаша и его компаньон и соратник Максим Иваницкий инвестировали капитал в некий строительный проект федерального значения, финансируемый в том числе и государством, и нехило на этом проекте заработали.

А после, пять лет назад, они открыли в городе дочернюю фирму своего строительного холдинга, инвестируют в интересные проекты, и полтора года назад добились разрешения на застройку одного из красивейших

заповедных мест области коттеджным поселком элитного уровня. Поселок сразу же получил статус виповского, и стоимость домов там взлетела нереально. Но уже все строения застолблены и раскуплены еще на этапе проектирования, настолько местный бомонд жаждет занять эту недвижимость. Эдакое гнездовье для самых богатых и властных людей области.

Вот и все данные. Не считая того, что областная администрация с Андреевым и Иваницким не просто на короткой ноге, а лебезят и поглядывают с подобострастием — ну, как же, иностранные инвесторы и меценаты, ремонт в детском доме сделали.

Деду бабушка настучала.

Я лично сообщать ему об Аркаше не торопилась, пока сама еще не определилась со статусом этого мужчины в моей жизни и собственно тем, нужно ли мне вообще такое приобретение. И, разумеется, дед был против:

— Ты его совершенно не знаешь. Что за человек, кто таков, откуда? — И пригрозил: — Я наведу справки.

— Не надо! — остановила я. — Согласие выходить за Аркадия замуж я пока еще не дала и сомневаюсь, что вообще дам.

— Да ты сегодня сомневаешься, а завтра уже в загсе окажешься! — ворчал дед. — А обезопасить себя и не вспомнишь!

— Дед, я давно уже обезопасена... или как сказать? — тормознула я и разозлилась на себя: — Не важно! Ты меня уже со всех сторон обезопасил: недвижимости у меня в единоличной собственности нет, движимости тоже! А правила ежедневной безопасности и осторожности ты мне привил уже на уровне рефлексов. — И зачем-то добавила: — И еще кое-кто.

— Кстати, про кое-кого, — ухватился дед, но я не дала ему развить эту тему.

— Нет, дед! — строго потребовала я.

Он понял. Помолчал и повторил:

— Я против.

— Да ладно тебе, дед, ерунда все, — успокоила я его беззаботным тоном.

— Но если все ж замуж соберешься, хотя бы голову не теряй и контракт подпиши.

— Ерунда, — повторила я.

А где-то через неделю бесконечных, жарких и настойчивых признаний в любви и бесконечных же уговоров и красивого ухаживания Аркаши, я в какой-то момент отчего-то подумала, но несколько вяло, без огонька:

«А чего, правда, что ли, сходить, может, замуж? Осчастливить

человека, раз он так настаивает и утверждает, что страдает? К тому же бабушка права — никогда заранее не знаешь, что в хозяйстве пригодится. Да и может, слюбится, как обещает народная мудрость».

Ну, женщина имеет право совершить глупость, в конце-то концов!

Да просто обязана!

Когда я дала свое согласие, то Аркаша так расчувствовался, что даже пустил скупую мужскую слезу счастья, чем меня несколько подивил, но я приписала проявление столь сильных чувств тому, что все это время отказывала ему в интимной близости, пошучивая, что постель только после загса.

Я-то шутила в надежде, что он устанет меня «окучивать», разочаруется и тихо отвалит, а он все принял всерьез, однажды даже высказался в том ключе, что, мол, уважает меня за мои принципы.

Мам дорогая, какие принципы? Но разочаровывать жениха я не решилась.

Стоило мне согласиться, как подготовка к свадьбе закрутилась с такой немыслимой скоростью, что я никак не поспевала за стремительностью событий. Аркаша взял всю организацию на себя, и единственное, что мне удалось отстоять чуть ли не насмерть, так это совсем скромную церемонию для узкого круга близких людей. Он-то собирался оповестить весь город, позвать на свадьбу самого губернатора и горячо убеждал меня, что это важно для нас обоих, как для предпринимателей, приводил аргументы один краше другого.

Но я твердо стояла на своем — или втихаря и скромненько, или вообще никак.

На никак он не был согласен, и мы забронировали небольшой, но элитный пансионат, пригласив всего двадцать человек друзей и родственников.

Из гостей с моей стороны были вся моя дачная компания и дед. Тетка прилететь не смогла, а выслушав известия о скоропалительной свадьбе, расстраиваться по этому поводу не стала, отмахнувшись:

— Как я понимаю, это просто твой каприз.

— Ну, где-то так, — честно призналась я: никогда не могла ей лгать, да и смысла не было. — Я подумала: отвлечет от всяких ненужных мыслей и воспоминаний. И может, у нас что и получится с Аркадием.

— Да ерунда! — возразила Альбина. — От этих мыслей тебя ничто не отвлечет, кроме самого предмета и пока ты фигней страдать не перестанешь. — И, призадумавшись, благословила: — Ну а замуж чего бы не сходить, вдруг и на самом деле мужик хороший и сможет тебя в себя

влюбить.

Насчет влюбить я сильно сомневалась. Насчет «хороший» сомневалась совсем чуть-чуть, но подозрения все же имела — ну, ничего: поживем, а там разберемся...

Бабушку выехать из усадьбы даже свадьба не заставила, она лишь потребовала, чтобы на третий день мы явились для отчета, легкого застолья и благословения, если она на него расщедрится.

А про мать и говорить нечего.

Когда я сообщила деду дату бракосочетания, настаивая на его приезде, он дал обещание быть непременно.

Только уже после росписи и первого застольного отмечания в ресторане пансионата отвел меня в сторонку и кое-что сказал. Честно говоря, я весь день с трепетом и нетерпением ждала этого разговора и его вердикта жениху. Вот и дождалась.

— Киронька, парень он хоть и статный и красивый, чего у него не отнимешь, но совершенно тебе чужой. К тому же темный, мутный и непонятный, как и его партнер Макс, — дед, улыбнувшись, погладил меня по руке и поцеловал в лоб. — Но ты имеешь право сама делать выбор, совершать ошибки и учиться на них. Что бы ни получилось из этого твоего побега в скоропалительное замужество, будем надеяться, все пойдет тебе на пользу. — И попросил: — Только будь все же внимательна и осторожна.

Я пообещала не дать себя в обиду, и дед заговорил о том самом «предмете», который я обсуждать никак не хотела, тем более в такой день, но деда перебить я не могла.

Кстати, я тут упустила один момент — период Аркашиного активного не в меру ухаживания проходил не совсем чтобы гладко и мирно — нет, все было шикарно и впечатляюще, поражать меня ему вполне удавалось, но...

А вот этим самым «но» оказался его партнер и близкий друг Максим Васильевич Иваницкий, сорокапятилетний мужик с тяжелым взглядом темно-карих глаз, в остальном же приблизительно такого же типажа, что и Аркаша — ухаживающий за собой бонвиван с деньгами. С большими деньгами и возможностями.

На том историческом мероприятии, где мы познакомились с Андреевым, Макс не присутствовал, находясь в какой-то командировке, но когда через неделю он вернулся, нас сразу же познакомил Аркадий.

Максим Васильевич был настолько поражен чрезмерно серьезным отношением Аркаши ко мне, да и самой моей персоной, что почти не скрывал своего ошеломления. Позже выяснилось, что у господина Иваницкого так же, как и у его компаньона, вспыхнули где-то там в

глубине, где положено находиться душе, какие-то уж больно сильные чувства ко мне.

С пресловутого первого взгляда.

И вот он полез вмешиваться — несколько раз приглашал меня на беседы и вразумлял, в мягкой форме намекая, что из Аркадия не получится мужа. Никакого — ни хорошего, ни плохого, он к такой ипостаси не приспособлен.

В общем-то я подозревала нечто такое, но сам Максим Васильевич мне не нравился категорически и вызывал далеко не добрые чувства, поэтому прислушиваться к его советам я не стала.

Накануне свадьбы Иваницкий снова попытался вразумить меня и отговорить от опрометчивого шага, для чего и приехал ко мне домой:

— Кира, он сделает тебя несчастной! — уговаривал Макс. — Вы совершенно не подходите друг другу. И как бы я его ни любил и ни был предан нашей дружбе, но должен предупредить, что Аркаша совсем не тот мужчина, который сможет оценить, какой бриллиант ему достался, и по-настоящему заботиться и любить тебя. Он на это просто не способен.

— Значит, буду наказана за собственную глупость и неосмотрительность, — пожала я плечами.

— Кира! — произнес он с придыханием, шагнул ко мне ближе, взял мои руки в свои, заглянул в глаза и заговорил уговаривающим полупшепотом: — Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. И я не скрываю этого. Я стану тебе хорошим, достойным мужем. Я всегда буду защищать тебя и ограждать от любых сложностей и неприятностей. Я же...

Но я перебила его, выдернув свои ладони из его рук:

— Максим, завтра я выхожу замуж за Аркадия. Мне кажутся неуместными твои признания в такой момент.

И выпроводила его из дома. Мягко, без скандала, сославшись на головную боль.

Ну, вот не нравился мне господин Иваницкий и настораживал необычайно, и ничего с этим я поделать не могла. Было в нем что-то такое... не могу определить, но в его присутствии я непроизвольно мобилизовывалась, контролировала свои слова и действия.

Такой вот человек, что и по башке ему дать тянет неудержимо, и так, знаете, от души, чтобы проняло, и вроде как и не за что!

Видимо, из-за моего завуалированного отказа и глубоких переживаний по этому поводу господин Иваницкий был единственным человеком на нашей свадьбе, который довольно сильно напился.

То, что я на самом деле сглупила с этим дурацким замужеством, я

поняла уже на следующее утро. Даже не на утро, а посреди ночи.

Жених, получив официальный статус мужа, был наконец допущен до моего белого трепетного тела и...

И первая брачная ночь прошла для меня под удручающим девизом: «Абсолютное не то!»

Но Аркаша, провозившись со мной в постельных играх всю ночь, утром отчего-то выражал небывалый восторг, высказываясь в том ключе, что это была фееричная фантастика.

— Милая, ты была великолепна! — поглаживал он меня, посверкивая глазками. — Стоило ждать тебя сколь угодно долго, чтобы испытать такое невероятное удовольствие.

Какое там удовольствие? — недоумевала я.

Нет, не обижать же мужика совсем уж, и я ему подыгрывала, насколько хватало моей совести — не намного, честно признаюсь, но ахала в нужных местах, охала, постанывала и двигалась, где положено. Но без огонька и с большой лентой от разочарования, а местами так и вовсе откровенно сачковала, напоминая дерево дуб.

Ну, березу, на худой конец. Но «дерево».

Не подумайте чего плохого: со всеми мужскими достоинствами у Аркаши все в полном боевом порядке.

Не в порядке было, видимо, что-то со мной. И я даже знаю, что именно.

Пришлось признаться самой себе: я серьезно напортачила со своей жизнью и совершила ошибку. И чего, спрашивается, не переспать с ним до свадьбы, тогда бы все сразу стало ясно.

Нет ведь не хотелось мне! Так может, стоило задуматься, почему не хочется? И голову включить?

Вообще, это рассуждения в пользу бедных — я прекрасно отдавала себе отчет, зачем вышла за Аркашу замуж, и теперь мне оставалось только уповать на то, что и на самом деле что-то там у меня с ним стерпит. Ну хоть на какое-то время. А пока приходилось исполнять обязанности жены и ложиться каждую ночь в постель, которую я себе так неудачно «постелила».

От немедленного побега и признания поражения меня удержало лишь то, что через три дня после свадьбы Аркаша вместе с Максом улетели в какую-то командировку по жутко «горящим» и важным делам.

Подозреваю, что неотложные дела специально придумал Макс, чтобы не надрывать свои нежные нервы, глядя на счастливого друга.

Ну а я тем временем занялась обследованием дома Аркадия, в который

переселилась сразу же после свадьбы, работала и размышляла, надолго ли меня хватит.

Домик, надо сказать, оказался очень даже интересный — современный хай-тек, вписанный в природный ландшафт, множество стеклянных поверхностей, витринных окон и раздвижных стеклянных же панелей, ведущих в сад. А еще я сделала весьма неожиданные находки — например, тайные комнатки, правда, пустые, парочку сейфов, спрятанных за стеновыми панелями, а в гараже обнаружила три машины представительского класса. Но, что странно, этом дом производил впечатление несколько запущенного и нежилого.

Удивившее меня ощущение.

Аркаша с Максом вернулись, и пришлось снова изображать жену.

Довольно быстро мне эта роль надоела. Я поняла, что про «слюбится» и «стерпится» это категорически не мой вариант. Каждый раз, когда подходило время укладываться спать или отдаваться законному супругу среди бела дня, желание мое не торопилось, оставаясь в слабом возмущении на уровне: «отстань от меня».

Через пятнадцать дней после свадьбы я, тяжело вздохнув и дав правдивые оценки своим поступкам, самым мягким из которых было «идиотизм», по тихой сапе пошла в суд и подала заявление на развод. Что-то там наплела сердобольное про роковую ошибку и попросила развести нас поскорей.

А затем принялась обдумывать, как преподнести это известие молодому мужу. Как-то прямо у меня не получалось и криво тоже. Не скажешь же на самом деле в лоб — прости, родной, но в сексе ты меня совершенно не устраиваешь, а жить с тобой мне неинтересно и скучно!

Очень хорошо, только возникает один-единственный вопрос: а раньше, значит, что? Тебе было с ним весело? Ах, да, еще один вопрос — а что, до свадьбы никак не могла понять, что он тебя совершенно не возбуждает как мужчина?

Но я же говорю: имею право на ошибку! Переклинило что-то там в голове, бывает. А вот обижать Аркадия мне не хотелось.

И я решила отложить объявление до понедельника, как водится у нашего народа, начинать именно с этого дня недели, и объявила мужу, что мне надо на выходные поехать к бабушке, что-то она прихворала.

Да простит меня бабуля за эту ложь, дай ей Бог здоровья!

Как ни странно, Аркадий с легкостью меня отпустил и даже извинился, что не сможет сам отвезти по причине занятости.

— Может, ты со мной поедешь? — на всякий провокационный случай

предложила я.

— Нет, не смогу, — опечалился он и, обняв меня примирительно, поцеловал в нос.

Терпеть не могу, когда меня целуют в нос!

— Ну, тогда я прямо сейчас и поеду, — вздохнула я и пояснила: — Ты же знаешь бабушку: она приказала быть!

— Да уж, — хохотнул Аркаша, — Ангелина Григорьевна — неординарная женщина.

— Что ж так мягко? — улыbnулась я, довольная, что могу слинять.

Я ехала в Рощино и думала о том, что каждый раз, когда я не слушаю деда и поступаю не так, как он рекомендовал — и получается какая-то фигня. Конечно, он прав: это моя фигня и мои ошибки, которые я имею полное право совершать. Как говорят англичане: «опыт — это то, что вы получаете, когда не получаете того, чего хотите».

Вот не дураки эти англичане.

Конечно, я учусь на своих ошибках и приобретаю уникальный, драгоценный опыт, да только кому он дался: каждый раз по башке обухом, нет бы слушать умных людей, глядишь, и стала бы счастливей.

Тем более что уже сто, наверное, раз проверено — дед практически никогда не ошибается! Чего проще — спроси его, прислушайся к толковому совету и...

Однако иногда я стою на своем, как это случилось с переездом из Москвы. В этом вопросе мы с дедом расходимся до сих пор, и я стою на своем, отказываясь обсуждать сам предмет моего побега.

А дурацкая свадьба с Аркашей — ерунда, с этим я справлюсь. Тут я вздохнула — придется пока потерпеть рядом бесполезно красивого и богатого мужа.

Вот ведь чувствовала, что из этой затеи не выйдет ничего хорошего, но пошла-таки у себя на поводу! — снова принялась ругать я себя, скривившись от недовольства.

Каждый раз, когда Аркадий меня обнимает или целует и тащит в постель, у меня возникает устойчивое ощущение, что я с ним занимаюсь банальной супружеской изменой... Такой гаденькой и подленькой!

— Прекрати! — одернула я себя в голос.

Но как ни кричи на себя, а похоже, получать удовольствие я могу только с одним мужчиной, с которым это невозможно.

— Вот именно! — напомнила я себе. — Невозможно. Все. Точка.

И тут совсем не в тему и некстати, или, наоборот, очень даже кстати, я неожиданно сообразила, что забыла захватить торт, специально

испеченный моими кондитерами для бабушки и Зины, и свежую выпечку.

Я отругала себя с особым проникновенным чувством за все сразу и в частности за то, что отвлеклась на запрещенные самой себе мысли, от злости резко развернулась и поехала обратно — и торт, и выпечку я же домой привезла заранее.

Хорошо хоть уехала недалеко.

Загонять машину на участок я не стала, оставила возле ворот и прошла через калитку, с удивлением заметив, что возле гаража стоит Аркашин «Порше», муж же вроде собирался по важным делам до вечера в городе находиться.

Но мысленно отмахнулась — какая разница, дома он или в городе.

А в большом холле, на консоли у входа я увидела дамскую сумочку и сразу что-то заподозрила, скорее почувствовала возможное...

И напрямик — но тихо-тихо — направилась в нашу спальню.

При приближении к спальне серебро моих подозрений переплавилось в золото факта — в коридоре были разбросаны мужские и женские вещи, а из комнаты доносились совершенно определенные звуки, как правило, сопровождающие жаркий акт совокупления.

Наверное, ни одна жена на свете не испытывала такой радости и облегчения, как я в тот момент, застав мужа в постели с другой женщиной!

Я вошла — нет-нет — не ворвалась, поскромничала! Тихонько вошла и даже поснимала на смартфон эту бытовую порнографию, отчасти для развлечения, а по большей части в качестве доказательства супружеской измены на будущее.

Дождалась достижения парочкой апогея, и только тогда обозначила свое присутствие, скромно кашлянув.

— Кира?! — дернулся всем телом Аркаша, подскакивая с девицы. — Ты разве не уехала? — не придумал ничего более он.

— Здравствуйте, — поздоровалась я с барышней, чуть сдвинувшись в сторону, чтобы увидеть ее за торсом растревоженного не на шутку Аркаши.

Так вот, значит, с кем он амурничает.

Я видела ее несколько раз. Мне эту девулю Аркаша представил как одного из своих секретарей-референтов. Мы даже как-то вместе обедали в моем кафе. Я еще тогда, помнится, подумала, что для референта она несколько туповата, а для фирмы такого уровня, как Андреева, так и непростительно туповата. Но, может, у нее иная, скажем так, более прикладная, «горизонтальная» задача по «работе» с важными клиентами и партнерами? Интеллектом девушка не блистала, обходилась искусственной красотой — судя по накачанным губам и явному тюнингу лица и груди.

Да и правильно — надо следить за формой, когда содержание подкачало, а как же!

— Но ты же у бабушки... — проблеял Аркаша.

— Да я выпечку забыла, — улыбнулась я и махнула беззаботно рукой. — Ну, я пойду, — указала я пальчиком на выход и, снова заглянув, чтобы видеть девицу из-за Аркашиного плеча, мило попрощалась: — До свидания.

И вышла из комнаты.

Разумеется, Аркаша не удержался и, нервно накинув халат, поспешил за мной в кухню, где я уже перекладывала в специальную фирменную сумку сети наших кафе торт и выпечку из холодильника.

— Кира! — влетел в кухню Аркаша. — Надеюсь, ты понимаешь, что это ничего не значит?

— Что именно? — с искренним недоумением уточнила я.

— Ольга! В смысле эта девушка ничего не значит! — разъяснял он, все больше нервничая. — Это просто секс, и ничего более! Ни одна женщина в моей жизни не имеет никакого значения, кроме тебя! Все остальные...

— Так их много? — спокойно переспросила я. — Я так понимаю, что не одна референтша тебя обслуживает?

— Да... то есть нет! — сбился он и ринулся снова что-то объяснять: — Это просто обычный секс. Мне всегда надо было много секса. Они ничего не значат! — повторился он и попытался схватить меня за руку, но халат распахнулся, Аркаша нервным движением стянул ворот, стыдливо прикрывая нашкодившие причиндалы. — С тобой у меня самый невероятный секс, и ты моя жена! Я люблю тебя! — распалялся он все больше. — А эти девушки... их словно и нет! Они никто вообще и для меня ничто. Это просто так... обычная мужская жизнь.

— Оно и понятно, — прервав его сбивчивый монолог, кивнула я. — У хорошего кота и в январе март. — И отмахнулась: — Ладно, Аркаша, мы потом поговорим. А сейчас меня ждет бабушка.

— Да-да, — заспешил он, заискивающе глядя мне в глаза. — Я провожу! Донесу сумки до машины!

— Я вполне справлюсь сама, — отказалась я и «позаботилась»: — Ты вернись к своей даме и не ходи босиком, пол холодный.

Бабушке, ясный день, я сообщать про «левак», за которым застукала мужа, не стала. А от нее вернулась не в Аркашин дом, а к себе в квартиру.

Он названивал весь вечер, рвался поговорить и в двери звонил, но я не пустила, пообещав, что все обдумаю и мы пообщаемся завтра. И с большим душевным удовольствием завалилась в свою любимую кровать!

На следующий день началась эпопея!

Я бы сказала: «кадр один, дубль двадцать два» — вымаливание Аркашей прощения с требованием вернуться в лоно семьи вышло у него под стать ухаживанию, с размахом.

Он не каялся — он реально, без «балды», говоря современным языком, не понимал, чего я, собственно, взбрыкнула?! Какая измена?! О чем ты?! Банальный трах с незначительными женщинами, это ты называешь изменой?! Да что за чушь! Мужик позанимался сексом, и из-за этого ты решила с ним расстаться? Что, серьезно?

Он на самом деле не понимал, я бы сказала: недоумевал беспредельно.

— Я же не влюбился в другую женщину! — негодовал он. — И у меня нет постоянной любовницы! Я же не изменяю тебе!

Ну что тут ответишь? Ну я и ответила, как могла:

— Аркаша, я хочу с тобой развестись.

— Никакого развода!! — орал Аркадий — Я люблю тебя до смерти! Ты единственная женщина, которая мне нужна! Ты единственная, кого я полюбил за все свои сорок два года! И единственная, с которой у меня на самом деле может получиться настоящая семья! Никакого развода!!

И данное заявление звучало основным рефреном всей его шумной, а частенько и показательно публичной, рассчитанной на скопление зрителей, кампании по возвращению взбрыкнувшей жены.

Он заваливал меня цветами, игнорируя факт, что я не люблю срезанные цветы, подарками, доставал выкидонами из разряда: «все, что угодно для любимой женщины!» Например, заказать симфонический секстет, который играл рано утром под моими окнами Вивальди, и первый ласковый снежок покрывал замерзающих музыкантов и инструменты.

Были и баннеры на рекламных щитах вдоль дороги, и натянутые над улицей плакаты. И безумное количество шариков, выпущенных в небо, когда я выходила из машины, и цыганщина всякая — чего только он не изобретал.

Весь город наблюдал за этой фигней, делая ставки на результат — то есть вернусь я или нет и когда именно. Тотализатор прямо!

Да! Еще Аркаша заговорил о детях! Это вообще было уже через край!

— Кира!! — ворвался он как-то в наше центральное кафе.

Весь такой чудо-мужчина, королевич, не иначе, мечта всех женщин мира — высокий, стройный, красивый, покрасневший с морозца, в распахнутой, невесомой натуральной шубе особой выделки из какой-то экзотической животины и с громадным букетом в руках.

— Кира!! — сверкая глазами, снова позвал он.

А когда я явилась на зов супермужчины под любопытными взглядами всего персонала, высыпавшего посмотреть на нас, и, разумеется, посетителей, он театрально-красивым жестом обнял меня одной рукой, притянул к себе и, заглядывая мне в глаза, прошептал особым голосом:

— Я понял, что нас спасет! Нам нужны дети! Роди мне ребенка, и все у нас сразу же наладится! Сына! — засмеялся он и даже голову откинул тоже очень красивым актерским жестом, а посмеявшись, прижал мою ладонь к своей груди и совсем сексуальным низким тембром голоса произнес: — Или лучше дочку! Таковую же, как ты, красавицу!

Я обалдела от этой неожиданной вводной.

Какие дети? Вы о чем? Это предложение от Аркаши звучало для меня настолько дико, как предложение, я не знаю... папуаса станцевать с ним танец охоты на леопарда, и было так же невозможно, как цветущий кактус, растущий на голове у козы! Ребенка, и не одного, а нескольких я мечтала родить от одного-единственного мужчины.

Предложения завести детей от любого другого мужчины казались мне полным бредом и чушью несусветной. Хотя я и понимала совершенно отчетливо, что скорее всего детей у меня не будет, поскольку от того... словом, нет для меня того мужчины!

Как-то мне удалось в тот раз утихомирить Аркашу и даже выпроводить из кафе. Но после этого выступления я четко поняла, что разводиться надо как можно быстрее и ждать положенный срок я не намерена. И ускорила, как могла, этот процесс, так и не посвятив все еще моего законного мужа в то, что подала на развод.

Поскольку Аркаша согласия на это действие не давал, то разводили нас через суд. К тому моменту первое заседание суда уже прошло, понятное дело, что муж мой на него не явился, а с чего бы ему являться, повестку-то я за него получила.

Оповещать его и выносить наши разборки в суд я не собиралась — на фига? Выслушивать прекрасные, велеречивые монологи с непролитой мужской слезой в глазах, обращенные к судье? Вот уж чего мне и так с перебором, так это Аркашиных выступлений!

Собственные нервы, знаете ли, дороже!

Но ускорить развод требовалось. И я канючила в судебном секретариате, уговаривая назначить следующее заседания суда как можно быстрее, и, как ни странно, мне пошли навстречу, сдвинув дату второго заседания. Даже объяснять не буду, что Аркаша не явился — повестку снова забрала я.

А вот чтобы не затягивать со следующими заседаниями, мне пришлось

несколько поправить закон — через почту и официальный сайт районного суда я вошла в раздел делопроизводства районного суда, где в отделе судебных расписаний поставила свой развод на приемлемую для меня дату.

Ну, да-да! Это, скажем так, несколько незаконно! И да, я могу делать многое в управлении системами и разбираться в вопросах программирования и кое-чего еще.

Совсем скромно, не подумайте чего!

Но мне же надо! Так что обойдемся без совестливости, излишней в данном вопросе.

В результате моих манипуляций, уже через полтора месяца после первого заявления, которое я подала через пятнадцать дней после свадьбы, я получила на руки официальный документ о разводе с гражданином Андреевым и постановление суда о том, что я не имею никаких материальных претензий к данному гражданину и не имею права на какую бы то ни было долю его материальных ценностей, а он, соответственно, не имеет права рассчитывать на мои материальные ценности.

Фамилию я, выходя замуж, не меняла. Теперь в моем паспорте стояло два штампа: о замужестве и разводе. А у меня словно камень с души свалился.

Вот так и закончилось мое странное замужество.

И за каким чертом оно мне сдалось, спрашивается?

Если честно, я знаю за каким — за очень конкретным, но об этом я уже не думаю — отрезала, и все!

Аркаша еще долго не унимался и шумел, грозил чем-то и пару раз откровенно плакал. Чем вызвал во мне легкое, но вполне себе настойчивое сомнение, что женился он на мне не просто так, любви ради, о которой распространялся на всех углах, а за каким-то еще надом, известным только ему.

Вот такое вот подозрение у меня в голове образовалось.

Однажды Аркаша пригласил меня в ресторан, пообещав вести себя тихо и спокойно, сцен не устраивать, а просто поговорить по душам.

Я согласилась, но понимала, что по душам, это он сильно преувеличил — какие уж тут души, когда мы совершенно чужие люди.

Но, как ни странно, разговор у нас получился и на самом деле в чем-то проникновенный. Аркадий нормально, без выпендривания, признался, что и на самом деле первый раз в жизни влюбился, да так, что ему плохо без меня, и... и много чего он еще говорил в тот вечер по-человечески искренне, как мне показалось. Даже извинился за измены, хотя тут же признался, что откровенно не понимает, за что извиняется.

Не знаю, почему, может, просто не хотелось разбивать то наше настроение тихой, спокойной беседы, в чем-то даже откровенной, что ли, но я так и не решилась уведомить его, что мы уже разведены.

А через неделю Аркаша пропал.

Мне позвонил растревоженный не на шутку Макс и спросил, когда я последний раз видела Андреева. Ну а потом была полиция, прокуратура, непростые ребята криминальных представителей области и долгие расспросы, допросы, даже обыски и подозрения. И именно тогда Иваницкий узнал о нашем разводе. Макс спросил, почему я, как жена, не подала заявление об исчезновении мужа. Вот я и оповестила, что уже не являюсь женой Аркадия.

Андреева объявили во всесоюзный розыск. А через пару месяцев — отчего-то очень быстро, — вроде бы по закону требуется совсем другой срок, но Аркашу признали без вести пропавшим.

И до позавчерашнего дня я бывшего мужа не видела. Хотя сомневаюсь, что нашу «встречу» можно в полной мере отнести к понятию «мы увиделись».

Максим Васильевич Иваницкий встретил меня печальным взглядом и особым радушием. Предложил чай, кофе или пообедать, если я соглашусь пойти с ним в ресторан — я от всего отказалась, попросив лишь стакан теплой минеральной воды без газа с парой капель лимонного сока.

— Что у тебя случилось, Кира? — обеспокоенно спросил он, когда мы устроились за небольшим кофейным столиком у него в кабинете. — До меня дошли невероятные какие-то слухи, что ты вроде как нашла труп?

— Нашла, — не стала отрицать я. — У себя в квартире.

И я сжато, практически протокольно, рассказала ему обстоятельства, при которых обнаружила мертвеца в своем кресле.

— Как он попал в твою квартиру?! — возмутился Иваницкий и вдруг сообразил: — Постой, постой, так ты что, получаешься главной подозреваемой у ментов? — разволновался он всерьез, да так, что не усидел на месте, подскочил и зашагал передо мной из стороны в сторону.

— Получилось бы, — устало ответила я и объяснила ему про больницу и отравление, но отчего-то умолчала о возможности того, что мне подмешали некий препарат, закончив свой рассказ совсем иным выводом. — Наверное, отравилась каким-то блюдом на юбилее.

Почему я ему не сказала? Не знаю. Из вредности, может, или оттого, что он мне не нравился.

— Но это не главное, — заключила я.

— Как это не главное?! — возмутился Иваницкий. — Ты так пострадала! Ты вообще могла умереть! Почему ты мне сразу не сказала, я бы смог защитить тебя от любых ментов! И лучших врачей предоставить!

— Ничего этого не требовалось, Максим, — еле удержалась я от того, чтобы не поморщиться от его совсем не нужной мне заботы. — Алиби, как говорят в органах, у меня железное. А здоровье потихоньку нормализуется. Я не поэтому к тебе пришла.

— С тобой что-то еще случилось? — Он даже побледнел от переживаний.

Я еще подумала: что-то он чересчур волнение о моей персоне выказывает. Ну, вредничала, вредничала, не скрою! Но в его такую уж сильную, чистую и искреннюю любовь к моей персоне верилось с трудом.

— Со мной нет. А вот труп... — И вздохнув, выдала я информацию: — Максим, это Аркадий. Я его не узнала, потому что он сделал пластику лица, но в полиции его опознали по стоматологической карте. — И повторила: — Это Аркадий точно.

— Как?! — Он побледнел теперь уж определенно и рухнул обессиленно в кресло, не сводя с меня пораженного взгляда.

— Я не знаю как, но это Аркаша. Я решила, что обязана сказать тебе лично, вот поэтому и приехала. И, думаю, тебе лучше самому приехать в полицию, чтобы все там у них выяснить и не ждать их вызова, а они тебя вызовут, это точно, — и сказав все, что должна была, я начала подниматься с кресла.

— Да, — рассеянно согласился со мной Макс, думая совершенно о другом. И вдруг ухватил за руку и посмотрел на меня растерянно снизу вверх. — А где он был?

— Я не знаю, Макс, — осторожно высвобождая свою руку, сочувственно ответила я.

— Да, конечно, — кивнул он. — Ты не можешь знать.

И поднялся с кресла.

Я поспешила быстро попрощаться с ним, напомнила о посещении полиции в добровольном порядке и ушла.

Поехала я на работу в центральное кафе, где через час должна была состояться наша встреча с друзьями. Подтягиваться они начали еще до оговоренного времени, но на вопросы я не торопилась отвечать, обещая, что расскажу, когда соберутся все, чтобы не повторять по несколько раз опоздавшим одно и то же.

И, как водится, пока все собрались, шумно обнимались-целовались-здоровались, пока расселись и сделали заказ — все с работы, все голодные.

Пока что-то ели-пили, так уж и глубокий вечер подкрался. А я чувствовала, что устала, и легкие приступы слабости несколько раз накатывали вполне ощутимо, поэтому и скомкала свое повествование, не распыляясь на мелочи и детали.

Рассказала про Аркашу и подозрения полиции.

Вот тут и начались жаркие обсуждения! Народ возбуждал, предлагал наперебой помощь разного уровня, принялись спорить друг с другом, некоторые выбегали покурить на улицу, разволновавшись, другие подсаживались ко мне поближе, что-то уточняли, спрашивали.

Как всегда — хаос! На месте никто не усидел: все активные, шумные, шевотные! Единственным человеком, оставшимся сидеть, оказалась я, а вокруг меня закручивались воронки активности моих друзей.

Они перемещались, что-то еще заказывали, ели-пили, передавали друг другу, и от всего этого пустого шума-гама у меня начинала болеть голова, и слабость уже не накатывала, а захватила меня в полное свое распоряжение.

— Так. Все! — остановила я их галдеж. — Вы тут обсуждайте, а я домой поеду. Чувствую себя ужасно!

— Я тебя отвезу! — тут же поднялся Владимир. — Моя машины ближе всех стоит.

— Отвези, — с благодарностью согласилась я.

Свою потом заберу или попрошу кого перегнать — не в силах я сейчас за руль садиться, что-то совсем расклеилась.

По дороге до моего дома мы с Вовой практически не разговаривали — он поглядывал на меня обеспокоенно, качал недовольно головой, что-то обдумывая, но молчал, пока мы не подъехали к самому подъезду. Впрочем, тут и ехать-то было минут десять.

— Кир, ты же понимаешь, что можешь на нас по-настоящему рассчитывать? — в форме уверенной декларации заявил он, остановив машину.

— Я знаю, Вов, и благодарна вам всем за участие. Если понадобится, обязательно попрошу помощи. — И заверила: — Честное слово.

— Вот и ладушки, — порадовался он, чмокнул меня в щечку и напомнил еще раз: — Я подключусь в любой момент и через свои каналы узнаю, что там у ментов происходит. И ты же понимаешь, что не на уровне твоего этого опера-капитана и даже не его начальства.

— Я понимаю, Вов, спасибо, — поблагодарила я и стала выбираться из машины.

Что-то мне хреноваستنенько стало вполне так ощутимо. Переоценила я свои силы, рановато было, видимо, мне козой неугомонной по городу

скакать. Еще и к этому Иваницкому зачем-то сама поехала — совсем уж рассердилась я на себя — порядочная ты наша, по-правильному хотела, по-честному, лично предупредить! Теперь вот еле ноги волочу!

Володя быстро вышел из машины, помог выбраться мне и проводил до самой квартиры. За что ему особая благодарность — действительно, что-то мне все хуже и хуже.

Забрав ключи, он отпер дверь и, поддерживая меня под локоток, усадил на банкетку в прихожей и предупредил:

— Пойду твои хоромы проверю на всякий случай.

Ничего криминального и подозрительного Иванцов в квартире не обнаружил, посмеялся над этим фактом, поцеловал меня прощальным дружеским поцелуем и отбыл восвояси.

А я кое-как разделась прямо в прихожей, сидя на банкетке, покидав куда ни попадя вещи, и буквально заставила себя дойти до ванной, умыться. Оказавшись в спальне, я рухнула на кровать.

Но заснуть и отделаться легким недомоганием не удалось.

Состояние мое стремительно ухудшалось, слабость теперь накатывала волнами — такая странная: вдруг, в мгновение становилось так плохо, что я даже пошевелить рукой-ногой не могла, потом отпускало вроде, я переводила дух, но через какое-то время накатывало новым приступом.

И еще мутило жутко, а во рту чувствовалась непонятная горечь...

И неожиданно до меня вдруг дошло, что я неверно оцениваю свое состояние, приняв симптомы за последствия отравления и моей слишком ранней физической активности.

А ни фиги! — поняла в какой-то момент я. — Это новое отравление!

— Твою мать!! — громко выругалась я, осознав текущее положение дел.

Наверное, я съела что-то за ужином такое, что не монтируется с предыдущим отравлением и вызвало вот такую реакцию организма. Ничего иного мне в голову прийти в тот момент не могло.

Да и не важно, что явилось причиной нового отравления, сейчас актуально совсем другое — срочно что-то предпринять, чтобы тут, в тиши и одиночестве, богу душу не отдать!

И я начала сползать с кровати, чувствуя, как стремительно ускользают мгновения, в которые я еще могу что-то путевое сделать, пока еще в сознании и получается наскрести хоть какие-то силы!

И я заставила себя дойти до входной двери...

А по дороге мне стукнула в голову одна ошпарившая разум, как кипятком, мысль, и я, не удержавшись, заглянула в гостиную... Фу! Никого

нет!

Что это я подумала и зачем? — вяло пожурела я себя.

И продолжила свой нелегкий путь до входной двери.

Отперла все замки, рухнула на банкетку, чувствуя, как покрываюсь холодным липким потом и меня начинает колотить мелкой дрожью. Кое-как подтянула к себе за ремень свою сумочку, которая с грохотом свалилась с консоли на пол, и я подтянула ее к себе на колени. Пошарила в загадочном нутре женской сумочки, нащупала смартфон и вызвала «Скорую помощь», сообщив им помимо имя-фамилии и адреса свои симптомы, и даже про раннее отравление уведомила, и фамилию Тараса Наумовича не забыла упомянуть, и про открытую дверь предупредила.

Это я молодец! Это я еще что-то соображала.

А вот последующие свои действия я производила уже в полусознательном состоянии, изредка из него выпадая.

Каким-то чудом я умудрилась набрать здоровую кастрюлю воды, разбодяжить в ней марганцовку, хотя как и когда я ее смогла достать из аптечки — убейте, не помню! Но свершила еще один подвиг, оставшийся вне пределов моей памяти — добралась вместе с кастрюлей в туалет, уселась возле унитаза и влила в себя половину марганцового раствора — литра два, не меньше.

И благополучно отдала их белому фарфоровому другу...

А после выпила оставшиеся два литра... и потеряла сознание, обнимая унитаз. Там меня нашла бригада «Скорой помощи» и растормошила, приведя в чувство.

Молодой доктор, приехавший по вызову, оказался грамотным профессионалом, сразу же сообразил, что происходит, и глупых вопросов типа «сколько алкоголя вы выпили?» не задавал, а первым делом распорядился взять у меня все возможные анализы. После чего похвалил за сообразительность и марганцовку, и они всей своей дружной бригадой приступили к промывке моего организма.

Жуть полная! Чтобы пусто было тому, кто...

Женщины — фельдшер и медсестра, оказались сердобольными и даже помыли меня под душем после всех процедур, перед тем, как уложить в кровать. А присевший рядом со мной доктор объяснил мне, как мог, доходчиво:

— По всем правилам и показаниям, вас бы в больницу надо, Кира Андреевна, — улыбался он мне. И даже похвалил: — Но вы большая умница: сообразили, что у вас новое отравление, и нас вызвали, и большое количество раствора выпили, что в какой-то степени вас спасло. Ну, а мы

еще помогли. Поэтому думаю, что госпитализация не обязательна. Вам лучше отлежаться в спокойной обстановке, выспаться. Сейчас у вас несколько часов будет сильная слабость. Но это пройдет. Пейте побольше жидкости, лучше простой, чистой теплой воды. Девочки вон вам поставили на тумбочку, — указал он на несколько кружек с водой, что принесли из кухни медсестра с фельдшером. — Вот ее и пейте каждый раз, как проснетесь. Ну, что, — продолжил он излагать врачебное предписание, — утром крепкий чай, весь день жидкие постные каши. И отдыхать, лежать и спать побольше. Никаких движений и волнений. Это понятно?

Я слабенько кивнула головой, на разговоры сил у меня не наскреблось.

— Вот и хорошо, — порадовался за меня доктор. — Мы сейчас вам парочку укольчиков сделаем, и вы спокойно будете спать. Завтра отлежитесь, а послезавтра к Тарасу Наумовичу, раз уж он вас ведет в вашем бенефисе отравлений. — И уточнил: — Все понятно?

А я снова кивнула, уже практически засыпая, и таки нашла в себе силы промямлить:

— Дверь просто захлопните... На английский замок...

Все. Я спала!

Проспала я мертвым сном очень долго. И проснулась от сильного приступа голода и настойчивого требования желудка, высказанного продолжительным активным бурчанием немедленно его накормить!

Открывать сразу глаза я не рискнула, а, продолжая лежать в той же позе и не двигаясь, прислушалась к организму.

Ему, разумеется, было не шоколадно, но в общем и целом ничего. Слабость присутствовала, а все остальные симптомы испарились.

Вот и славно, трам-пам-пам! — порадовалась я мысленно и попыталась встать.

В данном непростом процессе выяснилось, что у меня чудовищная жажда, и я выпила залпом аж две кружки воды, поставленные с ночи на тумбочку заботливыми медичками.

Вот за это им отдельное спасибо! Спасли!

Ну, что? В общем и целом не все так плохо, как было прошлый раз — слабость, разумеется, присутствовала дикая, но вполне преодолимая, а вот голова не болела, что не могло не радовать.

Я добралась до кухни в несколько приемов, соорудила себе чай с сахаром, который обычно не употребляла, но рекомендации врача, это серьезно, так что с сахаром!

И с большим удовольствием выпила всю кружку до дна.

Посидела, переводя дыхание, набираясь сил для новых героических

свершений, сделала еще одну кружку чая и поставила вариться свою правильную овсянку.

Желудок уже арии голодные выводил во весь голос.

Кашу я съела довольно быстро и, прикрыв глаза, какое-то время просто сидела и наслаждалась чувством приятной сытости и тишиной.

Интересно, а сколько времени? — подумалось мне ни с того ни с сего — я посмотрела на часы на стене и мысленно присвистнула — половина второго дня!

Вот это я поспала! Выполнила, так сказать, врачебные рекомендации в полном объеме и даже с перебором.

Ну, что, есть мне больше не хотелось, зато безумно хотелось в душ, а еще почистить зубы и привести себя хоть в какой-нибудь более-менее живой вид.

Из душа я, конечно, еле выбралась — ножки дрожат и подворачиваются, в руках мелкий тремор, перед глазами черные круги плавают — снова я поспешила активно двигаться и переоценила свои силы и возможности!

Лежать, спать, отдыхать и восстанавливаться!

Все!

Только снова захотелось есть. Я отправилась в кухню и доела кашу, которую специально наварила с избытком.

Вот теперь хорошо! В самый раз! И... спать, спать!

Продвигаясь из кухни в родимую спальню, я внезапно почувствовала какой-то укол в сознании, что-то зацепившее, увиденное боковым зрением, некое несоответствие в пространстве, что ли...

Да, что за?.. — возмутилась я.

Но остановилась и осмотрелась.

Ну? — ворчала я на себя мысленно. — В чем дело? Что тебе нейметс-то, неугомонная ты моя?

И тут поняла — дверь!

И отчего-то в груди резко похолодело и словно ухнуло что-то...

Дверь в гостиную была закрыта! А я оставляла ее распахнутой, причем обе створки.

— И чего ты задрезбуждала? — громко и раздраженно возмутилась я, стараясь прогнать голосом безотчетный испуг. — Ну закрыта, так медики со «Скорой» ее и закрыли!

«А на кой?» — возмутилось в ответ мое сознание.

— Да, какого черта? — недовольно высказалась я в голос и с максимально возможной в моем состоянии скоростью ринулась открывать

дверь.

Распахнула и...

Реальность превзошла все мои ожидания!

— Твою ж мать! — простонала я.

На втором и единственно оставшемся кресле из моего диванно-кресельного гарнитура расположился труп девушки Ольги, некогда бывшей референтом и любовницей Аркаши.

Для того чтобы понять, что она труп, к патологоанатому ходить не требовалось — лицо было страшным, посиневшим, с вывалившимся языком и выпученными глазами. На шее четкий синяк от душившей ее веревки, которая страшным, я бы сказала убийственным, ожерельем лежала у девушки на ключицах.

Ну, как не мать-перемать, а? Вот как не мать-то!!!

И я от души и даже где-то со слезой глубокого негодования воспользовалась русским матерным языком во все горло и добавила от избытка сильных эмоций, вдруг так некстати выплывшую откуда-то из глубин сознания фразу, произнесенную Риной Зеленой в каком-то старом фильме:

— «Ее своими руками душил народный артист Удмуртской АССР!» — Вдохнула тягостно, подходя ближе к тому, что еще недавно было девушкой Олей, и спросила сердобольно: — Милая, знать бы, какая сволочь тебя душила собственными руками? Хорошо бы все-таки не народный артист, и не Удмуртской АССР.

Девушка Оля предсказуемо ничего не ответила, а я, вздохнув горестно, констатировала неприятный до оскомины факт: придется звонить в полицию оперуполномоченному капитану и уведомлять о том, что у меня тут... и повторилась:

— Твою мать. — Правда, без эмоциональной наполненности, скорее с большой жалостью к себе. — Нет! — принялась возмущаться я. — Чем, понимаешь ли, дальше, тем, ну его на хрен! — И тут меня осенило: — А ведь алиби у тебя, голуба моя, Кира Андреевна, на сей раз нет!

Я вспомнила молодого бодрого и веселого доктора «Скорой помощи» и слабодушно подумала: ну а как его показания, что я пребывала в плачевном состоянии здоровья и содеять такое злодейство никак не могла, станут вполне достойным алиби?

И очередной раз тягостно вздохнула:

— Боюсь, Кира Андреевна, что скептикам из прокуратуры это вряд ли покажется убедительным. — И спросила воинственно у пространства: — Ну, почему все время через нервы, а?!

Ну как тут снова не обратиться к матерной оценке обстоятельств?

Ладно, это все лирика, но как ни крути, а вариантов все равно нет — и я поплелась в коридор за оставленным там смартфоном.

— Сергей Дмитриевич? — с некой долей сочувствия ему и себе заодно уточнила я, когда на звонок ответили.

— Да, — недовольным тоном подтвердил капитан.

— Здравствуйте, — интеллигентно поздоровалась я задушевной скромницей.

— Имеете что-то сообщить по вашему делу?

— Нет, — отказалась я и тут же поправилась: — То есть да. — А подумав, «прояснила»: — Имею, но по другому делу.

— Какому другому? — возмутился оперуполномоченный и посоветовал особым тоном наставника: — Вам бы с этим разобраться!

— Да, хотелось бы, — вздохнув виновато, полностью согласилась я. — И я вашу позицию в данном вопросе вполне искренне разделяю, — уверила со всей искренностью я и все же объявила о новой находке: — Но дело в том, что у меня труп.

— Не только у вас, — ворчал капитан Марчук, — к сожалению, у нас у всех труп вашего бывшего мужа.

— Это-то да, — осторожно согласилась я и пояснила: — Но у меня еще один труп.

— В каком смысле? — обалдел капитан.

— В прямом, — уверила я. — В натуральном, так сказать.

— Не понял, где у вас труп? — явно «запаздывал» старший оперуполномоченный.

— У меня в квартире, — призналась я и добавила для точности: — В кресле. Во втором. Последнем.

— Что вы мне голову морочите?! — взревел разбушевавшимся медведем Марчук. — Какой труп? В каком кресле?

— Какой-какой! — возмутилась я ответно и, устав от этого дурацкого диалога, растолковала: — Свежий труп! Сегодняшний! Новый! В моем кресле! Приезжайте и сами посмотрите, дверь будет открыта, а я себя плохо чувствую, мне необходимо лежать, мне доктор прописал постельный режим! Вот я лежать и буду!

И бросила трубку.

Замок на двери я отперла и, прошествовав в спальню, улеглась в кровать. Полежала, мысленно давая капитану Марчуку не самые лицеприятные характеристики. Поразмышляла над ситуацией и позвонила Тарасу Наумовичу. Рассказала ему о своем новом отравлении и о «Скорой»,

и о свеженьком трупe в моей квартире.

Он подумал и дал указание лежать, пить побольше, есть постную кашу...

— ...а ментам, если надо, то пусть у твоей кровати сидят и снимают с тебя показания, — закончил он рекомендации и пообещал: — Я сейчас позвоню на станцию, узнаю, какая бригада к тебе ездила, и переговорю с доктором. — И посоветовал: — Ты, Кира Андреевна, заранее-то не пугайся, глядишь, в околоток тебя и не посадят. — И хохотнул, добавив: — Сразу.

Как и в прошлый раз, первым в квартире образовался участковый, старший лейтенант Ухов, в сопровождении бравых пэпээсников, только других.

— Хозяйка! — прокричал он с порога.

— Входите! — ответила я из спальни, не собираясь нарушать прописанный мне двумя врачами постельный режим.

Он прошел и почему-то ко мне в комнату, а не на место преступления и по-простецки так поинтересовался:

— А вы чего лежите?

— Болею. Доктор прописал лежать и не двигаться.

— А-а-а... — протянул он и почесал в затылке, сбив свою форменную фуражку вбок.

— Труп традиционно в гостиной, — оповестила я.

— Понял, — кивнул Ухов и удалился вместе с помощниками.

А я закрыла глаза, отдав себе приказание расслабиться. Может, есть такие железные люди, которые могут при данных обстоятельствах расслабиться, но, как выяснилось экспериментальным путем, я к их числу явно не отношусь.

Пришлось вздыхая выбираться из кровати, но вылезать из своего домашнего спортивного костюма и облачаться во что-то более приличное для приема опергруппы я категорически не собиралась — хватит с них и того, что я соизволила из койки встать.

Но к приезду бригады следовало подготовиться, чтобы не было, как в прошлый раз — без еды и горячего питья несколько часов нудной беседы, именуемой допросом.

Мне доктор иное отношение к своему здоровью прописал!

Я пошла варить новую порцию каши и делать чай, переливая его в термос — о себе надо заботиться с трепетом и любовью, а по возможности и нежностью.

Ну а коли они соберутся меня упечь в застенки, вот тогда и

переоденусь.

Марчук явился крайне недовольный, вместе со всей оперативной группой и криминалистами в том числе.

Зашел в кухню, и у него полезли брови вверх от удивления, когда он застал меня помешивающей ложкой варящуюся кашу, но эмоциями совладал довольно быстро и начал было представляться официально, как положено по законному проведению процедур следственных действий. Но я только отмахнулась:

— Да перестаньте, Сергей Дмитриевич, мы с вами уже почти как родные. — И радушно поинтересовалась: — Каши хотите? Или чаю-кофе?

— Вы же знаете, что ничего нельзя трогать? — напомнил он, тем не менее усаживаясь за стол.

— А я уже трогала все подряд, когда завтракала. — И пояснила подробнее: — До того, как обнаружила труп. Так что пофиг.

От чая-кофе он отказался и приступил к допросу под протокол.

Процедура «снятия показаний» повторилась практически один в один, как в прошлый раз, за тем исключением, что капитан позволил себе несколько язвительных замечаний на тему: не слишком ли часто меня пытаются отравить. Мне пришлось возразить, что на этот раз меня не травили, а я, скорее всего, просто съела что-то, что не смог принять мой ослабленный организм.

А еще Марчук был куда менее благодушен и... как бы это сформулировать?... менее нейтрален, что ли? И определенно предвзят.

Мне показалось, что он плохо скрывает свою радость по поводу того, что у меня на сей раз нет хоть какого-то приличного алиби, но...

Не свезло капитану, ох не свезло! Аж жалко его!

Когда я уже с безнадежной тоской подумывала, что пора звонить своему адвокату и собираться в тюрьму, позвонил вчерашний врач «Скорой помощи».

И! Вот тут самое интересное! В категорической форме заявил капитану Марчуку, что пациентка, то есть я, находилась в таком состоянии, при котором она не то что задушить кого-то, а двигаться не могла без посторонней помощи в течение нескольких часов, а от снотворного, что они мне вкололи, спала глубоким и продолжительным сном и проснуться никак не могла.

И пообещал написать подробный эпикриз для полиции, в котором и отобразит все, что только что заявил.

Марчук несколько приуныл, но заметно, что волевым порядком приструнил нервы и дело свое делал, недовольно поглядывая на меня.

А я в процессе допроса самым незатейливым образом попила чайку и поела каши, вызвав молчаливое негодование старшего оперуполномоченного.

Но промолчал же! Покривился слегка, бровку эдак саркастически приподнял, но промолчал.

Думаю, каши ни в каком виде ближайший месяц-два я есть точно не буду. А то и больше.

А где-то минут за пятнадцать до того, как оперативники и прокурорский следователь закончили следственные действия на месте преступления, Марчуку позвонил Тарас Наумович и сообщил, что, судя по результатам моих анализов, мне снова подсыпали в питье или еду тот же самый препарат, что и три дня назад.

Вот такая хрень!

Тут не захочешь, но как не вспомнить классика: «Все враждебно живому человеку!» То бишь мне, маленькой! Отравитель какой-то ненормальный привязался, трупы бесхозные появляются, а полицейеры засадить в каталажку норовят!

Во что я влипла?!

Капитан совсем опечалился и, глянув на меня недобрый взглядом, спросил недовольно:

— И кто ж это так настойчиво вас все усыпить рвется, Кира Андреевна?

— Вот вы и ищите, — отбрила я его сарказм. — Это ваша работа, которую вы себе выбрали и за которую вам государство платит деньги из тех налогов, которые я, в свою очередь, отдаю ему.

— А вы не хамите, — остудил он мое негодование. — Ваше алиби на сей раз весьма шатко. И самое главное, что теперь можно совершенно определенно утверждать, что вы имеете непосредственное отношение к обоим трупам, раз убийца с таким упорством оставляет их в вашей квартире.

— Вот и выясняйте, Сергей Дмитриевич, — не испугалась я ни на грамм, — кому так горячо мечтается меня подставить.

— Значит, не получится у нас диалога, — вздохнул капитан с напускной досадой.

— Отчего же, — возразила я, — получится, когда вы перестанете назначать меня на роль главной душегубки и найдете настоящего убийцу.

Расставались мы не сказать, чтобы дружески и доброжелательно — следователь оставался при своем мнении и подозрениях в мой адрес, ну а я не питала иллюзий по поводу скорого раскрытия преступлений и

задержания истинного преступника.

К тому же на сей раз он вынудил меня подписать постановление о запрете покидать город, и теперь я не смогу ездить в Рощино к бабушке неизвестно сколько.

А это чревато непредсказуемыми последствиями.

Да уж, слишком плотное и частое общение с полицией, надо сказать, нас обоюдно утомило как минимум, а как максимум — достало.

Но, по большому счету, как бы я ни гневилась на Марчука и не раздражалась его поведением, но капитан все же прав — во-первых, в том, что вот уже второе преступление происходит в моей квартире, и теперь даже самому тупому следователю понятно, что это имеет ко мне непосредственное отношение, пусть не прямое, но косвенное уж точно. Хотя... с таким упорством устраивать у меня трупы в креслах — скорее, все же самое прямое отношение. Понять бы еще какое!

А во-вторых, — это, конечно, сильно раздражает, но и тут следователь прав — алиби у меня таки хлипкое: мало ли что утверждают врачи, может, индивидуальные особенности моего организма таковы, что я нашла бы в себе силы на удушение Ольги или оба врага со мной в сговоре, или пожалели бедняжку — всякое может быть. И, как ни крути, а на месте преступления я находилась именно в тот момент, когда оно совершалось.

Если в ближайшее время полиция не найдет никого, приемлемого на роль истинного убийцы, о том, как фальсифицируются уголовные дела и как «подтягивается» к назначенной на роль основной версии доказательная база, я знала даже слишком хорошо!

Так что, надо честно признать, дела у меня фиговые!

Да уж, это, скажу вам, не зефир в шоколаде!

А и ладно, что ж теперь Лазаря петь, прорвемся! — отмахнулась я мысленно, чувствуя себя ужасно.

Позвонила Вере, вызвав ее на очередную генеральную уборку после нового трупа и ментовских экспертов, попросила выбросить кресло и завалилась спать.

И спала я до следующего утра.

А проснувшись, обнаружила Веру, которая решила остаться, чтобы поухаживать за мной. Увидев меня, медленно входящую в кухню, помощница по хозяйству немного скривилась, но поспешила уверить, что в общем и целом выгляжу я приемлемо. Не ободрила, но надежду вселила и убежала по своим делам, оставив меня в одиночестве.

Спасибо ей огромное — прямо спасла! И щей мне вегетарианских наварила, и отвечала на все многочисленные звонки на мой сотовый,

объясняя, что я плохо себя чувствую и сплю.

А мне ничего так, явно полегчало!

Чем я и не преминула воспользоваться — обзвонила всех заинтересованных и волнующихся и успокоила, ничего не рассказывая про новый труп.

Ни деду, ни бабушке я про «сюрпризики» в квартире, понятное дело, не рассказала — не волнуем, побережем.

Деду так и вовсе не следует ничего знать, а то примчится спасать и подключать свои связи, тогда этого душегуба и вовсе не найдут! Кто ж любит чьи-то связи? Особенно полицейское начальство, когда на него давят и насаждают? Притянут какую-нибудь версию за уши и спустят дело на тормозах.

И настоящий злодей никуда не денется и будет себе поживать расчудесно, а вот его присутствие в моей жизни меня весьма и весьма напрягает и беспокоит. А я этого не люблю.

И что тогда делать? — размышляла я, сидя в кухне за столом и уплетая вторую тарелку обалденных щей.

По классической схеме развития детективного романа в этот самый роковой и напряженный для героини момент просто обязан появиться некий герой — не важно, положительный или на всю голову отрицательный, главное, что он спасает бедную девушку от ее страшных напастей, ловит злодея и убийцу и выявляет всех преступников, мешающих нежной барышне спокойно и счастливо жить.

По крайней мере, в большинстве романов именно так и происходит — героиня в трудной ситуации и герой-спаситель тут как тут, выскакивает из-за кулис, как Петрушка в балагане.

Есть еще такой типаж, как невольный спаситель. С таким раскладом я тоже вполне себе согласна, то есть товарищ, который и сам попадает в неприятности по преступному умыслу тех же злодеев и невольно вынужден спасать себя, ну и героиню заодно.

Даже на такого согласна — только дайте!

— Эй, герой! Ты где? — спросила я громко у пространства.

Прислушалась и осмотрелась — не появится ли кто на мой трепетный призыв.

Нет, не появился, в ответ тишина — Вера-то ушла еще час назад, а других спасителей в округе не наблюдалось. В добровольцы никто не рвался, даже за вожденный приз в конце истории в виде большой, светлой и на всю жизнь благодарной любви героини.

Ну, светлую и большую я не обещаю, но что-нибудь в виде

поощрительного приза мы придумаем.

М-м-да, занесло меня куда-то в размышлениях. Может, та гадость, что мне регулярно подсыпали, нехорошо действует на умственные способности?

Наверняка. А с чего бы, скажите на милость, меня на рассуждения о героях потянуло? Я девушка, не страдающая нездоровой склонностью к романтизму, а тут вдруг понесло!

Не-е-ет, это не по-нашему!

Этот путь не для нас — мы так, по привычке, по-старинке с конями ненормальными и избами горящими — самой, самой, как обычно, придется разбираться и выяснять, кто же так нагадил в моей жизни. И что этому козлу вообще от меня понадобилось!

Как разбираться? — возмутилась я своему неубиваемому оптимизму.

Не знаю, но как-то придется. Придумаю как.

А для начала в ванной полежу, побалую себя морской солью, а думать начну чуть позже.

Ванна, кто бы спорил, вещь отличная, да только не тогда, когда организм сильно ослаблен — развезло меня и распарило не на шутку, пришлось выкарабкиваться из нее, как осьминог на охоте — я однажды видела в Красном море, когда плавала с аквалангом — вот точь-в-точь как он, я перетекла через бортик ванной на брошенное на пол полотенце, а там уж, переведя дух, сподобилась подняться.

Я уж всерьез подумывала снова улечься спать, как и велел доктор, но тут досадно некстати прозвенел звонок в дверь.

Ну вот кого там принесло, когда я так все замечательно запланировала и уже предвкушала сладкий сон под уютным одеялом.

От негодования я забыла все правила безопасности, которые всегда четко держала в голове, и распахнула дверь, даже не посмотрев в глазок.

А распахнув... моргнула глазами от оторопи и тут же ее захлопнула!

И уперлась головой в кожзаменитель дверной обивки, уговаривая себя, что то, что я узрела за дверью, мне привиделось от слабости и дурного самочувствия.

Вот кого я хотела видеть сейчас меньше всего, так это его!!

За что, господи, чем же я тебя так прогневила?!

Звонок зазвенел над моей головой неожиданно, да так, зараза, громко, что я вздрогнула всем телом.

— Не-е-ет! — попросила я обиженным ребенком у пространства и господ.

— Кира! — донесся до меня знакомый до боли ироничный голос. —

Открой! Ты же знаешь, я не уйду и не исчезну, как туман, и все равно войду.

Этот да! Этот войдет!

Поднимет всех соседей, если понадобится, наплетет им какие-то мелодраматические жалостливые байки с три короба, да так, что они всем подъездом начнут меня уговаривать открыть несчастному мужчине дверь. Или того чище — слесаря вызовет и что-нибудь про мое тяжелое состояние здоровья расскажет!

Да придумает что угодно — если он решил что-то сделать, то сделает непременно.

Нет, но какая несправедливость вселенская, а!

Не будет мне героя-спасителя, не будет!! Какой романтический герой, вы о чем?! Всех прекрасных героев-спасителей этот тип распугает по всей округе, еще при подходе к области — напрочь и навеки! А будет мне вот этот головняк по полной программе! Ну что за невезуха!

Я открыла дверь, но в дом его пускать не собиралась — обойдется и, встав на пороге с самым недовольным и более чем красноречивым видом, спросила строго и неласково:

— Ты как тут образовался?

— Стреляли, — усмехнувшись, пожал он плечами, процитировав киношедевр.

И вдруг, совершенно неожиданно, схватил меня за руку, вытащил на лестничную площадку, кивком головы указав куда-то вбок:

— Пусть парни пройдутся по квартире.

— Какие парни? — не поняла я и только теперь заметила скромненько топтавшихся у стенок двух молодых ребят смутно знакомой мне внешности — где-то я их определенно раньше видела.

Да Бог с ним, где я там их видела, не до них сейчас, когда тут дела такие!

— И что им надо в моем доме? — недовольно поинтересовалась я.

— Им как раз ничего. Просто проверят, не насовали ли тебе какой дряни.

— Какой? — не могла унять я великого раздражения и тяжелой досады.

— Прослушивающей, например, — все сдерживал улыбку он, — и подглядывающей. А то у тебя тут, насколько мне стало известно, шастает кто ни попадя и когда захочет!

Парни, кивнув и поприветствовав меня несколько скомканным «здрате», тем временем как-то бочком просочились в мою квартиру, пока я

тут рефлексировала и решала, как продуктивней послать сильно нежданного гостя подальше.

— Ты зачем приехал? — напустилась я на него раздосадованно.

— По-моему, это очевидно! — наигранно подивился он. — Когда у тебя тут такие дела происходят, что аж до Москвы волна докатилась, разумеется, я приеду, а как же иначе?

— Иначе для меня в самый раз! — возмущалась я и вредничала. — Сиди в своей Москве и разгребай дела насущные, а со своими я как-нибудь сама разберусь!

— Я уже наслышан, как ты с ними разбираешься, — перестал улыбаться он.

— Так! — перехлестнуло во мне негодование. — Если ты собрался читать мне нотации и поучать, то можешь валить прямо сейчас куда угодно, только подальше от меня! — И повысив голос, добавила: — А ко мне не подходить и близко!

И, развернувшись, прошагала через так и стоявшую распахнутой дверь, через прихожую и коридор в свою замечательную кухню.

Плевать, что парни делают в квартире, и еще больше плевать, что будет делать он сам! Лично я собираюсь пить чай!

— Кажется, мне тут не до конца рады? — раздался его спокойный насмешливый голос у меня за спиной, произнесший очередную цитату, теперь из известного спектакля.

Он прошел в кухню, сел за стол напротив меня и спросил все с той же неизменной ухмылочкой:

— Чаем-то хоть напоишь?

Вот знает же, зараза, мои слабые места!! Ну не могу я не накормить мужчину, когда он голоден — не могу! Это против моего естества. Я старательно скрываю свой недостаток от окружающих, но, к сожалению, этот гражданин неплохо меня знает.

Я молча встала, налила ему большую кружку черного чая, взяла лимон, помедлила пару мгновений, раздумывая, и, смирившись, достала масло, сыр, хумус, пирожки с паштетом из нашего кафе.

И, стараясь не поворачиваться к незваному гостю лицом, принялась делать бутерброды. В чай ему добавила два толстых ломтя лимона, столовую ложку меда и только после этого повернулась и поставила перед ним на стол кружку с чаем и тарелку с горкой бутербродов.

— О! — искренне восхитился он. — Вот за это отдельное огромное спасибо! А то мы с парнями голодные, как волки, сразу к тебе приехали.

— Ну, зови их, — не удержалась я от тяжелого вздоха.

— Нет, пусть сначала дело сделают, — откусывая от бутерброда, возразил он.

— Да какие там прослушки! — возмутилась я, но слабенько, на троечку, потому как устала возмущаться, да и понимала, что все мои эмоциональные выступления и декларации делу не помогут. — Кому, да и зачем может понадобиться меня слушать? Да это ерунда какая-то: заморачиваться, доставать где-то аппаратуру, ставить! Чушь!

— Проверить не помешает, — с довольным, почти умиленным видом рассмотрел он бутерброд в руке, откусил изрядный кусман и запил чайком, явно наслаждаясь и вкусом, и процессом в целом.

Спорить бесполезно, уж это мне известно слишком доподлинно, но смирной овечкой я тоже сидеть не намеревалась и набрала в грудь воздуха, чтобы приступить к расширенному предложению: покинуть мою квартиру и мою жизнь.

Но насладиться собственным красноречием мне помешали прямо не взлете.

— Илья Георгиевич, — вошел в кухню один из парней. — Мы закончили.

— И что? — живо заинтересовался результатами мой сильно незваный гость.

— Сами посмотрите, — предложил парень, жестом приглашая следовать за ним.

На столе в гостиной лежали какие-то штучки с тонкими проводками, больше похожими на малюсенькие антенки. Некоторые из них были круглые и плоские, а другие по форме как обычные таблетки, только черного цвета.

— «Павлины, говоришь!» — с улыбочкой процитировал фразу из известного фильма Илья Георгиевич и даже головой покачал, как товарищ Сухов. — «Хе!» — И спросил тем же бодреньким тоном: — Где сняли?

— По всей квартире, кроме туалета, — стрельнув на меня быстрым взглядом, отрапортовал парень.

— Деликатный тебе злодей достался, Кира Андреевна, — продолжал веселиться Илья.

— Телефон наверняка тоже слушают, — выдвинул версию один из парней.

— Как раз наоборот, — возразил Илья, взяв одну из штучек со стола, и разглядывая, задумчиво вертел ее в пальцах. — На ее телефон защиту ребята Ринкова ставили, ее не пробить, потому жучков и насовали, наверняка еще и в машине парочка найдется. Потом проверите.

И кинув на стол устройство, словно переключившись, другим, бодрым тоном обратился к парням:

— Ну что, спасибо, молодцы. — И отдал распоряжение: — Забирайте это добро с собой, — он кивнул на устройства на столе. — До завтрашнего утра свободны, заселяйтесь в гостиницу, отдыхайте, но постоянно на связи.

— Может, вы чаю выпьете с бутербродами? — предложила я от щедрости своей души.

Все-таки мальчики сделали такое серьезное дело, да и вообще я гостеприимная и воспитанная девушка, опять же слаба, не могу вынести, когда мужчины голодны и устали.

— Чаю это хорошо, — с сомнением протянул один из парней и переглянулся с напарником. — Но мы, наверное, пойдем в гостиницу, в ресторан сходим и что-нибудь посущественней съедим.

— Из существенного могу предложить только вегетарианские щи, — посетовала я, но добавила для заведухи: — Но очень вкусные. Просто замечательные. А из несущественного к чаю у меня тоже много чего найдется.

— Щи ты предложишь мне, — начальственным тоном остановил переговоры Илья Георгиевич. — А чайку ребятам попить точно надо бы с дороги и усталости. Так что, герои дня, руки мойте и за стол! — И отдал распоряжение теперь уже мне: — А ты, Кира Андреевна, давай-ка садись на стульчик и руководи оттуда, я сам все сделаю и накрою, а то выглядишь ты... — с сомнением закончил он.

Я и села. И руководила, где что взять. Парни, вернувшись из ванной, присоединились к начальству, и уже втроем неожиданно быстро приготовили целую гору бутербродов и успели даже разогреть выпечку, всегда в изобилии водившуюся у меня в холодильнике — на всякий неожиданный случай появления гостей. А если таковые не объявлялись, то я угощала соседок.

Мы просидели за столом, наверное, больше часа — познакомились: белобрысого, высокого и худого звали Валентин, а темненького, курносого и плотного — Витя. И я их вспомнила. Перед самым моим решительным побегом от Ильи он как-то приводил этих ребят к нам домой. Они были тогда студентами юрфака, проходившими у него практику, и просидели почти сутки в засаде, ужасно замерзли и оголодали, вот мы их с Ильей отпаивали чаем и откармливали борщом. Помню-помню. Они тогда еще заснули, сидя на диване за столом.

Мы посмеялись, вспомнив ту историю, поговорили о прослушивающих устройствах, о дороге — они добирались в наш город на

двух машинах: Илья Георгиевич Башкирцев на своем джипе впереди ведущим, а парни на своей машине ведомыми за ним, — об авариях и проблемных участках на дорогах по пути их следования. Я порекомендовала одну гостиницу — удобную, небольшую, с приемлемым ценником и, что немаловажно, — расположенную в центре города.

Съев все бутерброды, пирожки и ватрушки и составив компанию начальству в поедании оставшихся щей, ребята вдруг вспомнили о времени, заторопились и поспешили ретироваться, а я, закрыв за ними входную дверь на замок, постояла возле нее, с тоскливой безнадегой уговаривая себя смириться с неизбежностью того, что Илья-то Георгиевич, дай бог здоровья его папе, остался и мне придется с ним о чем-то говорить. Как я понимаю, говорить много, и все не о том, о чем бы мне хотелось! Да мне вообще с ним ни о чем говорить не хотелось!

Вообще! Ни говорить, ни видеть его! Принесла нелегкая...

— Ну что, может, еще чайку? — радостно улыбаясь, предложил он.

Потакать ему я не собиралась, да и вредничала от злости сильнее обычного, поэтому села за стол, сложила руки на груди и, глядя на него не самым добрым взглядом, спросила строго:

— Башкирцев, ты зачем явился?

— Ну, снова здорово! — ерничал вовсю он. — Я же уже объяснил: ты моя жена...

— Бывшая! — недовольным тоном, напомнила я.

— Да какая там бывшая, — отмахнулся он рукой и продолжил как ни в чем не бывало: — ...и когда ты попадаешь в беду, естественно, что я должен разобраться со всей той хренью, что творится вокруг тебя.

— Вот и сидел бы со своими скромными силами в Москве! — ворчала я от бессильного недовольства.

— Дорогая, — вдруг нахмурил он брови, — ты плохо выглядишь.

— Да! Я плохо выгляжу!! — сорвалась я на крик, размахивая руками, от души давая себе возможность спустить пары. — Потому что меня дважды подпаивали какой-то дрянью, от которой я чуть концы не двинула! И не называй меня «дорогая»! — На удивление быстро остыв, словно порох мгновенно сгорел в небольшом заряде, я запахнула на себе спортивную куртку и уже не возмущенно, а капризно-ворчливо закончила свое яркое выступление: — Мне вообще доктор прописал отдыхать, спать и восстанавливаться, а не гостей незваных принимать!

— А ты и отдыхай! — заботливо воскликнул он.

— Принесло же тебя, Башкирцев! — вздохнула я в очередной раз и откинулась на спинку стула.

— Дорогая, — усмехнулся он, — лучше все-таки тот черт, которого знаешь.

— От черта молитвой, а от тебя ничем, — сдалась я.

— Ну, вот и ладушки! — порадовался Башкирцев моей капитуляции.

Но несмотря на балагурство, шутки-прибаутки и яркие цитатки, я знала, что он внимателен ко всему, что происходит вокруг — ко всем, даже, казалось бы, незаметным и малозначительным деталям.

Видимо, я и на самом деле выглядела не очень, замученной и уставшей, да, собственно, я себя таковой и чувствовала, больше всего на свете мне хотелось тишины и покоя.

И полежать.

— Кира, — с искренним беспокойством внимательно рассматривал он меня, — ты на самом деле выглядишь больной. — И распорядился командирским тоном: — Так! Давай-ка ложись, а я тут сам разберусь со всем и уберу. К тому же мне надо сделать несколько звонков.

— Я не могу отдыхать, когда ты в моем доме с чем-то там разбираешься! И вообще присутствуешь! — возмутилась я, правда, не слишком активно.

— Все, — остановил Башкирцев наши дебаты. — Ты отдохнешь и с новыми силами примешься меня выпроваживать и язвить! — закрыл он тему тем самым своим безапелляционным тоном, за которым не могли последовать уже никакие споры и рассуждения.

Подошел ко мне, подхватил под локоток, поднял со стула, придерживая рукой за талию, и направил меня к выходу из кухни.

— Я тебя провожу, — объяснил он свои действия.

— Вполне в состоянии дойти сама, я пока не при смерти.

Но как бы я ни вредничала, а полежать мне определенно требовалось, поэтому, отделавшись от его опеки, я прошла в спальню и улеглась в кровать, пообещав себе всего полчаса отдыха.

— Просто полежу, — сказала я себе.

И тут же уснула.

Проснулась я, когда за окном было уже совсем темно. Ого! Это сколько ж я спала? Тут я вспомнила про ворвавшегося в мою и без того беспокойную жизнь Башкирцева и застонала от досады. По-па-ла!

Но деваться некуда — выпроводить его обратно в Москву так же невозможно, как затолкать назад в тюбик зубную пасту! Если он решил, что должен разобраться с моими трупами, в смысле не с моими, а с трупами в моей квартире — да какая разница! Проще говоря: пока Илья не сочтет, что дело закончено, вариантов отделаться от него нет решительно никаких.

А мне вдруг подумалось — да уж, Илья Георгиевич на роль героя-спасителя подходит приблизительно так же, как танк в бантиках в качестве белоснежного коня под принцем. Но одно я знаю совершенно определенно — если кто и сможет вытащить меня из этой неприятности, как, впрочем, и из любой иной заварухи, так это только Башкирцев!

Так получилось. Так жизнь сложилась.

В общем, пусть будет он, раз иной альтернативы боженька не предоставил!

Ни о каком белоснежном альтруизме с романтическим хеппи-эндом в конце не то что речи, а и мысли быть не может — нервы он мне вымотает все без остатка, будет уперто настаивать на том, что считает важным, примется наставлять до глубокого занудства направо и налево, голосом стальным распоряжаться в своей любимой манере, сыпать сарказмом и иронией, командовать и талдычить свое. И доведет меня до такой степени, что мне захочется к двум предыдущим трупам присовокупить третий его, причем собственноручно!

И все это до такой степени хреново, что, наверное, хорошо!

«Это точно!» — усмехнулась я своим противоречивым выводам, встала с кровати, натянула домашний костюм и осторожно вышла из спальни.

В квартире стояла звенящая тишина.

— Неужели ушел? — с большим сомнением и робкой надеждой предположила я.

Илья Георгиевич обнаружился в гостиной, где он сладко и безмятежно спал на диване, пристроив свою умную головушку на подлокотнике, скрестив руки на груди и подсунув ладони под мышки — его излюбленная поза во время сна. Есть еще одна... но про нее мы не будем вспоминать — тут же одернула я себя.

Да уж, нервы у господина Башкирцева железные — вроде как в этой комнате произошло два убийства — само по себе жутко, а если там дух неупокоенный...

— Я уже не сплю, — сказал Илья, не открывая глаз.

— Вообще-то тут людей убили, — напомнила я.

— Но не на диване же, — рассудительно заметил он.

Открыл глаза и резким, но красивым движением сел.

— Ты выглядишь намного лучше, дорогая.

— Не называй меня дорогой, — повторила я свое железное требование.

— Ну, вот и боевой дух вернулся, — порадовался необычайно

господин Башкирцев и бодро предложил: — Ну что, чайку?

— Я смотрю, ты тут освоился, — не удержалась я от колкости.

— Все, все, не вредничай! — усмехнулся он.

Чай мы организовали и пили в кухне — Илья с чудом уцелевшей после дневного чаепития выпечкой из нашего кафе, а я с медом.

— Ну что, дорогая, — предложил Башкирцев, — давай, рассказывай все по порядку и с самого начала.

— Издеваешься? — заподозрила я его в нехорошем. — Ты же представляешь, сколько раз я уже все рассказывала?

— Так то кому: оперу местному, а то мне, мужу родному.

— Бывшему! — напонила я с нажимом.

— Да какое там... — махнул он небрежно рукой и не дал развиваться моему возмущению. — Ты спокойно, без спешки и нервов, вспоминай все шаг за шагом, мелочи, детали, а я помогу.

— А откуда ты узнал? — вдруг сообразила я, что ему на самом деле неоткуда было получить информацию о моих неприятностях.

— Да, видно, сильно тебя траванули, — хмыкнул Илья, задумчиво посмотрев на меня. — Если бы ты была в форме, то первым делом спросила бы об этом. — И пояснил, не забыв попенять: — Матвеем Петровичем, как я понимаю, ты не сообщила. Ну, в общем-то правильно, незачем старика беспокоить. К нам в отделение пришел запрос о тебе, то есть по месту твоей фактической прописки, в рамках уголовного дела, что ведут областные опера. А поскольку я являюсь начальником уголовного розыска нашего округа, запрос прямиком попал ко мне на стол. Ну а дальше понятно: я затребовал материалы, стараясь выяснить, во что вляпалась моя жена.

— Не я, а меня, — поправила я, на этот раз не напомнив ему про прилагательное «бывшая».

— Да нет, дорогая, — возразил Башкирцев. — По всему выходит, что ты имеешь непосредственное отношение к этим убийствам.

— Это какое? — поразила я столь сильному заявлению. — Соучастницы, что ли?

— Не соучастницы, а возможной причины, мотива, проще говоря, — поправил Башкирцев.

— Ты хочешь сказать, что кто-то убил Аркашу и его любовницу из-за меня?

— Кир, — посмотрел он на меня с сомнением. — Понимаю, тебе действительно досталось, я почитал эпикриз обоих врачей, но давай-ка начинай уже соображать. — И принялся растолковывать: — Убили их по

другой причине, а вот то, что сделали это у тебя дома и с явным намерением подставить именно тебя, в этом определенно есть что-то глубоко личное. Кого-то ты уж больно сильно задела. До такой степени, что ему захотелось не просто отомстить, а с особой изощренностью. Если бы не настолько сильное отравление препаратом, ты оказалась бы главной подозреваемой и сидела бы сейчас в КПЗ. А вот по второму эпизоду алиби все ж таки шаткое, как ни пламенно звучат слова твоих докторов-заступников, но все же факт того, что ты находилась дома в момент убийства, никто не отменял. И что имеем мы на данный момент? — спросил он, посмотрев на меня.

— Что?

— А то, что оба красивых плана мести преступника провалились по глупой случайности. И это, скорее всего, лишь распалило его ненависть и желание отомстить. Так что охрана тебе необходима.

— В твоём лице? — уточнила я.

— В моем в первую очередь, — подтвердил Башкирцев и «порадовал»: — Так что жить мы будем вместе и на работу твою ходить тоже.

— Ужас! — заключила я.

— Не все так плохо, дорогая... — принялся было что-то разяснять он, расплываясь в улыбке.

— Даже не говори! — остановила я его и напонила: — Не называй меня «дорогая»! — И вернула к основной теме: — Давай дальше по делу.

— Нет, по делу это ты давай, — все же усмехнулся Илья, но тут же сосредоточился на главном. — Рассказывай. Начни с юбилея.

И я начала. А некуда деваться — если я хочу, а я очень даже хочу, разобраться с этим делом и выяснить, кто же злодей, то придется напрягать память и много говорить.

Илья слушал очень внимательно. Хотя по его внешнему виду этого не скажешь — сидел расслабленный, задавал как бы между прочим уточняющие вопросы по ходу моего повествования, несколько раз вставал, подогревал чайник и наливал нам обоим чаю, но я его слишком хорошо знаю, чтобы не видеть особой внутренней сосредоточенности.

— Почему никто из соседей не слышал выстрелы?

— У нас старый сталинский дом, тут такая звукоизоляция, что если барабанить с утра до ночи на установке, то соседи так ничего и не услышат, разве что при открытых окнах и через входную дверь. Окна были закрыты везде, кроме моей спальни. Ну а в подъезде в это время скорее всего никого не было.

Он кивнул, и я продолжила.

Рассказывала я долго, больше часа так точно, подробно, и Башкирцев постоянно что-то переспрашивал, дотошно уточнял мелочи. А когда закончила, задумался на какое-то время, я сидела тихонько, не мешая ему в этом процессе.

— Ну, так! — вышел он резко из задумчивости. — Мне надо посмотреть материалы дела. Значит, утром я отвезу тебя на работу, там за тобой парни посмотрят, а сам поеду к коллегам, — и посмотрел на меня с веселой иронией. — Как истинный художник, я равнодушен к чужому творчеству, но вынужден признать, что, судя по тем кратким материалам, что они прислали, местные вполне толково работают. Я навел справки об этом капитане Марчуке, отзываются о нем как о достойном сыскаре, законнике.

— Что, взятки не берет? — подивилась я.

Башкирцев посмотрел на меня с нарочитым укором и многозначительной жалостью во взоре.

М-да, это я, конечно, с вопросом не туда куда-то.

Кто ж в наше время в полиции взятки не берет? Альтруистических Жегловых с Шараповыми нынешняя ментовская среда не рождает.

Или рождает, как раз сейчас, новое поколение, но пока в муках.

Однако взятка взятке рознь. Есть разные формы коррупции, и вымогательство денежных средств лишь одна из них, правда, самая распространенная. Но есть еще взятки услугами, передачей различных форм собственности взяткополучателю, информацией и отсроченным долгом.

Бывают такие мелкие правонарушения, например, угнали подростки автомобиль, покатались и, не нанеся вреда машине, бросили ее за чертой города. Преступление? По закону — да, а по сути — мальчишеское ухарство друг перед другом и глупость. И вот приходит отец кого-то из этих мальчишек и просит опера «отмазать» ребенка.

А следовательно, если не дурак, понимает, что подвести пацанов под статью — это испортить им всю жизнь, даже с условным сроком. Да к тому же дело заводить, потом прокуратура, суд и лишние хождение и собирание материалов. Вот он и договаривается как-то с пострадавшим, и тот заявление забирает, разобравшись «полюбовно» за определенную сумму с родителями мальчишек. А следователю, так скажем, «процент» за посредничество.

Взятка? Нарушение? Без сомнения.

Но у следователя таких вот мелких делишек десятками, и если

каждого доводить до суда и сажать... ну, дальше сами.

Да, собственно, не в этом дело. Главное деление следователей происходит на тех, которые берут по мелочи, при этом стараясь все же блюсти закон в главном, настоящих преступников ловить и сажать вполне себе без компромиссов, то есть те, что никогда не перейдут черту, за которой начинается черная зона беспредела.

И тех следователей, для которых деньги, связи и власть главное и единственно ценное, которые ради денег пойдут уже на все, даже террориста отмажут и выпустят на свободу, если за это достойно заплатят.

Таких сами оперы с брезгливостью стараются обходить стороной.

Но! Никто не стучит даже на таких — варятся в собственной кухне, но корпоративную этику соблюдают.

А для ловли таких вот деятелей и тех первых, кто вроде хорошие, но все же что-то берут... и существует ОСБ, кто не знает: Отдел Собственной Безопасности, ну тот, который разоблачает и задерживает «оборотней в погонах», а всех остальных полицейских подозревает априори и скопом.

Башкирцев, например, постоянно у них под наблюдением. Очень оэсбэшникам нейдет его прихватить — уж больно борзый опер — дела раскрывает, с криминалом не заигрывает, никому не кланяется, мзду начальству не заносит и на авторитеты не оглядывается и даже где-то поплевывает.

Но, как они ни стараются, а до сих пор его ни разу ни на чем не поймали и не уличили ни в чем.

Просто все знают — Башкирцев взяток не берет!

С самого первого дня своей службы еще в постовых сержантах, когда учился в универе — не берет, и все, это его принцип. Зато он берет информацией, связями и услугами — и все это «добро» исключительно для той же его гадской работы, а не личного обогащения ради.

Однажды я выступила на эту тему, когда еще толком в специфике его службы не разбиралась, сказала, что все равно он такой же взяточник, как те, которые берут, раз пользуется услугами людей, для которых каким-то образом манипулировал с уголовными делами.

— Это твой папа Георгий Михайлович был честнейшим и принципиальным следователем, который не только взяток не брал, но и вот такие «связи» не налаживал! И уж точно не «подчищал» дела, — по наивности горячо заявила я.

— Это иллюзия, Кира, — объяснил мне тогда Илья. — Это сейчас у нас власть капитала, а тогда была власть партии. И когда там, наверху, хоть кого-то каким-то краем, боком или напрямую касалось некое уголовное

дело, вниз, к исполнителям, тут же спускалось распоряжение: дело закрыть или пустить по другой версии, подальше от их недосягаемых персон. И следователи вынуждены были подтасовывать дела, изменять показательную базу и выбирать документы. Сплошь и рядом, поскольку у этих партийных деятелей детки имелись ничем не лучше наших современных мажоров и такое вытворяли, что фигеешь! А еще и родственники дурные от денег дармовых и возможностей. Ты его порасспроси, может, он тебе и расскажет, хотя воспринимает это как обиду и позор. Вот такая правда жизни, — невесело хмыкнул он и продолжил разъяснительную лекцию: — Я не беру взятки не потому что принципиально желаю жить с чистой совестью на погонах и быть таким правильным, до идиотизма, законником — нет. А потому что стоит один раз хоть пять копеек взять, и тебе сплошным потоком понесет, и начнет совать всякая мразь, и придется признавать их превосходство, принимать и жить с их презрением, потому что с той секунды, когда ты взял первый раз, они воспринимают тебя продажным ментом, наемным чернорабочим, дешевкой, обслуживающей их интересы, а себя полагают твоими хозяевами. И никак иначе. И, кстати, по сути, это именно так и есть. Я к себе с уважением все же отношусь и наниматься к сукам, которых ловлю, сажаю, давлю и генетически ненавижу, не считая людьми, не собираюсь. И еще одно, насчет отца: как все сыскари, отец имел своих осведомителей, без которых большинство дел не раскрыть. А осведомителей следователь набирает на мелких делишках, которые прикрывает, а еще и доплачивает им за сведения. Но без «крючка», то есть материала на осведомителя, который ты придержишь, пока он на тебя работает и «стучит» на своих, ни один из этих персонажей сотрудничать с тобой не станет. Так что и отцу приходилось манипулировать с делами, и никуда от этого не денешься. А то, что я иногда помогаю некоторым фигурантам и они остаются мне должны, так эти долги я изымаю, считай, в пользу того же государства в виде «добровольной» помощи полиции. И мне это личных доходов и дивидендов не приносит.

Да, не приносит, это точно. Но закон он все же нарушает, сотрудничая с одним ЧОПом. Это они официально считаются частным охранным предприятием, на самом же деле это весьма непростые ребята. Бывшие конторские специалисты, которые еще в конце девяностых организовали свою фирму, а за годы работы она преобразовалась из фирмы по охране, установке систем охранного оборудования и частного сыска в очень серьезную организацию, занимающуюся не только охраной любого уровня, но и некоторыми силовыми и розыскными операциями, на которые

«откуда-то» у них имеется законное разрешение, и слежку с помощью самых современных систем и оборудования, и установление самых современных средств защиты объектов. И хакеры у них работают такие... — я знаю, о чем говорю. И много из того, что эти ребята могут и делают, покрыто тайной-тайной, и скорее всего сотрудничают с бывшей конторой, но это так же плотно покрыто тем же самым.

Вот у этих-то непростых господ Башкирцев и получает основные свои деньги, в нерабочее, разумеется, время.

Реального права по закону, между нами, девочками, на такую работу и совместительство он не имеет, тем более вовсе используя свое служебное положение.

Но он, зараза, и числится у тех ребят простым консультантом, а платят они ему вполне легальные и облагаемые налогами деньги.

Так что взятки не берет, но все равно свое служебное положение использует с особым цинизмом с целью наживы, как ни посмотри.

О чем я ему тогда и заявила.

А он очень долго и от всей души хохотал.

Что-то я отвлеклась, вспомнив тот давний разговор, а Илья смотрел мне прямо в глаза и понимал, о чем я думаю.

— Признаю, глупость спросила, — согласилась я, уводя взгляд от его пристальных и слишком умных глаз.

— Ну, почему же глупость, как раз очень толковый вопрос, — возразил он, как обычно, чуть улыбаясь. — Надо бы разузнать, что берет и не берет этот Марчук. Для дела весьма полезная информация, — и, перестав улыбаться, посмотрел на меня с тревогой. — Вот что, Кира, иди-ка ты спать-отдыхать, а то побледнела и выглядишь замученной.

— Спать я пойду, — холодным тоном ответила я. — А ты тут особо не налаживайся доминировать и приказы раздавать. Оставила я тебя у себя в доме по трезвому размышлению, что ты прав и неизвестно, что можно ожидать от преступника, и охрана мне не помешает. Так что, Илья Георгиевич, ты в гостях и веди себя соответственно. Спать будешь в главной спальне, там постелено, чистые полотенца там же в шкафу, — и направившись к выходу, помахала ему рукой. — Спокойной ночи.

— И тебе того же, дорогая! — весело отозвался он.

— Не называй меня «дорогая»! — уже из коридора прокричала я.

И услышала его развеселый смех, сопровождавший меня по пути в спальню.

Какое там спать-отдыхать?!

В кровати мне было душно, неудобно, маетно, и я ворочалась с боку на бок, пытаюсь найти удобную позу, и главное, перестать думать о Башкирцеве! Немедленно!

Каждой клеткой своего тела, всеми вывернутыми наружу нервами я чувствовала его близкое присутствие, и это чувство билось во мне пульсацией крови...

Нет! Я так не хочу! Это кошмар какой-то!

Резко отшвырнув одеяло, я села на кровати, включила лампу на тумбочке, посмотрела время на телефоне, вздохнула и выбралась из постели.

Обычно, если не спалось, я шла в кухню, попивала успокаивающий травяной чаек, могла и поесть чего вкусненького или телек посмотреть, но сегодня успокоительная обитель кухни мне недоступна — стоит мне там обосноваться, как притащится следом Илья — вот сто пудов! — и придется с ним разговаривать, и совсем не о трупах. Я же вижу, как ему не терпится побеседовать со мной начистоту «за нашу жизнь» и задать свои вопросы.

Обойдется!

Я подошла к окну и посмотрела на темную улицу за стеклом.

Лето. Люблю лето. За свободу, простор, за солнце, да просто так люблю, и все! Летом прошлого года я приехала в этот город, оставив за спиной, в прошлом, Москву и Илью Башкирцева, решив начать совсем новую жизнь.

Новую жизнь я начала. Понравилась ли она мне?

Одинокая машина проехала по дороге, осветив фарами старый тополь.

Я помню этот тополь с детства, когда приезжала сюда к бабушке, он и тогда уже был старый, а сейчас и вовсе древний дед.

А вот мой дедушка.

Про деда было хорошо думать, я его так люблю, что каждое воспоминание о нем согревает теплом и устойчивой радостью.

Деду моему нынче восемьдесят один год, но он бодрячок еще тот — выглядит лет на шестьдесят, не больше, и находится в великолепной физической форме — делает серьезную силовую зарядку и каждый день проходит пять километров по поселку, в котором живет.

Я очень надеюсь, что он будет жить долго-долго.

Ни о каком ином варианте я даже думать не собираюсь!

Дедуля мой, Юдин Матвей Петрович, личность, я бы сказала, масштабная, государственная и совершенно точно уникальная!

Когда он молодым инженером после института пришел на завод, его сразу же назначили начальником цеха. Должность, ясное дело, не для

пацана сопливого, только-только со студенческой скамьи, но на нее требовался человек с высшим образованием, а свободных штатных единиц не имелось. Вот и назначили Матвея Юдина.

А он не просто справился, он быстро разобрался, что тут к чему на этом посту, и оказался толковым руководителем: и с рабочими поладил, да и начальство успокоил.

Вот с этой должности и началась работа Матвея Петровича, и дослужился он до директора завода всесоюзного значения, с выходом на мировые рынки, со своей уникальной продукцией.

В двадцать четыре года женился на девушке Ангелине, работавшей в секретариате управления завода младшим секретарем. Через год у них родилась девочка Альбина, а через десять лет девочка Виктория.

Заняв пост директора, Матвей Петрович работал бесконечно много и дома появлялся только ночевать, но здоровый режим жизни старался соблюдать и себя держать в форме, никогда не курил и не разрешал курить подчиненным на собраниях, старался по заводу ходить пешком из цеха в цех, питался регулярно, не отодвигая обед из-за важных дел.

В подростковом возрасте мне казалось, что дед настолько умный и значимый, что никому невозможно постичь масштабов его разума.

А все от того, что Матвей Петрович никогда не нервничал до сердечных приступов и валидола с нитроглицерином, что бы ни случилось у него на работе и какой бы аврал с кошмаром ни происходили на заводе — он всегда оставался сосредоточенным, уравновешенным и внешне казался совершенно спокойным. Много позже я поняла, что это его особенный склад воли и характера — занимаясь каким-то делом, он погружался в созерцательное состояние, я бы даже сказала: медитативное, видел перед собой четкую цель и выполнял все тщательно продуманные шаги для ее достижения.

Думаю, благодаря этой спокойной внутренней созерцательности он сумел сохранить свое здоровье и такой жизненный тонус. Потом он не раз говорил и повторял мне:

— Работа, Киронька, это не вся жизнь, человек гораздо объемней лишь одного дела, что он делает.

Единственное, что с бабушкой ему доставалось. Вот кто-кто, а она могла его допечь до потрохов так, что он срывался и в сердцах просто уходил от нее подальше. Я как-то его спросила:

— Зачем ты на ней вообще женился?

— Тогда она такой не была, — улыбнулся он.

— Так развелся бы, когда она стала такой, — недоумевала я.

— Нет. Она нуждается в защите и опоре в жизни. Другой опоры, кроме меня, у нее нет. И Киронька, я ее любил. Это просто.

Вот есть такие уникальные люди, для которых любить — это просто. Я, к сожалению, к их числу не отношусь.

Мне рассказывала тетя Альбина, что она никогда не слышала, чтобы родители ругались — мать ее доставала отца в своей излюбленной манере ужасно, он же предпочитал не отвечать. Но иногда не выдерживал, говорил что-то резкое и уходил в кабинет. А однажды она случайно услышала их разговор ночью на кухне. Дед тогда сказал бабушке:

— Иногда ты несешь такую чушь, Геля, которую-то и слушать невозможно. Это просто какие-то ненормальные судороги разума. Ты зачем меня донимаешь? У меня от твоих разговоров в голове что-то лопается и сердце сбоит, я же могу и умереть. А если я умру, ты с детьми как жить будешь? На пенсию домохозяйки? Ведь ничего у тебя не останется: квартира казенная и дача, и машина. Не донимай меня, Геля, у тебя для психологических экспериментов полно друзей.

И бабушка перепугалась не на шутку, когда в полной мере осознала всю глубину его слов. И мужа допекать перестала, только это не помогло.

В восемьдесят шестом году деда перевели в Москву с повышением в министерство. Он уехал, но семью с собой не взял.

Можно было вполне перевести старшую дочь в Московский университет, а младшую в московскую школу. Но Матвей Петрович понял, что находиться рядом с женой не сможет. Она снова начала его доставать своими выступлениями, за сытой и обеспеченной жизнью постепенно забыв тот их давний разговор и его предупреждение. Вот он ей и напомнил, сказав, что жить они станут отдельно.

И устроил все таким образом, что квартира, дача, машина остались в распоряжении жены и дочек, а он в Москве жил в служебной гостинице.

Но случилось такая жизненная коллизия, что Вика, младшая дочка, после отъезда отца резко посчитала себя девушкой взрослой и сильно самостоятельной, да и мажорное окружение детишками сильных мира того не способствовало скромной жизни, и понесло ее в приключения. И в пятнадцать лет она забеременела.

Когда бабушка, захлебываясь слезами, сообщила деду эту новость по телефону, он спокойно выслушал, положил трубку и на следующий день прислал личного водителя на своем автомобиле в сопровождении грузовой «Газели». Альбину и Вику со всеми их вещами он забрал в Москву.

Вообще, надо понимать, что за время тогда стояло на дворе — глубокий застой, когда рулила всем партия в едином лице и порыве, и она

же в приказном порядке решала, каким должен быть моральный облик ее членов и всего советского народа.

А дед, понятное дело, был выдающимся членом партии, иначе бы его не назначили ни на одну ответственную должность. Его карьере и даже членству в партии пришел бы конкретный карачун, если бы до его начальства дошла информация, что его несовершеннолетняя дочь ждет ребенка.

Однозначно, его бы сняли со всех должностей, и неизвестно, где бы он вообще смог потом работать. Завистников, метивших на дедово кресло, хватало, а во властных структурах подковерные интриги никто не отменял и не отменит. Не забываем и о том, что в те времена беременная девочка-школьница — это такой нонсенс, что приравнивалось к ЧП городского масштаба. Если не областного. Под «раздачу» попали бы все — и мать девочки, и учителя школы, в которой она училась, и комитет комсомола — всем хватило бы с избытком. А уж всеобщий ostracism семье, ей самой и ребенку до кучи обеспечены, считай, что на всю жизнь.

Поэтому Вика была объявлена заболевшей непонятной болезнью, из-за чего отец ее и привез в Москву, чтобы показать лучшим специалистам, и по этой печальной причине учебный год она заканчивала на домашнем обучении. Про Альбину сказали, будто парень, с которым они собирались пожениться, якобы погиб в Афганистане, исполняя интернациональный долг.

История слезливая и опять же: дочь замминистра, и без мужа рождает, но в министерстве такая версия проканала замечательно — обсуждать проблему наших войск в Афганистане к тому времени в верхах не любили, предпочитали лишний раз промолчать и не помнить о ее существовании.

Ну а тут что подделаешь — жених, считай, что тот же муж. Матвей Петрович даже некий респект от начальства получил, поскольку решил заменить ребенку отца.

Я родилась весной. Дома. Дед договорился за определенную сумму и дефицитные блага с врачом и медсестрой «Скорой помощи», и они приняли роды у моей мамы Вики, а в роддом отвезли меня и Альбину и там же записали меня как ее дочь.

Проблем с тем, кого называть мамой, у меня никогда не возникало — мамой я звала обеих сестер, поскольку мы жили все вместе в одной квартире, которую выделили деду в министерстве, ну а в девяносто первом мне было уже четыре года, и к тому времени партийную мораль отменили. Да, в общем-то, честно говоря, любую, и всем уже было глубоко по барабану, кто и кого незаконно родил.

От меня никогда не скрывали, что моей настоящей мамой является Вика, но ей самой я была в целом безразлична. Она могла поиграть со мной, когда была в настроении, и изредка погулять, даже несколько раз меняла мне пеленки. Ну это уж совсем редкий случай. Истинной мамой мне стала Альбина.

Как-то, когда мне было пять лет, один коллега по детсадовскому заключению задал удививший меня вопрос:

— А кто у тебя папа? — И уточнил для полной ясности: — Он у тебя есть?

Девочка Кира почесала свою умную головку под ненавистным бантом и вечером переадресовала этот вопрос главному в моей жизни ответчику на все вопросы — Матвею Петровичу.

Он, усадив меня к себе на колени, спросил:

— А тебе нужен папа, или тебе и со мной хорошо?

— С тобой лучше всех! — убежденно заявила я и даже ладошку к сердцу прижала от полноты чувств. — Но мне интересно, у меня папа тоже есть?

— Твой папа погиб, так всем и отвечай. А когда станешь взрослой, мы с тобой поговорим об этом подробнее.

— Через пять лет? — уточнила я степень своей взрослости.

— Нет, — усмехнулся дед. — Лет через пятнадцать.

— Ладно, — легко согласилась я и тут же забыла о предмете разговора.

Действительно, что головку детскую забивать всякой ерундой.

Дед меня любил больше всех на свете, я это совершенно определенно чувствовала, и росла с этим знанием, и живу с ним до сих пор. Но меня не баловали, воспитывали в определенной строгости и даже некоторой аскезе.

Основным в моем воспитании являлся достойный пример — дед, который работал упорно и трудно — девяностые, в которые проходило мое детство, были очень тяжелыми для него годами. И Альбина работала так же много, как и дед, относились они к своему делу с уважением и меня этому учили — уважать и любить то, чем занимаешься, и себя в своей работе уважать.

Несколько нетрадиционное воспитание. А еще учили очень много читать — сначала Альбина заставляла и проверяла, чтобы я не меньше стольких-то страниц в день проштудировала, а потом мне понравилось, и вскоре меня уже оторвать от книг было трудно.

До сих пор беззаветно предана настоящим книгам. Люблю шелест страниц, особую энергетику книги, хрусткий переплет, такая вот

несовременная привязанность.

А вот с точки зрения материального обеспечения мы неплохо жили, по тем-то временам определенно можно сказать: богато.

Понятно же, что с должности замминистра в пустоту никто не уходит, даже когда в стране революции. Ну, во-первых, из своего улья, где все друг про друга все знают и обладают информацией, которая способна погрести под собой всех их скопом, засыпав вывалившимися скелетами из всех шкафов, никто просто так никого не отпустит и особо обижать не станет — держатся верхи друг за друга и за свои связи.

А во-вторых, и в самых главных, Матвей Петрович обладал особым масштабным мышлением. У него поразительная память, и мыслит он геополитическими категориями, имея деятельный ум и прекрасные аналитические способности, с легкостью прогнозирует те или иные политические и экономические события. К тому же у него, как бы это сказать, деятельный ум — вот, вот!

Благодаря умению предвидеть ситуацию, рассчитывать риски и возможные прибыли дед и стал одним из тех немногих, кто приобрел акции «Газпрома» при самом становлении этого столпа. К тому же он ушел с государственной службы и организовал свою фирму.

Маму мою, Викторию, дед держал в большой строгости, требуя от нее соблюдения всех правил, которые он установил в доме и жизни, и достойной учебы.

На любые ее попытки бунтовать он без разговоров сажал ее в поезд и отправлял назад к матери в родной город.

Это для Вики было самое страшное из всех возможных наказание — мать ей денег на руки не давала, плевать хотела на все ее закидоны и жестко подавляла любые попытки идти против ее воли. Могла и сама в милицию сдать, аргументируя это утверждением:

— Если ты дура и не ценишь все, что отец делает для тебя, то там тебе и место.

Такие вот высокие отношения.

Как правило, до конца Вика конфликт с дедом не доводила — сходила с поезда на ближайшей станции, возвращалась в Москву и просила у деда прощения, клятвенно заверяя, что впредь не повторит ошибок.

Повторяла с удручающей регулярностью. И все же дед каким-то образом умудрился заставить ее закончить школу с хорошими отметками и поступить в институт, и учиться по-настоящему, всерьез.

Для этого ему несколько раз приходилось переселять дочь в студенческое общежитие, давать самый минимум денег только-только на

пропитание и отказывать от дома в виде воспитательной и отрезвляющей меры.

Хватало ее со всеми выступлениями за свободу и независимость максимум на неделю, после чего она как ни в чем не бывало возвращалась домой. Но таки институт закончила и диплом защитила.

Вот тогда-то дед купил Виктории приличную двухкомнатную квартиру, машину, устроил на работу — и вперед, дорогая дочь, вот тебе твоя долгожданная свобода, делай со своей жизнью все, что захочешь.

И предупредил, что денег ей давать больше не намерен. Никаких. И если она по глупости своей вляпается в какую-нибудь историю, где потребуются деньги, чтобы ее выручить, на него она может не рассчитывать.

И, видимо, так сказал, что до моей матери дошло с первого раза.

Конечно, Вика попадала, и не раз, в разного рода неприятности, в основном нарываясь на всяких мошенников и альфонсов, и дед ее таки выручал, но более или менее она справлялась со своей жизнью.

Мы с ней сохраняем нейтралитет, относимся друг к другу как родственники, но не самые близкие — двоюродные, а то и троюродные, далекие, одним словом. Она на меня отчего-то обижается, считает, что я ей испортила жизнь, а меня не задевает то, как биологическая мать ко мне относится. Я жила и росла в счастливой семье, где меня любили и окружали заботой.

А что еще ребенку надо? Настоящей материнской любви?

У меня была Альбина.

Матери Бог судья, а я не возьмусь ее судить.

Когда мне было лет двадцать, я спросила у деда:

— Ты знаешь, кто мой отец?

— Знаю, — признался он. — Не беспокойся, у тебя очень хорошая генетика. Слава богу, она не забеременела от ровесника или идиота какого, а соблазнила взрослого мужчину. — И спросил с легкой тревогой: — Ты хочешь знать, кто он, или познакомиться с ним?

— Нет, дедуль, у меня есть ты.

Но Матвей Петрович записал все данные о моем отце и держал их в сейфе, сообщив, что я в любой момент могу прочитать эту папку и делать с этой информацией все, что считаю нужным.

Пока я ее не доставала.

Дед с детства учил меня самостоятельности и ответственности за свою жизнь, за свои решения и поступки, поэтому, когда я закончила университет, он устроил меня на работу не в свою фирму — «не под

крыло», как он сказал, а к своему знакомому в серьезный холдинг. Первые два года я вкалывала, как коняшка, завоевывая авторитет, наработывая навыки, профессионализм и необходимые связи.

Потом стало легче, да и не хотелось мне отдавать жизнь только работе и карьере и, если честно, не особо и увлекала та работа.

Несколько лет назад дед весьма выгодно продал свой бизнес, объяснив нам с Альбиной это свое решение тем, что никогда не собирался делать его семейным и тем самым перекрывать нам с ней возможности своей собственной реализации. Он считал, что и Альбина, и особенно я должны сами выбирать свой путь и то направление, которым хотели бы заниматься в жизни. Альбина с огромным удовольствием ринулась в новое дело, открыв сеть кафе.

Ну а Матвей Петрович окончательно перебрался жить за город в прекрасный поселок, в котором построил очень симпатичный дом, не усадьба бабушкина, но тоже вполне серьезный домик с красивым ухоженным участком, с великолепной баней и чудесным гостевым домом — красота обалденная!

У него есть подруга, и они с ней частенько путешествуют, в основном по Европе, дальние странствия Матвей Петрович не очень жалует.

А я давно осталась в нашей московской квартирке жить одна.

Странно приходят воспоминания — подумалось мне — рваные какие-то, кусками то про деда вспомню, то про мать. Все же есть, наверное, у меня к ней какие-то потаенные претензии и комплексы детские, раз так много о ней думаю.

Да даже если есть — бог бы с ними! Ни разбираться, ни думать об этом не собираюсь — само пройдет. А если не пройдет, то Альбина объяснит, что с ними делать и как управляться.

Я улыбнулась — стоило вспомнить Альбину, как сразу тепло становится и радостно — она у нас такая: оптимистка неугомонная и настолько мудрая, что порой как что-нибудь изречет, смотришь на нее, вытаращив глаза, и думаешь: «Господи, как оказывается просто, а люди вокруг этой проблемы целые трактаты накрутили!»

Я разулыбалась еще шире, вспомнив один разговор из разряда тех самых открытий.

За пару дней до ее свадьбы с Мартинесом мы с тетушкой разговаривали в моей «девичьей светелке», как называет мою комнату в московской квартире дед, вот там по девичьим-то душам и беседовали, и я спросила ее о том, что уже несколько лет мучило меня невысказанностью:

— Альбин, а ты не жалеешь, что не вышла замуж в молодости? — И,

набравшись смелости, спросила о самом главном для себя: — Что потратила свою жизнь и лучшие годы на меня, не родила своих детей?

— Да ты что, с ума сошла?! — ахнула, поразившись, тетушка и сразу же догадалась: — Ты что, об этом думала, да? Тебя это беспокоило?

— Наверное, — уклончиво ответила я.

— Глупенькая. — Альбина поцеловала меня в макушку, а затем заглянула мне в глаза. — Ты моя доченька и всегда ею была, ты мой настоящий ребенок, это же очевидно. Так что я счастливая мать, у меня прекрасная дочь, умница-красавица, — и прижала мою голову к своему плечу, еще разок поцеловала.

Мы посидели немного молча, она поглаживала меня по голове. А потом вдруг усмехнулась:

— Одна мудрая женщина сказала: «Да бог с ней, с молодостью, тоже хорошего мало!» Я с ней полностью согласна. В молодости хорошо только отсутствие знаний и опыта, что позволяет чувствовать себя почти бессмертным и всемогущим. А все остальное такой головняк! Надо получить образование и утвердиться среди ровесников, в социуме и в жизни, найти приличную работу, выйти замуж и родить детей, и постоянно что-то делать на будущее, как тот хомяк полевой, набивая закрома. И главное: успеть! Ведь только собрался пукнуть с молодым задором что-то важное в жизни, а уже сорок и твое окружение смотрит с пристрастием: ну-ка, что ты там смог накопить и застолбить на старость, жизнь-то удалась? Удачливый ты перец или так себе, лузер? А уж сорок пять стукнуло — и все общество, у которого мозги последние годы сильно набекрень, считает тебя переступившим в старость, а она впереди дли-и-и-инная. Вот посмотри: возраст, когда человек хоть что-то начинает соображать и уже способен принимать решения, — лет восемнадцать, мы берем самый лучший вариант. От восемнадцати и до тех же условных сорока пяти — двадцать семь лет. Вот так и получается, что все свои достижения человек должен свершить лет за двадцать пять. А жить потом на них еще лет сорок. Вот такая это молодость. Так что верно подмечено: «Тоже хорошего мало!»

— Но ты же могла замуж выйти, я тебе не мешала? — спросила я, отклонившись, чтобы видеть ее лицо.

— Кирка! — возмутилась преувеличенно Альбина. — Неужели ты такую ерунду в голове все эти годы держала? — И не дожидаясь моего ответа, пояснила: — Как ты могла чему-то мешать в моей жизни, ребенок? Ты моя дочь, моя любовь и радость. А мужчины? — она усмехнулась. — Романы у меня случались, а как же, и замуж меня звали не раз. Только что за радость за чужих мужиков выходить, только чтобы статус приобрести?

Мартинеса я в те годы не встретила, так судьба сложилась, что встретила я его только в пятьдесят пять лет. А как встретила, сразу почувствовала, что он родной, половинка моя. И что мне пятьдесят пять, а не двадцать, не помешает любить его, ощущать себя самой счастливой женщиной или страсти-эмоции испытывать! Да ерунда! Все точно так же, как и в двадцать, а то и покруче: ярче и насыщенней. Потому что ценишь жизнь и любовь глубже. Вот такая, Кирюшка, загогулина жизни.

Господи, как же хорошо, что Альбина у меня есть! И как же прекрасно, что она нашла свое счастье!

У меня тут же выступили слезы на глазах — расчувствовалась!

Альбине я, кстати, тоже не сообщила о криминальных этюдах, происходящих в моей жизни — да незачем родных тревожить! Справлюсь!

А не справлюсь, так вон — жилец незванный, на голову свалившийся, поможет.

Так! Хочу чаю травяного и вообще на кухню! Там думается уютней, особенно посреди ночи!

Нашу кухню я очень люблю и провожу там большую часть времени, когда не работаю. Просторная, метров двадцать, чуть вытянутая, с двумя большими окнами. На кухне все сделано под нас с Альбиной, под наши вкусы и желания — все в эдаком стиле Прованса, но не нарочитом. Мы специально нанимали талантливого дизайнера, и она устроила все так, чтобы использовался рационально каждый сантиметр — кухонный гарнитур пастельных тонов с несколькими яркими цветовыми вставками на «фартуке» над плиткой и на стеклах шкафчиков, встроенная техника последних моделей, солидный круглый стол, буфет старинный и уголок отдыха — большой, глубокий, мягкий и невероятно уютный диван, возле него кофейный столик, у стены удобная тумба, в которой я обычно держу деловые бумаги, книги, записи и ноутбук, миленькая банкетка в комплекте с диваном. Также мягкая и удобная: на нее кладешь вытянутые ноги и разваливаешься на диване с максимальным расслаблением всего тела, ставишь рядом с собой поднос с бортиками, а на него всякую вкусняшку и смотришь какой-нибудь фильм по большой плазме — такой кайф!

Вот обожаю свою кухню! Там любые душевные трепетания можно вылечить! Кстати, в нашей московской квартире кухня практически такая же, душевная и уютная — центр дома.

Вот хочу и пойду! — решила я.

Сняла тапочки и тихонечко-тихонечко, ме-е-едленно открыла дверь спальни, на цыпочках прошла по коридору, зашла в кухню и так же медленно-медленно, осторожно закрыла дверь за собой.

Фу! Кажется, ни одного звука не произвела!

Не хочу я с Ильей ни о чем разговаривать и видеть его не хочу! Пусть спит себе! А я тут.

Включила ночной приглушенный свет и занялась приготовлением травяного настоя.

А мысли потекли себе вольными ручьями, уводя меня в воспоминания.

В тот год я увлеклась бегом.

Дело было еще в мае, подруга затащила меня как-то на семинар по «Экологии жизни». Выступали там всякие специалисты в различных областях, как медицинских, так и эзотерических. И лекция одной продвинутой в здоровом образе жизни дамы меня привлекла необычайно. Там рассказывали о беге, правильном дыхании и питании и гармоничном ритме жизни.

Мы с подругой записались к ней на тренинг, сходили раза три, и так я вдохновилась ее идеями, что увлеклась бегом, предпочитая делать это ранним утром по парку и желательно по пересеченной местности. Ранним утром, это в самом что ни на есть прямом смысле раннем — с пяти до шести утра!

Офигеть, да?

Но что-то меня зацепило в этой оздоровительной концепции жизни, скорее всего, дело в упертом характере, подумала: а слабо мне пожить таким вот образом.

Чтобы узнать больше, я полезла в различные источники информации. Кстати, так, между делом, хотела спросить: а вы знаете, что в Интернете далеко не вся и очень неполная информация практически по каждому вопросу и теме? Нет? Вас это удивляет? Полные сведения есть только на бумажных носителях — то есть, господа, в библиотеках, в архивах — вот так вот!

Отвлеклась.

Ну вот я полезла в эти источники знаний и много чего интересного для себя обнаружила, например, о природных жизненных циклах человеческого организма. Словом: уперлась и решила попробовать.

Для того чтобы вставать по утрам в полпятого, мне приходилось ложиться в девять часов вечера. Проснувшись, я на машине ехала в парк, расположенный поблизости от нашего дома, и вот там-то бегала, в основном по тропинкам, а не асфальтовым дорожкам.

И хорошо пошло — такой заряд энергии на целый день получаешь, что диву даешься!

Да только ложиться в девять часов спать в Москве — проблема,

особенно если ты работаешь и возвращаешься домой часов, скажем, в восемь вечера.

Значит, никаких встреч после работы с друзьями, никаких тусовок, посиделок, театров и вечерних сеансов в кино, никаких клубов и ресторанов и вообще — никакой активной жизни после работы.

Для молодой, свободной, привлекательной, современной девушки перспективка так себе, я вам скажу.

Но в тот момент я ставила личный эксперимент.

И таким вот образом, одним шикарным летним утром бегу я себе через небольшую сосновую рощицу в парке — под ногами приятно пружинит опавшая хвоя, терпко пахнет сосновым духом, настроение возвышенное, состояние несколько медитативное, и вдруг...

На самой окраине рощи, где она выходит на парковую аллею, за стволом одного из деревьев неожиданно уперлась взглядом в странного человека.

Станным он показался мне в первую секунду, когда попал в поле моего зрения, потому что держал руку вытянутой и она была ненормально длинной. А в следующую секунду мой разум охватил всю картину происходящего — мужчина был облачен в камуфляжную одежду зелено-коричневых оттенков, а в вытянутой руке он держал черный пистолет с длинным стволом и целился в этот момент в другого мужчину, стоявшего возле черного внедорожника, припаркованного посередине парковой аллеи.

Что-то во мне сработало помимо моего запаздывающего за событиями разума, и, не успев ничего осознать, я вдруг проорала:

— Стой!!!

И швырнула в стрелка пластмассовой литровой бутылкой с водой, которую держала в руке.

И как ни странно, но бутылка попала мужику по скуле и задела его губы в тот момент, когда он поворачивал голову на мой крик.

Второй же мужик, в которого целился стрелок, на удивление мгновенно соориентировался, хоть и не видел нас толком из-за стволов деревьев, что-то громко крикнул, скакнул вбок от машины и начал пригибаться, но в этот момент киллер уже пришел в себя и выстрелил.

Мужчина у машины, издав резкий звук, упал на асфальт, стрелок выстрелил второй раз в уже лежавшее тело — и оно дернулось от попавшей в него пули.

И тут киллер стремительно развернулся и навел пистолет на меня...

Все эти секунды стрельбы мое ошарашенное сознание словно замедлило течение времени, я видела все в замедленном ритме: как падает

мужик на асфальт, как дергается его тело и как поворачивается ко мне стрелявший.

А когда я посмотрела в дуло трубки, удлинявшей ствол пистолета, течение времени во мне замедлилось еще больше — я четко видела длинный пистолет и руку в черной перчатке, державшую его, и дальше, поведя взглядом по этой руке и плечу, посмотрела в лицо стрелка, натолкнулась на его страшные пустые, словно мертвые, стальные глаза и поняла, что сейчас он выстрелит.

А в следующую раздробленную секунду я, одновременно с короткой вспышкой у ствола пистолета, дернулась всем телом вбок и услышала, как что-то просвистело мимо моего уха, обдав горячей струей сжатого воздуха, и с тугим плотным звуком вбилося в ствол сосны, у которой я стояла.

И вместе с этим объемным звуком время вернулось в свое обычное течение и тут же проявились другие звуки вокруг — я услышала чей-то крик издалека и какой-то острый свист, что-то застучало по листве кустов, а стрелок нажал еще раз на курок.

И ничего не случилось.

Он глянул мне прямо в глаза своим жутким мертвенным взглядом, отбросил пистолет и словно растворился среди сосен.

А меня прямо-таки швырнула непонятная мне сила вперед, словно я тычок в спину получила, — туда, к машине, к мужику, лежавшему на асфальте.

Он оказался жив, я рухнула возле него на колени, попыталась оценить степень его ранений — ну как оценить, я не специалист, но все же.

Тут такое дело — в холдинге, где я работаю, усиленно культивируют корпоративный дух и сплоченность, все в рамках известной психологической системы. И под этим девизом у нас часто устраивают разно-образные мероприятия, в том числе и коллективные выезды на природу. Вот в связи с этим наше начальство высокое в обязательном порядке заставило всех руководителей, к коим отношусь и я, пройти курсы оказания первой помощи и обучение, как действовать в нестандартных ситуациях и при несчастных случаях.

Программа была обширная, так что кое-что я знала и умела.

Я поняла, что у мужчины не прострелены легкие и не задеты никакие артерии — то есть кровью он не истечет.

Я сорвала с головы бандану, в которой всегда бегала, торопливо сложила в несколько слоев и накрыла рану на боку.

— Ты кричала? — просипел мужик.

— Я, — кивнула я и почему-то добавила: — И еще бутылкой в него

запустила.

— Спасибо, — поблагодарил мужик.

А я уже доставала сотовый, чтобы вызвать «Скорую».

Но оказалось, что нашлись другие вызывальщики.

— Игорь Дмитриевич!! — заорал кто-то у меня над ухом, рухнув рядом со мной на колени. — Живы? «Скорая» уже едет!

— Тихо, Леш, не ори, — отозвался раненый и просипел: — Вон, девушке спасибо, спасла.

— Ты? — взревел мужик рядом, посмотрев на меня.

Охранник, поняла я — в легком льняном темном пиджаке поверх белоснежной рубашки, под которым угадывалась наплечная кобура с пистолетом. Нормальный мужик, никакой не качок бритый, с вполне умным взглядом.

— Рубашку снимай! Быстро! — потребовала я.

— Что? — опешил он.

— Давай, надо рану заткнуть, кровь остановить!

Сообразил он сразу, о чем я говорю, но рубашку снял не с себя, а с подчиненного, еще одного охранника. Их вообще-то трое обнаружилось вместе с Лешей этим.

— Где ж вы были, охраннички? — прикрикнула я на него в запале, прикладывая сунутую мне в руку рубашку к ранам.

— Не триви душу! — гаркнул Леша, но все же снизошел, пояснил: — Игорь Дмитриевич распорядился с ним не ходить.

Вдалеке отчетливо слышались сирены, перекликающиеся друг с другом, приближаясь к нам, и меня вдруг совершенно неожиданно накрыл отходняк. Такое ощущение, словно кровь в момент отлила от головы и груди и, вспенившись, ударила в ноги.

— Э-э-э, девонька, — заботливо протянул Алексей. — У тебя отходняк начался, адреналин зашкалил. Иди-ка ты, посиди вон у деревца. Мы сами тут разберемся.

Я послушно кое-как дотащилась до сосен и села под одной из них, оперлась спиной на ствол и, вытянув ноги, отстраненно смотрела на суету вокруг раненого.

Отходняк я схватила конкретный, в этом охранник Леша был совершенно прав.

Так и сидела, когда приехала «Скорая», а за ней полиция. Меня о чем-то спрашивали, я отвечала, не понимая, что говорю, и тут же об этом забывала, мужчины понимающе и сочувственно кивали, глядя на меня с жалостью, и кто-то сунул мне в руку бутылку с водой, а я все сидела и не

двигалась с места.

Через какое время меня стало потихоньку отпускать, как-то постепенно сердце уgomонилось, сознание прояснилось, я даже воды попила и пришла в себя настолько, что уже полностью соображала, и принялась с интересом наблюдать за тем, что происходит вокруг.

И тут какой-то мужчина наклонился ко мне и сказал с заботливыми нотками в тоне:

— Вон следователь приехал. Башкирцев Илья Георгиевич его зовут. Он сейчас вас опросит, а потом, наверное, и домой можно.

— Спасибо, — отчего-то поблагодарила я и посмотрела туда, куда он указал.

Из машины, остановившейся у ограждающей место преступления ленты, вышел мужчина. К нему спешно подошел другой, что-то говорил несколько минут и махнул рукой в мою сторону, первый посмотрел на меня, кивнул и неспешно направился ко мне.

У него была походка человека, занимающегося какими-то единоборствами, я бы сказала: грациозная походка, как у хищника.

Он шел, то и дело с кем-то обмениваясь репликами, останавливаясь и здороваясь за руку, и все посматривал в мою сторону, а я рассматривала его — спортивная худощавая фигура, высокий, одет в легкие летние джинсы, футболку поло и мокасины хорошей марки. А кобуру с пистолетом почему-то он носил не в плечевой кобуре, а на манер американских полицейских — на ремне сбоку под самым локтем.

Я смотрела, как этот мужчина приближается ко мне, и не могла отвести от него глаз.

Он подошел совсем близко, присел передо мной на корточки, улыбнулся доброжелательно и собрался что-то сказать, но вдруг застыл на мгновение, разглядывая меня странным, отчего-то чуть удивленным взглядом.

У него были желтые глаза. По-настоящему желтые. Как у волка.

Я смотрела в эти волчьи глаза и чувствовала со всей ясностью снизошедшего просветления, что смотрю в глаза своей гибели...

А он резко выдохнул, снова улыбнулся доброжелательно и спросил с очевидной искренней заботой:

— Сильно испугались?

— Сначала нет, — честно ответила я и объяснила: — Ничего не успела понять, а тело уже на автомате что-то вытворяло. Помню, заорала очень громко что-то типа «Стоять!» — и кинула в него бутылкой и даже попала. Представляете?

Он представлял. И кивнул, улыбаясь.

— А вот когда он повернулся и наставил пистолет на меня, вот тогда я...

— Он выстрелил? — в голосе следователя не было вопроса.

— Да. — Я задохнулась от накрывшего воспоминания, пустые мертвые глаза посмотрели на меня из моей памяти, и я просипела чуть сдавленно: — Я видела, как он выстрелил. Не понимаю, как я отклонилась, прямо у уха пуля просвистела, даже горячо было, я четко понимала, что он стреляет и пулю слышала. — И вдруг спросила, отчего-то в момент успокоившись: — Странно, да, выстрел не слышала, а пулю слышала?

— Пистолет был с глушителем, — пояснил следователь успокаивающим и очень дружеским тоном.

— А, да, я, кажется, это поняла, — кивнула я и снова спросила с сильной заинтересованностью: — Но он выстрелил еще раз, почему у него не получилось?

— Произошла осечка, — объяснил мужчина таким тоном, каким разговаривают с тяжелобольными людьми: преувеличенная бодрость, сочувствие и осторожность в словах. — Вам очень повезло.

— Да, — согласилась я отстраненно. — Повезло. — И снова спросила: — И что теперь?

— Вы его запомнили? — совсем с другой осторожностью спросил следователь, словно боялся спугнуть удачу.

— Более чем четко, — твердо ответила я и пояснила: — Я его запомнила в деталях, боюсь, что на всю жизнь.

— Это пройдет, — пообещал он мне и улыбнулся по-настоящему.

Такой улыбкой, от которой у меня сердце екнуло, а в животе разлилось тепло.

«Погибель моя», — снова подумала я, глядя на него.

Но не я одна погибала и пропадала в этих неожиданно обрушившихся на меня чувствах и ощущениях — он тоже пропал! Да еще как!

Поскольку я оказалась основным и важным свидетелем, меня принялись охранять. Пришлось выложить деду, в какую историю я умудрилась вляпаться, чтобы объяснить, почему я не могу с ним общаться какое-то время, и на работе с начальством объясняться, но уже при посредничестве полиции.

В тот же день меня поселили на какой-то оперативной квартире, разрешили только за вещами заехать в сопровождении охранявших меня оперативников, и никуда не выпускали, мало того, со мной там обязаны были находиться на время следствия и два охранника, парни из убойного

отдела.

Это такой кошмар, хочу я вам сказать! Просто ужас!

Я очень деятельная, активная и мобильная дамочка, и сидеть несколько недель в ограниченном пространстве не самой большой квартиры — это гарантированно сойти с ума!

Следователи приезжали ко мне сами, даже художника из управления привозили, который нарисовал с моих слов портрет преступника, кстати, у нас получилось один в один, настолько я четко запомнила его лицо, как сфотографировала, боюсь, что на всю жизнь, так вот художника привозили на эту квартиру — между прочим, с завязанными глазами — я посмеялась. Но оказалось, что зря.

Как рассказали ребята-оперативники, меня активно разыскивали и уже наводили справки на работе, и у моих друзей выпрашивали информацию обо мне, проверяли квартиру мою, и за дачей деда несколько дней какой-то человек следил.

Если к тому добавить, что мне не разрешалось не то что звонить, у меня телефон вообще изъяли, но и выходить в Интернет, можно представить состояние и положение человека в таком заточении!

Я думала, чокнусь! Реально! Жуть полная!

Спасали только книги! Я заказывала ребятам, и они мне приносили. Но читать все время невозможно, и я занимала себя изощренной кулинарией на радость всех оперативников, охранявших меня.

Что я только не готовила! Какие-то навороченные блюда, которые требовалось делать по нескольку часов, и пироги особые, и даже торты — вот от безделья меня и несло в кулинарное творчество!

Но даже интересно было.

А ночью было страшно! Стоило мне заснуть, я вновь и вновь видела, как медленно поворачивается ко мне стрелок, я смотрю в черную дырочку дула, и из него вылетает оранжевый огонь, выпускающий пулю.

Я орала и просыпалась...

Парни все понимали, и мне несколько раз приво-зили психиатра, который занимался со мной по специальной методике, чтобы уменьшить последствия шока.

Расследование продвигалось, я варилась, как консервы в банке, в этой квартире, которую уже ненавидела, парни сказали, что пострадавший Игорь Дмитриевич выжил, уже идет на поправку и все рвется встретиться со мной, чтобы как-то отблагодарить.

Не надо меня благодарить — дура была, что полезла! Теперь вот снятся кошмары, и каждую ночь на меня смотрят эти жуткие пустые глаза.

Башкирцева за время заточения я видела всего два раза — он провел первый опрос со мной под протокол, в очень официальном ключе. И второй раз, когда привозили художника. Тот рисовал, а Илья Георгиевич сидел в кресле и молча смотрел на нас.

Точнее, на меня.

И я плавила, как от жары в Сахаре, под этим его взглядом.

Он ни разу не оставался охранять меня с другими оперативниками и появился только...

Мы обедали, когда ребятам позвонили и что-то сообщили по телефону. Они быстро вскочили из-за стола, промямлили нечто невразумительное, оба были настолько возбуждены и веселы и так торопились бежать, что я сразу же поняла, что происходит нечто важное. Решительный бой какой-то!

Бой не бой, но парни бросили на бегу, уже изнемогая от нетерпения, что за мной будут наблюдать ребята из наружки — то есть кто-то в машине у подъезда, ну или не в машине, — и умотали со скоростью ветра. А я осталась одна гадать, что там у них такое творится — так бой с преступным элементом все-таки или не бой?

Часа через три раздался звонок в дверь, я вздрогнула всем телом и осторожно, стараясь ступать совсем тихо, пошла к двери.

— Кира, это я, Башкирцев, — громко предупредил он.

А я суетливо открыла и вопросительно уставилась на следователя.

Он шагнул через порог, заглянул мне в глаза и сказал:

— Мы их взяли. Всех: и заказчика, и исполнителя, и помощников.

И сделал еще один шаг вперед, протянул руку, положил ладонь мне на шею, притянул к себе, прижал и с ходу поцеловал в губы.

Первый наш поцелуй.

У меня отключился мозг. Это было как удар, как замыкание какое-то в голове! Что-то безумное случилось у меня с нейронами, электронами и их связями! Я сошла с ума — всем телом, не только мозгом! Разом!

Мы не могли оторваться друг от друга и не могли напиться этого поцелуя — ухнули куда-то безвозвратно, вывалившись из жизни и пространства в какой-то отдельный, только наш мир.

Как он умудрился захлопнуть дверь, до сих пор осталось тайной для нас обоих, но Илья умудрился защелкнуть замок, бесповоротно отрезая нас от всего остального мира.

Мы оба с ума сошли!

Настолько мощные эмоции и чувства, которые захлестнули меня полностью, я никогда в своей жизни не переживала, даже предположить не могла в себе способности такой накал всех чувств!

Я пропала в этом мужчине! Безысходно, добровольно и с радостью!

Когда мы пришли в себя, он тут же засобирался:

— Всех задержанных отвезли в управление, а я сразу к тебе после проведения операции! — объяснял он, спешно одеваясь. — Ты еще посиди здесь, тебя мужики вечером домой отвезут! — и бросив на пол мокасин, который держал в этот момент в руке, ринулся ко мне, поцеловал и, сверкая своими желтыми глазами, весело, сгорая от нетерпения, как ребенок, которого ведут в обещанный уже сто раз цирк, сказал: — Мне надо их допросить!

— Иди, допрашивай, — заражаясь его радостью бытия и переполняющей его силой жизни, рассмеялась я.

Мне бы тогда обратить внимание на эту зашкаливающую увлеченность делом, да о чем вы! Ни о чем, кроме него, я не могла думать и уж тем более размышлять! Эта функция у меня отключилась в тот день.

Домой меня отвезли, а посреди ночи ко мне пришел Башкирцев. И больше мы не расставались — с той самой ночи начав жить у меня, постепенно, по мере надобности, перевоза и перетаскивая его вещи.

Он сразу же предложил руку, сердце и все на свете, прося выйти за него замуж, и честно предупредил:

— У меня катастрофическая служба, Кирюха, обвал полный. Меня никогда не бывает дома, большую часть праздников и застолий ты проведешь без меня, будут испорченные отпуска, потому что в последний момент, даже с трапа самолета, меня сдернут звонком, и я помчусь работать. Я не стану забивать гвозди, чинить сантехнику и перевешивать полочки на стенах, потому что на это у меня не будет ни сил, ни времени. И моя ментовская зарплата раз в пять меньше того, что зарабатываешь ты. Моя жизнь — это ужас для любой нормальной жены, поэтому до сих пор я и не женился. Ты понимаешь?

— Да, — улыбалась влюбленной дурочкой я. — Понимаю, у тебя жуткая работа, которая занимает тебя полностью. А на меня у тебя в душе остается местечко?

— Все мои местечки заняты только тобой! — уверил Илья весело и, став неожиданно серьезным, весомо, с большим значением произнес: — Я понимаю, что из меня получится ужасный муж, но я люблю тебя, как не любил никогда и никого. Ты женщина всей моей жизни. Ты должна знать, что мне нужна только ты, и я всегда останусь тебе верен. Меня часто не будет ночами, и у меня случаются командировки, и на работе я задерживаюсь постоянно, но ты, Киронька, никогда не подозревай меня в измене, это невозможно: я весь принадлежу только тебе и потерян для

других женщин.

И это не рисовка и не игра словами — Илья такой. Он чувствовал именно то, что говорил, я ему верила, и он ни разу меня не подвел.

Как ни удивительно, но дед принял Илью сразу, в тот же миг, когда я их познакомила. Оказалось, что, пока велось расследование, Матвей Петрович через свои каналы получил подробные справки о следователе, который вел дело. В тот момент ни о каких взаимоотношениях между нами и речи еще не шло — Илья Георгиевич изо всех своих мужских сил держался от меня как можно дальше, отдавая себе отчет, что хоть чуточку ближе чревато тем, чем и закончилось в итоге.

И, по всей видимости, то, что дед о нем узнал, вполне Матвея Петровича удовлетворило и успокоило. Как я понимаю, он знает про Башкирцева и его работу такие подробности, которые я не узнаю никогда.

Мужские дела это называется. Да и ладно, и не стремлюсь — пусть себе! Даже не любопытно, особенно пожив с Башкирцевым три года, могу себе представить, через что ему пришлось пройти.

А в тот первый наш приезд к Матвею Петровичу в дом дед с Ильей закрылись в кабинете и о чем-то долго разговаривали. И остались друг другом не просто довольны, а как-то сразу прониклись взаимным уважением и дружеской приязнью.

Когда мы возвращались домой, Башкирцев сказал с неким восхищением в тоне:

— Ну, твой дед гигант! Сильный мужчина.

Очень скоро, практически сразу, их отношения стали родственными, как у внука и деда, которые любят друг друга и гордятся друг другом.

Когда я сообщила, что развелась с Башкирцевым, дед ужасно расстроился, так расстроился, что я даже испугалась за его здоровье и страшно себя обругала. Но он ни уговаривать, ни упрекать меня не стал, сказал лишь:

— Я никогда не прекращу тесно общаться с Ильей. Он мне дорогой и близкий человек, друг. И я отношусь к нему с уважением и любовью. А ваши отношения касаются только вас двоих. Но учти, что будешь сталкиваться с ним у меня в доме.

Вот такой у меня дед.

Но этот разговор состоялся больше чем через три года после нашей свадьбы.

А тогда...

Первый год нашей совместной жизни я находилась в сладком тумане — ни на что не обращала внимания и ни о чем не думала — я была вся в

Илье! Я так его любила, что у меня порой темнело в глазах и воздуха не хватало, я просто задыхалась от переполнявших меня чувств, словно болела какой-то затяжной болезнью.

И мне казалось через рассеянный взгляд сквозь любовный угар, что счастье мое обещает быть таким полным, как никогда!

И на всю жизнь — с ним, с Ильей! В счастье!

Как когда-то сказала одна тетка в ларьке подземного перехода, пытаясь всучить мне сумку от Коко Шанель, сделанную в Урюпинске на подпольной фабрике при заводе «Серп и Молот»:

— Берите, дамочка, это ж натуральная вещь! Гарантия до Парижу!

Вот и мне казалось, что у меня теперь такая гарантия счастья на всю жизнь.

И мне Ильи было все время мало и не хватало его постоянно. Он звонил мне каждую свободную минутку, и мы бесконечно висели на телефонах, болтая о всякой ерунде, лишь бы слышать голос друг друга.

Я не одна пропадала в этой болезни — он варился со мной рядом с теми же симптомами — мы обоюдно впадали друг в друга, как в омут, и задыхались от переполнявших нас чувств.

На второй год нашей жизни я как-то постепенно начала замечать в окружающей среде что-то, кроме Ильи. И поразилась — как мы с ним еще умудрялись работать и даже что-то делать толковое в этой работе, а не спустили в одно известное место все дела.

А оглядев нашу жизнь более трезвым взглядом, я сделала некоторые неприятные открытия. Например, что Башкирцева в нашей совместной жизни практически нет — я есть, а его нет. То есть все, о чем он предупреждал меня, делая предложение руки и сердца, имело место, но реальность превзошла все мои предположения, даже самые пессимистичные.

Я понимаю — его яркий талант, выдающиеся способности к анализу, уникальная зрительная память, быстрый ум и врожденная повышенная реакция требовали реализации, но это усугублял трудоголизм тяжелой степени.

Отец Ильи Георгий Михайлович проработал в уголовном розыске всю свою сознательную жизнь, а до него его отец, дед Ильи — что называется, династия крепчала.

Закончив школу, Илья не стал сразу поступать в институт, а по совету отца, проработав год в участке в качестве наемного рабочего по мелким поручениям, отправился в армию, где и прослужил два года в ВДВ.

Вернувшись, сразу же поступил в университет на юридический

факультет со специализацией по уголовному праву и параллельно пошел работать в милицию. Не знаю уж как, но ему удавалось это совмещать. Вообще-то, насколько мне известно, такое не разрешается, но Георгий Михайлович как-то договорился, и Илья стал по вечерам служить кем-то вроде вольнонаемного постовой службы.

Путаю наверняка, но что-то в этом роде, не помню как, он мне объяснял. Не суть.

Когда он закончил университет и пришел уже официально работать в уголовный розыск, они с отцом как-то поспорили, и тот его взял «на прослабон», что называется, и Башкирцев поступил в заочную аспирантуру. И работал при этом, заметьте!

А закончив аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию!

Как он это сделал, я не понимаю, даже представить не могу — у него времени банально жить нет, а тут написать диссертацию! Но спор с отцом Илья выиграл.

А через несколько лет начальство направило Башкирцева на учебу в Академию МВД, думаю, не без тайного вмешательства его папы — поучись, типа, сынок, глядишь, и генералом станешь.

И он отучился, каким-то совершенно непонятным образом умудряясь еще и работать, правда, не всегда на основной работе.

Вот как раз об этом!

Ильи в нашей жизни не было вообще — миф, человек, которого никто никогда не видел, но о котором все говорят! Он приходил к ночи или позже нее, спал, в лучшем случае, часов шесть, в обычном случае — четыре. Потому что помимо своей основной работы еще сотрудничал с той самой полузагадочной фирмой из бывших конторских, экспертами по безопасности любого уровня.

Я сетовала, расстраивалась ужасно, что он так нечеловечески много работает, да еще эта подработка непонятная, а он посмеивался и говорил: так надо, чтобы зарабатывать честные и нормальные деньги — аргумент, согласна. Но я-то понимала, как сильно он увлечен своим делом и до какой степени ему нравится все, чем он занимается, нравится настолько, что вся его жизнь только там — в работе.

Иногда Илья со своими ребятами-операми заваливались к нам домой после какого-нибудь задержания или удачного раскрытия, или от безнадёги забуксовавшего дела, или от того, что начальство давит. Мы накрывали стол, и первые минут сорок еще могли поговорить на общие темы, посмеяться-пошутить, но каждый раз неизбежно разговор скатывался к службе, они дружно «выключались», начиная обсуждать свои дела, и

засиживались до полуночи.

Разумеется, мне это радости не прибавляло, и я ворчала на Башкирцева:

— Вы даже пить, как нормальные люди, не умеете: постоянно путаете пьянку с производственным собранием!

Я задумалась и стала приставать к Илье, что хочу ребенка, а он зацеловывал меня, уводя от этого разговора, и шептал:

— Потом, потом. Мы еще успеем.

Я стала просить его меньше работать и проводить со мной хоть сколько-то времени — хочу его рядом, хочу чтобы вместе — он не обещал, только целовал меня.

Еще где-то год я пыталась идти против устройства нашей жизни, уговаривая Башкирцева пересмотреть свое отношение к службе и задуматься, что у него есть жена и семья.

Он честно пытался, не вру — и в какой-то момент игнорировал некоторые звонки, брал выходные и «исчезал» на время этих выходных из поля зрения начальства, выключая свой телефон.

Старался. Но надолго его не хватило, да и мало что вообще из его стараний получалось — маялся он ужасно в те самые «бестелефонные» выходные, и все шло наперекосяк в нашем отдыхе, а когда я засыпала, он пробирался тишком в ванную комнату и звонил по пропущенным номерам, выясняя, какие там дела на службе без него приключились.

А я вдруг осознала, что меня в жизни Ильи нет. Есть, но немно-о-о-ожко.

Совсем.

У него имеется любимая жена, замечательно устроенный быт, всегда готовый обед-ужин, чистая отглаженная одежда, сложенная аккуратными стопочками в шкафу и развешанная на плечиках, и великолепный секс в любой момент, когда захочется. И все это неким фоном его основной, идущей полным ходом жизни, которая реально улучшилась с женитьбой, и где-то еще подальше за этим самым фоном можно рассмотреть и меня.

И в какой-то момент я отчетливо увидела наше будущее, в котором на самом деле ничего нет: ни счастья с «гарантией до Парижу», ни «всегда вместе». Пока Илья будет всю свою жизнь ловить преступный элемент и бороться с криминальным злом, я останусь вот так сидеть на «завалинке», ждать его и смотреть, как моя собственная жизнь течет мимо меня туда, где мечты гарантированно становятся грустными воспоминаниями.

И что так и будет: он сам по себе со своей работой, бесконечными мыслями и решениями сложных задач в голове, а я особняком от него со

своими ожиданиями.

И так меня это проняло! Вот донельзя, до потрохов! Так что я разозлилась, как никогда в жизни — до скрипа в сердце и в зубах!

И... попыталась поговорить с Ильей о том, что меня волнует и что болит у меня в душе — бесполезняк! Тень когда-нибудь пробовали поймать? Вот-вот, именно тот случай.

Тогда я сказала Башкирцеву, что разведусь — он не поверил.

А я взяла и развелась.

Подала заявление на развод и после трех судебных заседаний, на которые он, разумеется, не явился, получила свидетельство о разводе.

Даже фамилию вернула девичью. И паспорт поменяла, получив чистенький, без каких-либо отметок о семейном положении.

И однажды, дождавшись Илью ближе к ночи, сообщила ему о нашем новом социальном статусе.

— Ты что, с ума сошла? — совершенно искренне и как-то по-детски незащищенно спросил он: — Как это в разводе? Мы не можем жить порознь.

— Можем, — четко ответила я и положила перед ним на стол новенький плотный лист свидетельства. — Я больше не могу быть для тебя номером шестнадцать. Я отдавала себе отчет, за кого выхожу замуж, и понимала, какая работа у моего мужа. Но то, что делаешь ты со своей жизнью, Башкирцев, это не просто ненормально, это болезнь. Тебя нет, и жизни у тебя нет — есть только служба и обожаемый тобой преступный элемент. Тебе, кроме этого, никто и ничто не нужно.

— Кир, ты говоришь глупости, — его лицо, запыленное жуткой усталостью, словно разом постарело. — У меня сейчас очень непростое дело. Вот его раскроем, и я возьму отпуск.

— Не возьмешь, — спокойно возразила я. — Там как раз подгадывает еще одно непростое дело, за ним следующее. А у меня так и не будет мужа, только ночной гость.

— Кир, я все понимаю, но это бред, что ты со мной развелась, — устало говорил он. — Ты сама-то можешь вообще представить, что мы живем порознь?

— Я могу, а тебе и представлять не надо: ты и так живешь со мной порознь. Вместе ты живешь только со своей службой. Извини. — И повторила: — Я честно понимала, за кого выхожу замуж, но реальность превзошла самые пессимистические предположения.

И я уехала в тот же вечер к деду на дачу, предоставив Башкирцеву возможность спокойно вывезти свои вещи за месяц.

Илья позвонил через три дня и сказал, что освободил квартиру от своих вещей, я могу возвращаться домой, и попытался вразумить меня еще раз.

— Кир, это ненормально вот так развестись. Давай встретимся и поговорим спокойно. Я возьму выходной, мы куда-нибудь сходим, посидим и все обсудим. Это просто невозможно: я люблю тебя, ты любишь меня, и вдруг мы не вместе.

Мне было жалко себя, жалко его и безумно жалко нашей несложившейся жизни.

— Я тебя люблю, — подтвердила я. — Но это не значит, что я должна быть несчастной и чувствовать себя одинокой, ненужной и брошенной.

Он больше не звонил и не пытался со мной встретиться, а дед никогда не отвечал на мои вопросы о Башкирцеве, с которым постоянно общался по телефону и каждый раз, когда я пыталась что-то выведать о нем, жестко напоминал, что я сама выбрала развод и жизнь без Ильи.

Я вернулась в свою квартиру... и не смогла в ней находиться. Здесь все напоминало о Башкирцеве, о нас вдвоем, о наших безумных горячих соединениях, здесь все еще еле уловимо витал его запах.

Мне было плохо! Плохо без него и плохо с ним, и плохо с самой собой! И со своей глупой, вдруг ставшей пустой жизнью!

Однажды бессонной ночью я решила, что надо все поменять — все! И сразу! Поменять жизнь и... и постараться забыть, оставить в прошлом и Илью, и нашу так и не получившуюся счастливую семейную жизнь.

Я уволилась с работы под недоуменные взгляды и перешептывания теперь уже бывших коллег и уехала к Альбине.

Дед Матвей Петрович, выслушав мое решение, сказал:

— Иногда люди умудряются так испортить и запутать свою жизнь, что потом распутывают до самой старости и в большинстве случаев неудачно. — Погладил меня по голове и спросил: — Ты уверена, что правильно поступаешь?

— Я не знаю, дед, — честно призналась я. — Но мне так плохо, что хочется сбежать, вот я и бегу.

— Может, все-таки любовь важнее всякой ерунды? — тихо проговорил он, с глубоким сожалением глядя на меня, и снова погладил по голове. — Может, ты чего-то не поняла, например, того, что человек, которого любишь, не должен быть твоей собственностью и его жизнь не принадлежит тебе. Не имеет значения, сколько часов в день он находится рядом, важно, что рядом и в любви. А еще важно, чтобы ты сама что-то из себя представляла и тебе было интересно жить своими талантами и

увлечениями. Может, ты просто что-то не поняла про любовь, Киронька.

А я расплакалась. Он меня успокаивал и больше в тот вечер ни о чем серьезном не говорил.

Я уехала. Несколько раз дед порывался поговорить со мной об Илье, но я пресекала эти разговоры.

А Башкирцева до сегодняшнего дня я с тех пор не видела.

Какая любовь? Люди встречаются, влюбляются, женятся, развлюбляются и расстаются.

Вся наша жизнь — это череда расставаний.

Что-то этот отвар травяной горький слишком.

И остыл уже. Я скривилась и посмотрела в чашку. Да и ну его!

Спать пойду.

И, как ни странно, мне удалось заснуть сразу же, как только я вернулась в постель. Проспала я долго спокойным, исцеляющим сном, почти до двенадцати дня.

А когда проснулась и вышла в свет — то есть из своей спальни, обнаружила, что я в квартире одна. На кухонном столе лежала записка:

«Не хотел тебя будить. Уехал в отдел. Парни тебя караулят у подъезда, без них никуда не ходи и не езди. Целую!»

Распоряжается он тут — рассердилась я, потянулась и пошла в ванную.

Валентину с Виктором повезло — не работа, а мечта: сиди целый день в кафе, а симпатичные официантки тебе постоянно приносят что-то вкусненькое и строят при этом глазки, откровенно заигрывая.

Сама бы так работала. Но вместо такой халявы мы с Оксаной Викторовной закопались в насущные дела и провозились до самого вечера.

Мои партнеры и парочка поставщиков, с которыми у меня давно были назначены встречи, да откладывались по причине того, что творилось в моей жизни, узнав о моем плохом самочувствии, приехали самолично в кафе на встречу со мной. Мы продуктивно пообщались в кабинете, о многом договорились и подписали некоторые документы.

А ближе к вечеру пожаловал Максим Васильевич Иваницкий. Выказал искреннюю обеспокоенность моими делами и самочувствием, настойчиво и даже навязчиво предлагал помощь и защиту, однако мягко, но однозначно отказалась.

Мы поговорили об Аркаше, о его трагичном и странном появлении в городе, о его любовнице Ольге. Потом Иваницкий жаловался на жизнь и дела.

Вообще-то его можно было пожалеть — дела у Максима и на самом

деле обстояли совсем паршиво. После того как Аркаша пропал, а вместе с ним исчезли все деньги с их счетов, Иваницкому пришлось отбиваться ото всех сразу — от кредиторов и заемщиков, от клиентов, от налоговиков и полиции с прокуратурой, и от строителей и даже работяг, которым не выплатили деньги за уже сделанную работу. Он крутился, как мог: проводил дни на допросах, работал с аудиторами, с налоговиками и банками, распродал все, что у них имелось, перевел офис из центра города в занюханный спальный район на окраине. Он вел переговоры с администрацией с целью уговорить вложиться бюджетными средствами, закончить строительство и продать коттеджи, которые еще не выкуплены, чтобы покрыть хоть часть расходов. В общем, пытался спасти уже утонувший и опустившийся на дно Марианской впадины корабль. И власть, и банки понимали незавидное положение Иваницкого, даже где-то сочувствовали и шли навстречу в основном в малозначащих мелочах. Но тут возникает труп Аркадия, и все становится до такой степени запутанно, что те же власти притормозили всякую свою помощь и поддержку, как говорится, до выяснения.

Я слушала жалобы, кивала, поддакивала и с нетерпением ждала, когда же Макс уже иссякнет, заткнется и выметется из моего кабинета.

Он таки ушел, осчастливив меня наконец-то наступившей тишиной и своим отсутствием, оставив меня совершенно без сил.

А когда уж почти стемнело, приехал господин Башкирцев. Уставший, несколько озабоченный, но полный оптимизма. Со всей природной неугомонностью он принялся обаять моих барышень, преуспев в этом с первой же минуты своего появления, за что и был моментально окружен заботой и получил роскошный горячий ужин из трех блюд.

Никто в этом городе не знал, что Башкирцев мой бывший муж.

Так сложилось. Выдернуть Илью из Москвы не в командировку, а хотя бы на выходные, не говоря про отпуск, было делом настолько сложным, что это превращалось в целую эпопею, в которой мне приходилось прибегать к шантажу его начальства с элементами истерик в виде рыдания у того, то бишь начальства, на плече, а также с уговорами самого Башкирцева и подрывной деятельностью в виде шпионского выключения звука его телефона, а то и самого телефона, в моменты, когда Башкирцев этого не видел.

Вот таким мытьем, катаньем и провокацией мне и удалось всего один раз за те три года, что мы были женаты, умыкнуть Илью Георгиевича знакомиться с бабушкой, которая по понятным причинам на нашей свадьбе не присутствовала.

Тепло принятый и обласканный любимой тещей Альбиной, Башкирцев, наловившись вкусовости, приготовленных ею для зятя собственноручно, проспал больше суток, просыпаясь лишь по зову природы — посетить туалет и перекусить, да еще чмокнуть нас обеих в щечки — и заваливался обратно в постель.

Мы с Альбиной ухаживали, когда наблюдали, как он входил в кухню с помятым ото сна лицом и скромненько спрашивал:

— Девочки, а есть что перекусить?

И откровенно клевал носом над тарелкой, засыпая прямо за столом, когда доедал очередную вкусовость, которой баловала его Альбина.

Вот в одно из таких пробуждений мы взяли несчастного расслабившегося Башкирцева в оборот, отправили в душ, напоили основательно кофе и повезли к бабушке.

После общения с внучатым зятем Ангелина Григорьевна вынесла свой строгий вердикт:

— Мерзавец! — с чувством произнесла она, подышала взволнованно и добавила: — Но хорош, зараза! Правильного ты себе мужа выбрала, Кира. С твоим-то характером тебя в узде надо держать, а он мужчина, способный дать тебе укорот, хоть и мерзавец.

— Что он тебе такого сказал, бабуль? — стало мне необычайно интересно.

— А-а-а! — раздраженно махнула она ручкой, но снизошла до пояснений: — Я объяснила ему, что наша милиция работает из рук вон плохо, коррупция и разгильдяйство расцветают пышным цветом снизу доверху во всей структуре. И, разумеется, растолковала, что надо больше работать, искоренять вопиющие недостатки. А он мне ответил, что, если возьмется помимо ловли преступников что-то там еще искоренять, его жена узнавать перестанет, потому что дома он будет появляться раз в год, а то, глядишь, она и вовсе пристрелит его из его же табельного пистолета. И добавил со смешочком: давайте я просто тихонько всяких убийц ловить буду, а с вопиющими пусть другой кто разбирается. — И возмутилась очередной раз: — Я же говорю: мерзавец!

По дороге из Рощина в город Башкирцев в лицах передавал нам их разговор с бабушкой, и мы втроем хохотали так, что пришлось срочно останавливаться и съезжать на обочину, чтобы отсмеяться и не попасть в аварию. До наших друзей, знакомых и Альбининого кафе мы с Ильей в тот приезд так и не дошли — поздно вечером ему позвонили... и все по обычной программе — ночным самолетом он стремительно улетел в Москву. А то, что Илья работает в полиции, мы вообще не афишировали —

лишнее это и для его работы, и для нашей жизни в целом.

Нынче же Башкирцев и приехавшие с ним ребята были представлены как присланные Матвеем Петровичем для защиты внучки его знакомые из неопределенных силовых структур. Версия для всех, а уж как Илья там с Марчуком и его начальством договариваются и чем меряются, меня не касается.

Пока господин Башкирцев уплетал, постанывая от удовольствия, свой ужин, наши девушки расстарались насобирать нам с собой всего самого вкусного, и парней не забыли, им тоже перепало от щедрот, но и припрягли их перетаскать все упаковки, термоса и контейнеры с продукцией к Башкирцеву в машину.

А я вдруг поняла, что устала совсем как-то тяжело, слабость подкралась незаметно, но определенно расположилась во мне надолго и основательно.

И, конечно, Башкирцев тут же заметил эту перемену, не успела я и лицо соорудить улыбчивое, чтобы не выдать своего состояния, попрощался со всеми и, подхватив меня под локоток, вывел из кафе.

— Домой, домой, Кира Андреевна, и отдохнуть! — как тяжелобольной, говорил он мне, подсаживая на сиденье своего джипа.

Ехали мы молча, каждый в своих думах, и только когда оказались в квартире и в четыре руки расставили все припасы в холодильнике, я спросила:

— Расскажи, что узнал? У тебя есть версия?

— Пока рано говорить, — уклонился он от прямого ответа. — Завтра кое-что еще проверят местные опера, я посмотрю, что они нароят, и, может, появится уверенность в моей версии.

— Ты подозреваешь кого-то? — не могла остановиться я.

— Пока промолчу, — снова ушел от ответа Башкирцев и неожиданно спросил: — А ты?

— Ты знаешь, — задумалась я ненадолго и решила: — Я тоже пока промолчу.

— Давай-ка, Кира Андреевна, иди-ка ты спать, — без особого нажима скомандовал Илья. — А я еще посижу, посмотрю кое-какие материалы и подумаю.

Я заснула практически сразу, но спала как-то тревожно, просыпалась несколько раз, ворочалась и снова засыпала, а под утро мне приснился позабытый давно, и казалось уже навсегда, кошмар — прямо мне в сознание смотрели серые пустые глаза убийцы, его рука с пистолетом мучительно медленно двигалась в мою сторону, из ужасающей бездонной

дырочки ствола вылетала пуля и летела в меня...

— А-а-а-а!! — проорала я и села в постели, не успев до конца проснуться.

Сердце колотилось, как припадочное, тело покрылось липким холодным потом. Да что же это такое?!

Я не видела этот сон больше четырех лет, а конкретно, с той самой первой ночи, когда пришел и остался у меня насовсем Башкирцев.

Это странно, я часто думала, как так получилось, что с тех самых пор, как Илья вошел стремительно в мою жизнь, меня перестали мучить кошмары.

До сегодняшней ночи.

— Ну чего ты, Кира, разволновалась? — спросила я у себя перепуганным шепотом. — Нормально все, чего ты испугалась?

Да ничего я не испугалась! — поняла я, прислушавшись к своим внутренним ощущениям. Устала, видимо, очень от самой ситуации, в которую попала по чужому извращенному умыслу, от нелепости и неопределенности, да и два отравления подряд не прошли бесследно, дают о себе знать, вон вчера так умаялась, что еле жива была к ночи.

— Ерунда какая-то, — проворчала я недовольно, выбралась из кровати и переоделась в домашний костюм.

В квартире стояла не потревоженная ничем тишина, в раздраженном и, как следствие, недовольном состоянии души я прошагала в кухню, в которой «постояльца» не обнаружила. Зато там царил идеальный порядок, не позволявший выискать ни одного повода для придирки.

«Молодец, господин Башкирцев», — похвалила я про себя ерническим тоном, от которого мне даже немного полегчало.

И, получив небольшой заряд бодрости от собственного сарказма и потакания своей язвительности, отправилась умываться, принимать душ и наводить «красоту на внешность», как называет это Альбина — у меня сегодня несколько важных встреч, в том числе и в банке — между прочим, приятная: закрываю и погашаю полностью последний кредит! А это, сами понимаете, при наших реалиях, считай, праздник всей жизни.

Вернулась в кухню я вся такая напричепуренная, с высушенными и уложенными феном волосами, хотя что там особенно укладывать, когда у тебя длинные, — ах да, забыла упомянуть естественного цвета светло-русые волосы. О! Похвалилась-нарисовалась! А вот настроение такое особое, задиристое и ершистое от сна страшного: «Назло! И фигу вам!»

Так, на чем я остановилась? Ах да, на своих волосах — хорошие, густые, натуральные светло-русые. Так вот, какая прическа при такой

длине? Высушила, немного подчесала-приподняла в нужных местах и уложила в плотную спираль на затылке. Удобно, и мне идет. Немного той самой «красоты на внешности» — и уже другой человек, и настроение улучшилось!

Захожу в кухню, а там господин Башкирцев стоит у плиты и варит настоящий кофе, он, кстати, классно это делает, отчего-то у него всегда получается исключительный кофе, а секреты такого мастерства, гад, не открывает — повернулся, услышав, как я вошла... и застыл с таким выражением лица!..

А хорошо, когда мужчина на тебя смотрит таким вот взглядом! Бодрит, знаете ли, как-то, оживляет и тонус придает! Хорошо!

Кофейная шапка набухла, перевалилась через край большой турки и зашипела, растекаясь по горячей плите.

— Кофе, — нежной ромашкой напомнила я обалдевшему мужчине.

— А? — встрепенулся он. — Что? — и спохватился, запоздало приподняв турку с огня.

Отставил ее на столешницу, снова повернулся и восхищенно произнес:

— Ты такая... — поддержал он себя неопределенным жестом руки. — Прекрасная сегодня. Я и забыл, какая ты красавица. — И выдохнул неожиданно: — Ух!

— У меня несколько важных встреч, — пояснила я, подойдя к нему и забирая турку.

Но Башкирцев уже пришел в себя, хоть и смотрел на меня с нескрываемым восхищением, но тут же включил свою обычную иронию.

— Понятно, — констатировал он и нарочито вздохнул: — И-и-и сердце дее-е-ев-и-и-ичье за-а-бьео-о-отся с восторгом чувств не для меня... — затянул он строку из старинной казачьей песни.

Голос у Ильи был великолепный, поставленный от природы, как и уникальный слух. Так что, если бы в сыщики не пошел, стал бы известным певцом, вот сто пудов!

— Вот именно, — подтвердила я его догадки.

Кофе он сварил новую порцию. Я тем временем разогрела пироги, и мы, накрыв на стол в четыре руки, сели завтракать.

Пока завтракали, по обоюдному молчаливому согласию, никаких серьезных тем не касались, говорили о пустяках: об установившейся прекрасной погоде. Обсуждали мой деловой маршрут движения по городу — куда и в какой очередности я хотела бы попасть. Он сообщил, что парни сегодня занимаются другими делами, а сопровождать меня целый день будет он в качестве личного водителя и тела моего хранителя.

— Поедем на моем автотранспортном средстве, — сказал Башкирцев, когда мы вышли из подъезда.

Я пожала плечами — да мне безразлично, на его или на моем, раз мне самой за руль не садиться.

Сначала мне надо было в офис в кафе, взять деньги из сейфа и отвезти в банк, вот мы и поехали по первому пункту нашего сегодняшнего маршрута.

Илья спросил, как Альбина начинала свой бизнес. Я взялась рассказывать и неожиданно увлеклась, вспоминая тетушкино становление в качестве бизнес-леди. А он слушал с неподдельным интересом и задавал уточняющие вопросы.

Мы отъехали от светофора на зеленый свет и приближались к Т-образному перекрестку, на котором основная дорога поворачивала налево, а направо, собственно, уходила даже не дорога, а ответвление, которое вело к группе жилых домов и приблизительно метров через пятьсот заканчивалось тупиком.

Я что-то продолжала говорить, как вдруг Башкирцев рывкнул во все горло:

— Вниз!!!

Одновременно он жестко ухватил меня за затылок и со всей силы пригнул мою голову к коленям и, продлив нажатие руки, буквально засунул меня под торпеду и заорал что-то трехэтажным матом.

И тут такое началось!!!

Башкирцев, громко матерясь, выкручивал руль, машину заносило, трясло, вдруг лопнуло лобовое стекло, и мелкое крошево осколков засыпало мою спину.

— Б...!!! — орал Илья. — Твою мать!!!

Машину тряхнуло на каком-то препятствии, которое она все же взяла, не перевернувшись, и понесло дальше.

— А вот не испугаете вы джигита!! — орал Башкирцев, продолжая бешено крутить руль. — Твою...!! — и далее по матерному ругательному.

И тут мы остановились.

Мне было ужасно неудобно — ремень безопасности пребольно впился мне в шею и ключицу, сдавил грудь и живот, во время этого безумного автородео я сместилась попой к двери и сидела, сложившись пополам на сиденье. Пару раз очень сильно приложилась затылком о торпеду, но удар смягчили волосы.

Я была вся засыпана крошевом стекла, толком не соображала, что происходит, но четко понимала одно — если Башкирцев затолкал меня

вниз, а вокруг творится нечто непонятное, то надо сидеть так, как меня «пристроили», пока мужчина занят делом и не дал приказ «отбой». При этом желательно не произносить лишних звуков и не пытаться с переляку, как говорят на Украине, давать «грамотные» советы под руку.

Короче говоря, сидеть тихо и не рыпаться, пока не поступит следующая вводная от командира. В данных обстоятельствах я целиком и полностью отдавала ему все полномочия!

А лично я в это время исполняла с особым тщанием главное указание — смело пряталась!

Надо мной что-то грохотало, продолжал громко и со вкусом материться Башкирцев. И вдруг неожиданно все стихло, и я услышала рядом резкий щелчок отстегиваемого ремня безопасности и обеспокоенный, но деловой рык Башкирцева:

— Кира?!!

— Нормально!! — отозвалась я, поняв, о чем он. — Я в порядке!!

— Сиди пока!! — приказал отрывисто Илья.

Он выскочил из машины и куда-то побежал.

Я посопела еще с полминуты, понимая, что у меня уже все болит, чешется и сидеть я так больше категорически не могу. Я прислушалась, пытаюсь разобраться, что происходит — вроде тишина.

— Куда его понесло? — проворчала я.

И неожиданно сообразила, куда! И тут же подскочила, сильно стукнувшись очередной раз затылком, выругалась, прижала ушибленное место рукой — но все это на автомате — и посмотрела через пустой проем лобового окна. Башкирцев, бежавший куда-то с пистолетом, резко остановился, выстрелил два раза и снова побежал.

Меня внезапно шибанул такой дикий страх за него, что я аж задохнулась! Захотелось немедленно заорать во все горло и потребовать, чтобы он прекратил так рисковать...

Но сдержалась.

Потому что где-то на подсознательном уровне, на уровне генов, всей моей женской сути и той самой темной, изначальной и неизвестной нам памяти, четко поняла, что этот мужчина никогда не остановится, преследуя врага. Его основная функция, жизненный стержень — это как раз не карать, как мне казалась раньше, а защищать.

Защищать! Меня в первую очередь. Семью, а потом и всех остальных.

Я ощутила это знание с такой мощной силой прозрения, что все укоренившиеся во мне прежние мысли о призвании Ильи, о нем самом и его работе обрели неожиданно иные краски и оттенки.

— Да ну, ей-богу! — высказалась я, не сильно радуясь таким откровениям.

Мне с прежними взглядами было вполне комфортно! Зачем героизировать Илью? Нет уж — фиговый муж, значит, фиговый муж, и все!

С этими мыслями отстегнула наконец удушливый ремень безопасности, открыла дверцу, из которой «пролились» мелкими водопадами осколки стекла, и выбралась наружу.

Машина стояла враскорячку чуть боком на газоне, отделявшем проезжую часть от тротуара, взгромоздившись на него передними колесами. Я застыла в растерянности, глядя на это чудо «парковки».

Из ступора меня вывели громкий вой сирены у самого уха и резкий звук тормозов.

— Девушка, вы как?! — проорал кто-то.

Я повернулась и увидела двух дэпээсников, бегущих ко мне от патрульной полицейской машины, остановившейся прямо за бампером нашего джипа, а за их машиной уже тормозила и вторая машина ДПС.

— Я нормально! — крикнула я и махнула им рукой туда, где скрылся Башкирцев. — Он побежал за преступником! — не уточняя, кто он и за каким преступником, справедливо рассудив, что раз Илья в кого-то стрелял, то, наверное, не в нянечку детского сада. Дэпээсники поняли все без лишних объяснений.

А я вдруг спохватилась и прокричала как можно громче:

— Только вы там его самого не подстрелите!! Он с пистолетом и ксивой!! Следователь из Москвы!!

Полицейский, сидевший за рулем второй машины, кивнул, мол, понял, уже разворачивая автомобиль, а я увидела этот его кивок через стекло. И в этот момент почувствовала внезапный приступ слабости, села на порожек джипа у открытой двери, облокотилась двумя руками на ноги и уперлась головой в ладони.

— Вам плохо? — спросил подошедший полицейский.

Головы я не поднимала и видела только его ноги.

— Не знаю, — честно призналась я. — Слабость сильная накатила.

— Это нормально, — успокоил он. — Это от испуга. Сейчас «Скорая» подъедет, вас посмотрят. — И спросил: — А ваш водитель, он как?

— Не знаю, — повторила я. — Но бежал, как здоровый.

— Он что, действительно следователь из Москвы?

— Действительно, кажется, с какой-то проверкой.

— Пипец... — дал свои комментарии гаишник.

— Вот и я так думаю, — согласилась я с оценкой ситуации.

Ноги полицейского пропали из моего ограниченного поля видимости и снова появились через какое-то время, а перед глазами возникла еще и бутылка минеральной воды.

— Вот, попейте, — сердечно предложил мужчина.

Воду я взяла и поблагодарила, отвинтила крышку и попила. Ему что-то просипели в рацию, я не разобрала, но он объяснил сам:

— Все! — сказал он мне с довольным видом. — Поймали. — И похвалил: — Лихой этот ваш следователь из Москвы.

— А то, — без энтузиазма поддержала я.

Полицейский отошел от меня к своему напарнику. Я попила еще воды и увидела возвращающуюся гаишную машину. Она остановилась рядом с первой патрульной, одновременно открылись задняя и передняя дверцы с правой стороны, и из них вышли дэпээсник и с заднего сиденья Илья.

Он что-то произнес на ходу и стремительным шагом подошел ко мне, поднял с подножки, на которой я сидела, и принялся ощупывать сильными жесткими пальцами мои руки-ноги, сдвинув брови и требовательно расспрашивая:

— Ты в порядке? Руки-ноги? Тебя не задело?

— Да я в порядке, в порядке, — оттолкнула я его руки и в свою очередь принялась так же судорожно ощупывать его. — А ты? Ты? — перепугалась я. — Ты в порядке? В тебя не попали?

— Кирюха! — вдруг улыбнулся Илья. — Да кто ж в меня попадет, я же верткий!

И вдруг резко притянул к меня к себе и обнял сильно, положил ладонь мне на затылок и прижал мою голову к своему плечу. Поцеловал в макушку и тихо сказал только для меня:

— Все нормально, Кирюш, все нормально.

А потом так же резко отстранил от себя и спросил:

— Испугалась?

— Нет, — недовольным, ворчливым голосом ответила я.

— Как это нет? Почему? — подивился Башкирцев.

— Не успела, — призналась я. — Вообще не поняла, что случилось. А, кстати, что случилось?

— Нас обстреляли! — усмехаясь, разъяснил он.

— Да ладно! — не поверила я. — Кто? Зачем?

— Хо-ро-ший вопрос, — по частям и с нажимом на втором слогe заметил Башкирцев. — Хотелось бы послушать, что на него ответит товарищ капитан Марчук.

— А ты что... — дошло только сейчас до меня в полном, так сказать,

объеме, — ...погнался за тем, кто в нас стрелял?

— Ну да? — не понял Илья Георгиевич моего горячего удивления.

— Так он же киллер, наверное, какой-нибудь, а ты за ним бегаешь! — возмутилась я. — А если б он тебя...

— Да, ладно, — несерьезно хмыкнул он, — я тоже не учитель танцев. — И пожал пренебрежительно плечами. — Издержки профессии: бегаем, стреляем иногда.

— Идиотизм! — сдалась я и поймала следующую, тут же растревожившую меня мысль: — Так ты его догнал?

— Ну не совсем чтобы догнал, но, скажем так, задержать преступника удалось, — напустил туману Илья.

— Ты его что, убил, что ли? — оторопела я.

— Да что с ним сделается! Ну подстрелил маненько, так вон он сидит в машине, более-менее целый, — он кивнул головой в сторону полицейской машины. — Устал в атаке, теперь отдыхает в наручниках. А то бегай за ним, а у меня возраст со статусом уже не те, чтобы стайером выступать.

— Но он же тебя мог... — грозным тоном начала я фразу.

— Ой, Кира Андревна, — дурашливо усмехнулся Илья, — не надо делать мне лицо. — И пояснил: — Кто-то из нас двоих должен был подстрелить кого-то: не он меня, так я его. Мне второй вариант нравится больше.

Со столь весомым аргументом не поспорить, но меня начинало потряхивать от запоздалой реакции на стресс, злилась я все сильнее, и на ком-то же надо было лечить свои нервы — не удержалась:

— Что ты несешь, Башкирцев! — возмутилась я.

— Пытаюсь тебя успокаивать, — удивленно посмотрел он на меня.

— Если ты так успокаиваешь, то предпочту остаться угрюмой и растревоженной!

А он рассмеялся и поцеловал меня в лоб.

Я-то имела еще много чего ему сказать, но именно в этот момент надо же было подъехать старшему оперуполномоченному Марчуку, и что ему глупенькому в кабинете не сиделось — получал бы сводки с «фронтов» по телефону и прихлебывал бы чаек. Так нет, принесло его на собственную голову, видимо, еще до конца не прочухал, что такое Илья Георгиевич и чего от него можно ожидать.

Ну так щас объясним!

Башкирцев, увидев вышедшего из машины Марчука, изменился в лице, и вся дурашливость в момент испарилась с его лица, он подобрался, словно ошестинился, волчьи глаза чуть сузились и сверкнули. Я даже как-то

не позавидовала товарищу капитану, положила успокаивающим жестом ладонь Башкирцеву на руку и тихо попросила:

— Илья.

Ну чтобы он не очень расходилась, да и нервы собственные поберег. Конечно, он понял, но, видимо, как раз таки свои нервы он и собирался побережь, основательно прооравшись на тех, кто попал под раздачу и косвенно был виноват в том, что с нами сейчас приключилось.

— Нормально все, — ответил он спокойно, посмотрев на меня.

Что значило: я тебя услышал, понял твою заботу, благодарен, но поступать буду, как считаю нужным.

Пару секунд мы смотрели друг другу в глаза, понимая и чувствуя, как бывало раньше в нашей совместной жизни, с полуслова, с одного взгляда.

И он совсем мимолетно, еле заметно улыбнулся мне правым уголком губ и... пошел навстречу Марчуку.

«Ну извини, капитан — усмехнулась я мысленно. — Сделала, что могла, сам подставился!»

А настроение у меня внезапно само собой улучшилось! И я не без удовольствия заняла более удобную позицию для наблюдения, сложила руки на капоте джипа и приготовилась лицезреть сцену «избиения младенцев».

Надо отдать должное — вступление перед первым актом разбора полетов было впечатляющим — Илья Георгиевич с таким выражением лица подходил к группе коллег, что способен был одним своим видом воодушевить на крутые подвиги.

Отрывался Илья Георгиевич с огоньком и от души!

— Какого хрена ты уткнулся в одну версию?! — гремел он на всю улицу своим прекрасно поставленным голосом. — Тебе сказано было: разрабатывай и других фигурантов! Нет, уперся, придурок: на ней все сходится! Обиделся на барышню, допечь ее захотелось! Сопляк!! Допек, что стрельбу в центре города развели, как в девяностых, гангстеры хреновы!! Скучно жить стало в городишке?! «Тихо вокруг»?!

Марчук что-то пробурчал крайне недовольно. Понятно, с гремевшим во всю ширь Башкирцевым ему не тягаться, но лучше бы он промолчал, ей-богу, как-то он неосмотрительно...

— Полномочия?! — взревел еще пуще Илья Георгиевич. — Да я тебе, сопляку, мандатиками трясти не стал, пожалел, не хотел мешать работать!! Я тебе такие властные полномочия предъявлю, что ты с начальством своим на пару по лимону добровольно в задницу засунете, чтобы кислее было!

Эта пламенная речь перемежалась легким, можно сказать, бытовым

матерком.

А хорошо, да? — порадовалась я.

Но вскоре грохотания Башкирцева пошли на убыль, диалог принял более спокойные и продуктивные формы, и о чем они там беседовали, мне уже слышно не было, к тому же в это время врачи приехавшей «Скорой помощи» закончили возиться с задержанным, пересадили его к себе в машину под конвоем двух полицейских, доктор подошел ко мне, и я вынуждена была отвлечься от наблюдений.

Да и не слышно стало совсем их беседы — подъехало еще несколько машин, как я поняла, с каким-то полицейским начальством и машина местных телевизионщиков, полезших было поснимать-поспрашивать.

Тем временем доктор проверил мои реакции, предложил успокоительный укольчик, но я отказалась — чего мне успокаиваться, я особо и не нервничала, только за Илью испугалась сильно. А так...

Нет, это не потому, что я такая бесчувственная, настолько спокойно реагирую на мертвецов у себя в квартире и на стрельбу вокруг — нет, все гораздо проще: чего-то подобного я и ожидала.

Да потому что, как любой нормальный и здравомыслящий человек, я понимала: не бывает так, чтобы пропали куда-то сотни миллионов, а все вокруг оставалось тихо-мирно и сплошная лепота: травка зелененькая и бабочки порхают. Не бывает. Убивают за копейки, а уж за сотни миллионов убивают с особым изощренным рвением. Только уверена была, что меня лично эти разборки и поиски денег не коснутся никак — да и с чего бы? Я-то тут при чем?

Мертвецы меня, конечно, напугали, как любого адекватного человека, уж поверьте, такое зрелище оптимизма жизненного никак не прибавляет: и подташнивало меня конкретно, и вообще это жуть какая-то смотреть на них, напугали, а как же, но... не очень. Да к тому же, честно говоря, оба они были мне настолько чужие люди, что я не переживала об их кончине.

Неприятно, конечно, весьма, но... ну вы поняли.

А вот то, что в нас стреляли, это касается уже конкретно моей жизни и безопасности... но тоже: чего особо пугаться-то? По большому счету, всю перестрелку я просидела, согнувшись в три погибели под торпедой, ничего не видела и испугаться толком не успела, отдувался один Башкирцев. И все же обошлось, так что чего переживать как-то особенно, лишний раз себе нервы трепать? Мы с Ильей не пострадали, а киллеру так и надо.

Ну вот честно.

Но! Той суке, которая меня травила, клизму я никогда не прощу!

И сделаю все, чтобы того гада, что подсыпал мне всякую гадость,

нашли и наказали по максимуму!

За своими переживаниями и беседой с доктором я и не заметила, что мужчины подошли и стоят полукругом вокруг нас с врачом.

— Стресс, конечно, — рапортовал врач почему-то Башкирцеву, а не мужику в полицейской форме с погонами полковника, стоявшему рядом. — Гематомы скоро проявятся довольно обширные, есть порезы небольшие, царапины, ну и стресс, разумеется, но в общем, все в порядке.

— Спасибо, — пожал ему руку Илья.

— И снова вы в центре самых громких криминальных событий в городе, Кира Андреевна, — недовольно заявил капитан Марчук с мрачным и немного пунцовым, но уже «остывающим» лицом, после «беседы» с Башкирцевым и, видимо, «добавкой» от уже непосредственного начальства, но ведь-таки не удержался от сарказма: — Не бережете вы себя.

— Я такой популярности не искала, Сергей Дмитриевич, — холодно ответила я и на всякий случай пре-дупредила: — А жить я собираюсь долго. Из принципа.

— Я думаю, Киру Андреевну мы можем отправить домой, — остановил наши пререкания Башкирцев.

И меня отправили. На милицейской, то есть полицейской, машине. А у подъезда меня уж поджидали два молодца, разные с лица — Витя и Валя. Вот с ними мне и пришлось коротать весь день — никуда и ни по каким делам мне грозный Башкирцев не разрешил сегодня ездить, да я и не рвалась, а он прикрикнул начальственно на парней:

— Замок ей в двери наконец поменяйте!

А я отправилась в душ.

М-м-да! Порассматривала я себя в зеркале — синяки уже есть во всей красе — наливающийся фиолетом на шее и ключице и второй через живот, но в основном на правой части таза.

Всю мою прическу и наведенную на внешность красоту пришлось смывать вместе с мелкой стеклянной пылью и сушить волосы заново.

Ну, что — приведя себя в порядок и облачившись в любимый домашний летний костюмчик, сказала себе: «А что? Раз нельзя по делам ездить, то ими можно заниматься дома, тем более у меня этих дел накопилось множество». Я удалилась в кабинет, сделала важные звонки, отдала распоряжения подчиненным и на целый день засела за комп. А парни «принимали» слесаря, валялись в гостиной у большой плазмы и смотрели фильмы, скачанные из инета. И, разумеется, уплетали все наши запасы.

Башкирцев приехал поздно вечером уставший, но не замученный до

предела — просто уставший. Как только вошел в квартиру, сразу отпустил ребят в гостиницу, а сам отправился в душ, попросив меня соорудить что-нибудь поесть.

Ладно, вредничать и ворчать по поводу того, что он что-то раскомандовался у меня в доме и явно обжился, не буду, все-таки он меня сегодня спас в самом что ни на есть прямом смысле этого слова.

Ужин я ему разогрела и даже стол сервировала почти торжественно.

Сначала Илья просто ел, а я смотрела, как он ест, но не выдержала, поднялась под каким-то надуманным предлогом и нашла себе отвлекающее занятие — чай принялась заваривать в большом керамическом чайнике.

Но долго не продержалась:

— Он сказал, кто его нанял? — спросила о том, что тревожило меня весь день, мешая сосредоточиться на делах.

— Разумеется, нет, — откидываясь на спинку стула, с довольным видом сытого мужчины ответил Башкирцев и усмехнулся. — И как ты вытерпела с вопросами?

— Ты устал, это было видно, как и то, что ты голоден, — пожалала я плечами.

— Спасибо. Необычайно вкусно было, — поблагодарил он и с надеждой спросил: — А те десертики к чаю остались?

— Мне удалось спасти для тебя несколько штук, — успокоила я его и потребовала: — Немедленно рассказывай!

— Да что особо-то рассказывать, — почесал он голову. — Парня наняли по Интернету, как теперь это делается в большинстве случаев, кто заказчик, он не знает, но объектом была ты, — и, оттолкнувшись от спинки стула, наклонился к столу и быстро доел то, что у него оставалось в тарелке, и только тогда продолжил свои разъяснения.

А я, блин, терпеливо ждала! Пятерка мне за силу воли.

— Это нападение совершенно нелогично, не вписывается ни в одну из версий и рушит всю картину! — чуть скривился он от досады. — Если трупы в твоей квартире еще можно было объяснить, то это... Получается, что наш злодей передумал тебя подставлять и осерчал до такой степени, что решил убить.

— А как вообще произошло это нападение? — выпрашивала я с большим любопытством. — Я ничего же не видела. И что это за киллер такой, что ни в кого не попал?

— Да просто повезло нам необычайно! — взялся объяснять Илья. — Сначала он хотел «принять» тебя на выходе из дома, но оказалось, что удобной позиции для этого нет вообще: дом старый и деревья вокруг

перекрывают обзор на подъезд практически с любой точки, да к тому же не так много этих точек, где можно было бы оборудовать «лежку». Ждать в машине можно было бы, но опять-таки все просматривается. Все друг друга знают и чужую машину, в которой кто-то сидит, заприметили бы сразу. К нам с ребятами за эти дни несколько раз подходили с вопросами, кто мы и надолго ли тут машины свои ставить собираемся.

— То есть двор он обследовал? — переспросила я.

— Еще как, — кивнул Илья. — И других вариантов, кроме как поджидать нас в точке наибольшей вероятности появления, не нашел. И взрывное устройство не поставишь: неизвестно, на какой из трех машин, нашей с парнями или своей, ты поедешь. А один взрыв и все — тебя начнут так охранять, что он уже точно не подберется. Он, конечно, мог не сильно заморачиваться и просто поехать за тобой по городу пару денечков, выбирая удобный момент, чтобы выстрелить. Но, во-первых, с тобой теперь постоянно кто-то находился, и он понимал, что наверняка люди из органов. Значит, слежку скорее всего заметят, а во-вторых, и в главных: это был срочный заказ. Тебя требовалось убрать как можно быстрее, за что ему и платили по двойному тарифу.

— Это же, господи спаси, что такое! — возмутилась я. — И кому я так не пришлась-то, а? Чьи дела или гордость намозолила?

— Узнаем, — уверенно пообещал Башкирцев и пояснил для большего моего успокоения: — Не так уж много претендентов на роль твоего злодея.

— Слушай! — вдруг осенило меня. — А если это два совершенно разных дела: трупы и сегодняшнее нападение?

— Мы это с коллегами обсуждали, — кивнул он, попросил: — Кирюш, налей чайку, пожалуйста. — И продолжил, когда я поднялась из-за стола: — Вполне рабочая версия, кстати. Может, это и разные дела, но, сдастся мне, что все же это дела одного человека, — и у него в глазах сверкнул азарт. — И эта стрельба должна означать, что произошло нечто важное между последним убийством и вчерашним днем, после чего ты стала опасна. Что это могло быть? Какой-то разговор, ты что-то сделала, сказала? Или у него самого изменились обстоятельства, и он решил не рисковать, оставляя тебя в живых. Кирюха, что ты можешь знать такого? Подумай.

— Ты серьезно меня спрашиваешь? — искренне подивившись, приподняв саркастически брови, спросила я. — Мне в какой-нибудь тысяча трехсотый раз ответить тебе и твоим местным коллегам на вопросы о том, что я могла видеть-слышать и с кем разговаривать? Ты хотя бы представляешь, сколько раз мне пришлось отвечать на безумные какие-то

вопросы скептиков из прокуратуры, оперативников и представителей криминальных структур, когда пропал Аркаша с деньгами?

— И все же, — думая о чем-то своем, протянул он, — ты же вызвала чем-то этот нездоровый интерес к себе. Ты должна вспомнить, с кем за последние дни разговаривала, встречалась и о чем именно говорила, что-то необычное.

— Господи, Илья, ну что может быть необычного! — воскликнула я с досадой. — С кем я встречалась, ты же сам видел: с поставщиками, с клиентами и партнерами, с банковскими служащими, с подчиненными. С друзьями, и наверняка их всех уже проверили местные опера. Ты лучше дальше расскажи про нападение, — переключила я его в более продуктивное русло.

— Проверили, ты права, — задумчиво ответил он и все же переключился на мой вопрос. — Ну а что про нападение?

Илья налил в кружку чаю из большого чайника, что я поставила в центр стола, подцепил тарелку с десертами и подтянул к себе. Я иронично хмыкнула и бровкой повела, а Башкирцев сделал вид, что не заметил моего сарказма.

— Про нападение можно констатировать: оно было.

— Я просила подробности.

— Подробности, — повторил он за мной, полюбовался десертом в своей руке, откусил порядочный кусок с особым эстетическим удовольствием и, прикрыв глаза, прожевал и проглотил.

— Щас чем-нибудь тебя поколочу! — пообещала я.

Глаза он открыл, сделал пару глотков из чашки и попросил с серьезным видом:

— Не надо. Так вот, киллер наш занял самую правильную позицию. Перекресток тот не регулируемый, наемник поставил машину так, что мы двигались прямо на него, да еще и притормаживали перед поворотом, сбрасывая скорость. Мне как-то сразу эта машина не понравилась — стоит неправильно, вроде ничего не нарушая, но нормальный хозяин свою тачку не поставит в таком месте, где есть вероятность, что ее заденут заворачивающие машины, враскорячку: ни два, ни полтора. И с чего бы ей вообще так стоять, когда вдоль дороги нет ни одного припаркованного автомобиля, паркуйся, где хочешь. Ну еще насторожило приоткрытое окно водительское. А потом я уловил блик от оптики, всего на пару секунд, когда он наводился на цель. Размышлять дальше уже было некогда, пришлось маневрировать, чтобы уйти с траектории. Да еще потом бегай за ним, как олень молодой.

— Ты испугался? — любопытствовала я.

— Я? — подивился он вопросу, но признался с преувеличенным чистосердечием: — Нет. — И тут же усмехнулся, испортив весь пафос. — Но кое-где у меня основательно сжалось.

У меня медленно полезли бровки вверх в вопросительном порицании.

— В сердце, с сердце, а ты что подумала? — рассмеялся Башкирцев.

— А почему он побежал?

— Одна моя пуля попала в движок, когда я по нему палил, это уж потом эксперты выяснили. — Илья сделал несколько глотков чая, посмотрел на меня ставшим вдруг серьезным взглядом и внезапно ошаршил: — Почему ты так ушла от меня? Не поговорив, не дав мне возможности ответить? Устроив этот тайный развод? Почему?

Ну ничего себе переходик! Как из-за угла палкой по голове! От неожиданности я настолько оторопела, что не сразу сообразила, что надо отвечать, да и надо ли. Отвела от него глаза, попила чаю, давая себе время успокоиться, и от растерянности скорее всего, ответила, снова посмотрев на Илью:

— Я много раз пыталась с тобой поговорить, начинала разговор и даже настаивала. Но ты постоянно избегал его, может, и ненамеренно: то засыпал посреди беседы, то вдруг тебя осеняла какая-то мысль по делу, которым ты занимался, и ты уносился за свой стол, то просил: давай потом это обсудим — и так постоянно, пока обсуждать уже стало нечего.

Мы помолчали, глядя друг на друга, и он произнес голосом, полным печали:

Виделись не виделись,
ни за что обиделись,
помирились, встретились,
шуму натворили.
Год прошел — как не было,
Не поговорили...^[1]

— Да... — опустив глаза, тихо сказала я.

— Почему ты ушла, Кира? — спросил настойчиво Илья.

— Потому что находилась на шестнадцатом месте после твоей службы. Ты и твоя работа была, а меня как бы и не было. С моим появлением почти ничего и не изменилось. Как ты жил и был только для

своей работы, так оставалось. Я честно понимала, за кого выхожу замуж, и отдавала себе отчет в том, какая у тебя работа, к тому же ты сам мне красочно расписал нерадостную перспективу быть твоей женой. Но ты, Илья, умудрился превзойти любые, даже самые мрачные предположения — тебя просто не было в нашей жизни вовсе. Я пыталась достучаться до тебя, может, надеялась выторговать хоть сколько-то времени этой твоей жизни и для себя, но... — я замолчала и усмехнулась невесело, — «не поговорили».

Помолчали, глядя друг на друга.

— Да, каждый сам звездец своему счастью, — тихо сказал он.

— Немного грустно, — кивнула я и усмехнулась. — Чехов написал как-то в своем дневнике: «Он и она полюбили друг друга, поженились и были несчастливы».

— Я счастлив был, — возразил Чехову и мне Илья.

А я промолчала.

Он вдруг поднялся со стула, шагнул ко мне, ухватил двумя руками за предплечья, поднял и заглянул мне в глаза — а я так сглупила, так сглупила! — не удержалась, посмотрела в ответ и увидела там плавающее золото волчьих глаз...

— Не смотри на меня так... — просипела я севшим в момент голосом.

А он только усмехнулся сводящей меня с ума улыбкой и все смотрел этими своими удивительными светящимися от желания желтыми волчьими глазами. Меня затрясло, и закипела кровь от подскочившей в момент температуры, и плавилась кожа от этой кипящей крови...

Так было всегда!

Так у нас всегда было — стоило ему посмотреть на меня своим особым взглядом, дотронуться с лаской или поцеловать — и мы пропадали друг в друге безвозвратно, загораясь сразу же.

— Вот так, — удовлетворенно произнес Башкирцев, увидев все, что хотел увидеть в моем взгляде, читая то же, что испытывал сам в этот момент, в моих глазах и повторил: — Вот так.

Нагнулся, придвинулся ближе и поцеловал.

И все пропало вокруг, как рухнуло в небытие или растворилось!

У меня зашумело в ушах, словно кто-то бил в огромные набатные барабаны, оповещающая всех окрест о надвигающейся беде.

Я была сухой степной травой, а он стремительным, неудержимым, все поглощающим на своем пути, убийственным огнем, и эта неотвратимость нашего соединения, после которого может остаться только пепел пожарища, и его губительная неодолимая и заволаживающая притягательность бросили нас друг к другу!

Мы истосковались друг по другу, истосковались наши души и наши тела до боли, до черной дыры!

Мы не могли напиться этого поцелуя и стонали обиженно, что всего мало, и растворялись друг в друге, мы попали внутрь воронки нашей неудержимости и неслись вдвоем в ее разрушительной круговерти — куда-то летела одежда, что-то гремело и падало вокруг, и непонятно каким образом мы оказались на диване... И когда он ворвался в меня, я впервые за все время без него почувствовала себя целой и наконец-то полной!

И по-настоящему единой!

И это оказалось так непереносимо прекрасно, так яростно и мощно, что я неслась за ним и не чувствовала, как слезы текут из глаз и высыхают прямо на висках от того невероятного градуса накала, в котором мы оба находились.

Он был со мной, во мне, вокруг меня, он был моей кровью и прорастал в мою кожу, и входил в меня, утверждая своей, и я стремилась навстречу, вбирая в себя и объявляя только своим — и это было так прекрасно, как только может быть прекрасно между мужчиной и женщиной.

А потом мы вознеслись и там где-то пропали окончательно... Вдвоем.

Я очнулась, словно пришла в сознание после того, как утонула, и, приподняв голову, шумно вдохнула и посмотрела вокруг ошалевшим взглядом.

— Тихо, тихо, — успокоил меня нежным голосом Илья и погладил по голове. — Ты чего?

И поцеловал тихонько в распухшие губы.

— Кажется, ты где-то была, — прошептал он, заговорщицки улыбнулся и снова нежно поцеловал меня в губы. — С возвращением.

И тут меня окатило, словно ошпарило изнутри, осознание того, что произошло и чем мы сейчас с ним занимались, и, оттолкнув мужчину от себя, я суетно и неуклюже подскочила с дивана, подхватила первую попавшуюся под руку вещь и прикрыла ею что могла. А смогла прикрыть я самое основное женское, но защитной вещью оказалась его белая футболка.

— Ты чего? — удивился необычайно Башкирцев, перекатился на бок и подпер голову рукой, наблюдая за моими прыжками и ужимками.

— Так, Илья, — строгим голосом оповестила я его. — Это ничего не меняет.

— Конечно, не меняет, — согласился он с некоторым удивлением. — Да и не могло ничего измениться. Мы только что убедились, что у нас все так же, как и было всегда: потрясающе. И мы с такой же силой, как и

всегда, хотим друг друга. А то, пожалуй, и сильнее.

— Я говорю совершенно о другом! — возмутилась я и даже притопнула от возмущения. — Это ничего не меняет в нашей жизни! Ты меня понял?

— Я тебя понял, — примирительно согласился он, усмехнулся и спросил: — И что дальше?

— Ничего! — отчеканила я строгим голосом. — В том-то и дело, что ничего!

И развернувшись, чтобы гордо уйти, но замерла обескураженная, обнаружив нанесенные ураганом разрушения — в беспамятстве страсти мы, по всей видимости, задели скатерть, и все, что стояло на столе, вместе со скатертью оказалось на полу.

— Это ж... — задыхнулась я от досады. — Господи, спаси, что такое!

— Отделались малыми разрушениями, — усмехнулся с дивана Башкирцев.

И поднялся одним резким красивым движением.

А я принялась торопливо разыскивать свои вещи, натягивать их на себя и чуть не плакала от досады на то, что не удалось гордо и красиво удалиться после сделанного заявления и придется теперь ликвидировать разрушительные последствия нашей страсти.

Ну, боже ж ты мой!

В раздражении застегнув решительным жестом молнию на курточке, я подтянула рукава, вздохнула тягостно и потребовала у Башкирцева, успевшего каким-то образом одеться раньше меня:

— Даже не пытайся ничего говорить!

— Да ни! Боже упаси! — подняв руки жестом «сдаюсь!», поклялся он.

Мы вдвоем достаточно быстро все убрали. Да и не так уж много и разбилось на самом-то деле, и вот теперь-то мне удалось с гордо поднятой головой свободолюбивой женщины прошествовать в душ, после которого я заглянула в кухню, где все еще горел свет, и застала Илью. Он потягивал чай из кружки и что-то смотрел по телевизору.

— Душ свободен. Я пошла спать, — оповестила я его официальным тоном и вежливо пожелала: — Спокойной ночи.

— И тебе того же, дорогая, — отозвался он.

— Не называй меня «дорогая»! — напомнила я и вышла из кухни.

Ничего удивительного в том, что я не могла заснуть.

Нет, я не ругала себя за слабость и за то, что не устояла и поддалась желанию — глупо ругать себя за мгновения счастья и такого невероятного восторга, которое я испытываю с Ильей. Да и как можно устоять — когда

между нами возникает неодолимое притяжение и мы оба получаем удивительное удовлетворение и радость соединения.

Он прав — ничего не изменилось! Более того, вдруг обрело еще большую глубину. Господи. Боже! И что же делать?

Надо постараться следить за собой и за тем, чтобы не допускать впредь таких вот возгораний! Жестко контролировать себя, держаться от Башкирцева на расстоянии и никаких больше поцелуйчиков и глаз этих горящих волчьих!

На расстоянии. Вот что делать!

Я услышала, как скрипнула входная дверь, и увидела Илью, подходящего к постели.

Собралась возмутиться и...

— Кириш, — опередил он все мои праведные возмущения. — Давай ты утром выскажешь свое негодование и снова гордо будешь демонстрировать независимость. — И улегся в кровать, притянул меня к себе и закончил свою мысль: — А сейчас я просто хочу тебя обнять.

И обнял. Всю сразу, прижал к своему боку, чмокнул в макушку, погладил, поелозил, устраиваясь поудобней...

А я не стала спорить. Вот не стала — глупая, слабая женщина!

Я всегда считала, что постель не то место, где надо выяснять с мужчиной отношения и разводить всякие обиды, если, конечно, хочешь быть счастливой.

Я хочу. Пусть совсем ненадолго. Но это только мое мнение, а другие вольны жить и поступать так, как считают нужным.

Башкирцев еще повозился немного, еще раз поцеловал меня куда-то в висок и затих, засыпая.

А я лежала, закрыв глаза, и смаковала свои удивительные ощущения, близкие к блаженству.

Только в объятиях этого мужчины я чувствовала себя по-настоящему дома, по-настоящему защищенной от всего на свете и... счастливой.

Так было всегда, с первого нашего поцелуя.

И всегда, когда он смотрел на меня этим своим особым взглядом и говорил что-то, понижая голос до эротических полутонов, это действовало на меня как заговор, как сладкий гипноз. Я словно растворялась в горячем желании.

Все в Илье было родным и притягательным до головокружения — его запах, движения, походка, голос, мимика, жесты, его ум, интеллект, смех, юмор, ирония и самоирония...

Я не стану сейчас разбираться в том, почему все разрушилось и

почему мы все это потеряли. Зачем рвать сердце, понимая, что ничего уже не вернуть — я просто посплю в его объятиях — дома и в безопасности.

И все.

Я проснулась совсем еще ранним утром — только-только поднималось солнце, и почувствовала себя... наверное, как в раю — мне было так уютно, тепло и спокойно, как не было очень давно.

Вторая любимая поза сна для Ильи, это когда он, лежа на боку, сгребал одной рукой мою голову вместе с подушкой себе под мышку, держал меня за кисть руки, а второй рукой обнимал за талию.

Я смотрела на него и что-то плескалось у меня в груди, похожее на нежные бархатные слезы, хоть и теплые, но все же слезы безвозвратной потери.

Почему мы все это потеряли?

Почему я потеряла его? И это наше физическое влечение друг к другу, эту нашу страсть?

Как так получилось, каким образом?

А он внезапно открыл глаза и посмотрел на меня.

Так часто бывало: когда просыпался кто-то один из нас, второй сразу же просыпался следом за ним.

Мы лежали молча и смотрели в глаза друг другу. Илья протянул руку и, еле касаясь кончиками пальцев, стал гладить мое лицо. И меня вдруг затопило такой мощной волной нежности — нежности к нему, к себе, к этому неповторимому моменту... что от переполненности этим чувством навернулись слезы на глазах и сорвались, покотившись по лицу.

— Да, милая, да, — прошептал он, снимая кончиками пальцев мои слезинки. — Все так.

Он чувствовал меня, как себя самого, и все понимал про меня, про нежность и про эти мои слезы, и полностью, до самого дна, разделял этот момент.

Башкирцев придвинулся ко мне и стал нежно целовать все текущие и текущие по моему лицу слезы, и от этих поцелуев, переполненных нежностью, у меня задрожало что-то в груди и внизу живота, и я, прикрыв глаза, отдалась полностью этому потрясающему чувству, боясь спугнуть хрупкость столь прекрасного, неповторимого момента...

А Илья, придвинувшись еще ближе, обнял меня и осторожно, чуть касаясь, начал целовать мои губы и углубил этот поцелуй...

Затем, не прерывая невероятно чувственного потрясающего поцелуя, перекатился, накрыв меня своим телом, и медленно вошел в меня...

И мы оба задохнулись от потрясающего ощущения, когда он вошел

полностью, до самого свода, и посмотрели в глаза друг другу, делясь тем, что переживали.

И вдруг вся та нежность, чувственность и осторожность в один миг взорвалась огнем, окатив нас пламенем, и, не удержавшись на острие головокружительной чувственности, мы понеслись вперед, подчиняясь законам, диктуемым теперь уже кипящим желанием.

Мы спешили. Мы рвались друг к другу и вперед, вперед, и он шептал уже неосознанно, как стонал:

— Кирюша, Кирочка, девочка моя... — и целовал, целовал.

А меня сводил с ума, лишая последнего разума, этот его севший от желания голос...

И мы выскочили на свою вершину, торжествуя потрясающую победу!

...и отдышавшись, смакуя послевкусие этой победы, не заметили, как оба заснули.

Меня разбудил звонок телефона. Еще не проснувшись окончательно, ничего не соображая, не в состоянии открыть глаза, я шарила рукой по тумбочке, пытаюсь найти трубку, пока кто-то не сунул мне ее в руку. Вот тут-то я глаза открыла и увидела Илью, всматривающегося в экран своего смартфона такими же, как и у меня, еще слепыми ото сна глазами.

— Да, — ответила я, не сводя взгляда с Башкирцева и даже не посмотрев, кто звонит.

— Кира Андреевна? — услышала я незнакомый мужской голос.

— Да, — подтвердила я.

— Вас беспокоит судмедэксперт, — он назвал. — Вы можете забрать труп Андреева Аркадия Павловича.

— И зачем он мне? — обалдела я от такого предложения.

— Вам, может, и незачем. Но и нам он, простите, без надобности, и подписано разрешение на выдачу его родственникам.

— Я не его родственник, — уверила я эксперта.

— Да, но, кроме вас и господина Иваницкого, у погибшего никого нет из числа близких друзей и знакомых. Господин Иваницкий недоступен для связи со вчерашнего дня. Так что, Кира Андреевна, вам надлежит приехать в морг и оформить все формальности. Проще говоря: его надо похоронить.

— Я поняла, — потерянно протянула я.

— Приезжайте через час, — предложил он.

— Нет, через час не могу, — отказалась я от этого варианта. — Приеду через два.

Мне что теперь, бегать? Не намерена я впопыхах собираться, торопиться-суетиться только потому, что господину Андрееву приспичило

обрести покой. Правда, Аркаше, скорее всего, уже до лампочки, а вот патологоанатомам понадобилось побыстрее избавиться от лишнего трупа. А я, значит, все бросай и беги! Нет уж, лучше с ленцой и расстановочкой тихо-спокойно провести утро.

— Ну, хорошо, — легко согласился эксперт и предложил связываться с ним по определившемуся номеру телефона.

Вот начинать день с таких известий, это, скажу я вам, редкостная пакость, зато, с другой стороны, я гарантированно проснулась.

— И куда мы едем через два часа? — спросил Илья, подозрительно поблескивающими глазами, с намеком на эротический настрой, глядя на меня.

— В морг, — остудила я его порывы.

Вообще-то наивно было полагать, что что-то может остудить Илью Георгиевича — он притянул меня к себе, поцеловал быстрым поцелуем в губы и, понизив голос до сексуальных обертонов, многозначительно произнес:

— Два часа — это очень много времени.

— Ночь прошла, Илья, — напомнила я. — Начался следующий день, в котором для нас ничего не изменилось.

— Конечно, не изменилось! — активно поддержал он мое утверждение, тут же переиначив весь его смысл. — Это мы выяснили еще вчера: у нас все такая же страстная, неодолимая тяга друг к другу и глубокие чувства. И почему я не могу утром понежничать со своей женой.

— Бывшей, — напомнила я, выбралась из его объятий и поднялась с кровати.

— Да какое там бывшей... — снисходительно усмехнулся он.

— Бывшей, — повторила я с нажимом.

Прихватила свои вещи и вышла из комнаты, отправившись в душ.

И тем не менее наши взаимоисключающие утверждения не стали поводом для спора и не переросли в выяснение отношений. Мы мирно завтракали, особо никуда не торопясь, и беседовали.

— Ты зачем уехала в этот город? — спросил Башкирцев.

— В поисках лучшей доли, — пошутила я.

— Не знаю, как насчет лучшей доли, но скучной твою жизнь определенно не назовешь, — хохотнул он и задал свой следующий вопрос: — А зачем ты за этого Андреева замуж вышла?

— Ты уверен, что для мирного, приятного утра это достойный разговор и нужные вопросы? — поинтересовалась я.

— Помнится, ты упрекала меня в том, что я старательно избегал

любых разговоров, ну так сейчас можно с уверенностью утверждать, что ты привлекла мое внимание гарантированно, и я готов обсуждать с тобой любые вопросы и проблемы, которые важны для нас. Меня, например, сильно интересует, зачем ты вышла замуж за чужого мужика?

— Ты ревновал? — взбодрилась я такой догадкой.

— Конечно, — удивился он моему недоумению. — Еще как. Все это время я внимательно следил за твоей жизнью и не выпускал тебя из виду. Матвей Петрович регулярно рассказывал мне про твои дела, и Альбина, и еще кое-кто в вашем городе. А когда узнал, что ты собралась замуж, меня чуть с катушек не снесло и так завело, что думал приехать и пристрелить этого твоего...

— Что ж не приехал? — подначила я его и расширила вопрос: — И зачем тебе понадобилось за мной следить, если тебе я и мои дела совершенно не интересны и ты за год ни разу не проявился и не изъявил желания пообщаться?

— Да сначала я вообще собирался тебя просто сграбастать в охапку и привезти назад домой, а потом уж выяснять, чего тебе вдруг вздумалось разводиться и сбегать от меня. А потом подумал... — начал он и запнулся, решая стоит ли продолжать, и все же объяснил: —...может, этот мужик именно то, что тебе надо. Богатый, успешный, бизнесмен, а ты у меня королева. А что я могу тебе дать? Ну на самом деле? Смешную зарплату, свою работу, беспросветную занятость, возможные ранения и то, что меня никогда нет рядом.

— Меня бы вполне устроило, если бы ты дал мне себя самого. Но себя ты приберегаешь для дела всей жизни и ни с кем иным делиться не намерен, — не удержалась я от упрека и грустной нотки в голосе.

— Да нет, дорогая, я всегда был весь твой, до самого дна, а работа — это просто часть меня. Но тебе хотелось еще чего-то, что я был не в состоянии дать тебе, — тоже не смог скрыть грусть он. — Вот и сдержался, чтобы не приехать и не нашуметь тут. Подумал: может, и на самом деле ей нужен богатый, успешный мужик, который даст ей то, что я не могу.

— Почему ты не хотел детей? — вдруг спросила я, поразив саму себя этим вырвавшимся вопросом.

Он посмотрел на меня долгим, непроницаемым взглядом. Мне показалось, что не ответит, но я ошиблась:

— Ты потрясающая женщина. Меня с первой минуты нашего знакомства сводит с ума твоя чувственность и особая женственность. Я балдею от твоего запаха, твоих жестов, твоих потрясающих глаз: изумруды в янтаре, — меня завораживают твои руки, пальцы и их удивительно

гармоничные, плавные движения, твои великолепные волосы, твоя улыбка. И этот твой фантастический голос, от которого я с ума схожу. И это какой-то совершенно уникальный дар женственности. У меня было чувство, что ты словно обняла меня всей своей женственностью и защищаешь от цинизма и грязи, всего того, с чем мне приходится сталкиваться каждый день, что прикрываешь, что ли, от гнусности мира и даешь мне тепло и заботу. — Он посмотрел мне прямо в глаза и признался: — Мне не хотелось ни с кем делить это тепло и заботу, даже с ребенком. Мне очень была нужна эта твоя защита. — И покался, вздохнув: — Вот так. Вообще-то не стоило этого говорить. Но коль уж у нас пошла такая не утренняя беседа... — Он развел руками и, перестроившись совсем на иную волну, со смешочком заявил: — Ну а теперь и ревновать не к кому. Так что: «Я больше не ревную, Но я тебя хочу, И сам себя несу я, как жертву палачу!..»

— Тебе не кажется, — приняла я его ироничный тон с облегчением и подхватила, как удачную подачу, — что матерый мент, опер уголовки, цитирующий Мандельштама и Левитанского, настораживает приблизительно так же, как балерина в роли умирающего лебедя в берцах и с автоматом.

— В свое время я был вполне себе романтическим юношей, — усмехнулся Илья.

И мы оба передохнули, на мгновение понимающе переглянувшись благодарно друг другу за то, что ушли от непростых тем, и на самом деле не для утренней светлой беседы. Совсем.

— Это когда? — сильно заинтересовалась я. — В начальной школе? Подозреваю, что годам к двенадцати ты уже не был юношей и уж тем более романтиком. И потом, романтические юноши почитывают стихи о несчастной и счастливой чистой любви без примесей, а не штудируют трагического Мандельштама и подзабытого Юрия Левитанского.

— Так романтики бывают разные.

— Ладно, романтик, — усмехнулась я, поднимаясь из-за стола. — Пора в морг ехать.

— И вот так всегда, — пожаловался с наигранным вздохом Илья, — с моей нежной и тонкой душевной организацией: чуть зазеваешься, и жестко в морг.

— Поедем на твоей машине, — распорядился Илья, когда мы выходили из дома. — Моя в конторе у экспертов, потом ее отвезут на сервис и неизвестно сколько там промаринуют, а у парней сегодня другое задание.

— На моей так на моей, — не имела возражений я, и мы двинулись к

гаражам.

Мой джип «вездеходец», как я его называла за особую брутальность и повышенную проходимость по типу русского танка, по крайней мере, мне он казался таковым, стоял в подземном гараже — недавнем приобретении жителей нескольких окрестных домов — великом достижении!

Некие ушлые, но толковые ребята, на поверку оказавшиеся все же не совсем бандитами и жуликами, предложили проект: сделать подземный двухуровневый гараж на пятачке между домами, не занятом постройками. И предложили скинуться на это дело заинтересованных жителей, то бишь будущих хозяев.

Методом естественного отбора, по принципу «у кого сколько есть», насобиралось жителей аккурат на те самые два этажа. Вложились, построили, и выяснилось, что построили ребятки гаражиков так на пяток больше тех денег, что ими были приняты у будущих владельцев, и теперь отбивали свои траты, сдавая те самые «лишние» гаражи в аренду по цене съема однокомнатной квартиры на окраине.

Биты мальчишки не были, разобрались с ними полюбовно, выторговав хозяевам гаражей некие мелкие преференции, и на том разошлись, оставшись довольными друг другом, поскольку буквально через пару месяцев после введения в эксплуатацию гаражного комплекса цены на боксы в нем подскочили до немислимых высот — а потому что самый центр, и все компактно, и в соответствии со всеми стандартами и требованиями безопасности. Наверху комплекса так и вовсе площадки игровые и травяные газоны с дорожками для прогулок. Красота! Пойди найди подобный теплый и охраняемый гараж со всеми удобствами в центре города! То-то же! Альбина моя была одной из активных участниц гаражного строительства и приобрела себе один из самых просторных гаражных боксов.

— Слушай! — воодушевленно восхитился Башкирцев, выгнав джип из нашего гаража в проезд между боксами и устраиваясь на водительском сиденье моей машины. — Класс! Серьезный автомобиль!

Он отрегулировал кресло под себя и принялся за зеркала, поправляя их под свой рост, и все восхищался:

— Я к нему давно присматривался, думал себе такой взять. Вот нравится мне этот бродяга! — И вдруг заявил: — Я у тебя его заберу!

— Забирай, — легко согласилась я и пожала плечами. — Он для меня слишком большой, тяжелый и брутальный. Я себя в нем чувствую, как мышка в чужой большой норашке. Да и жрет он много.

— Мой подлатают, мы его продадим, возьму кредит и купим тебе что-

нибудь покомпактней и поновей, — возбужденно рассуждал Илья, попутно просматривая все карманы, бардачок и ящик под локтем с горящими, как у мальчишки от новой игрушки, глазами.

— Да не надо кредит, — подумала я о его предложении. — У деда стоит моя московская машина, можно и ее продать, а то я ей не пользуюсь практически.

— Ну, можно и продать, — согласился Илья.

— И что-нибудь представительное взять, — размышляла я, уже мысленно прикидывая, какую машинку я хочу.

Но Илья Георгиевич умудрился развеять все мои девичьи мечты грубым вмешательством.

— Кир, — строгим тоном возразил Башкирцев, сурово посмотрев на меня, — ездить ты будешь на джипе с повышенной системой безопасности.

— А я думала о небольшой машинке... — начала было возражать я, но он прервал меня безапелляционным тоном:

— На джипе. Так безопасней. И не спорь.

И мы вдруг, словно очнувшись, посмотрели удивленно друг на друга.

Это был разговор не из нашей с ним жизни и реальности, а навверное, каких-то иных людей — обыденный разговор двух супругов, обсуждающих семейную проблему и решающих, как лучше с ней разобраться.

Разговор из чужой жизни.

И мы смотрели друг на друга, осознавая это, и нечто непонятное витало между нами — напряженное, трудное и болезненное.

— У тебя запаска в порядке? — спросил Илья, выручая нас обоих.

И я чуть не расплакалась от благодарности ему за это спасение.

Он понял все правильно и подбадривающе улыбнулся.

— Не знаю, — ответила я и от расстройства даже не сообразила сразу, в чем призналась. — Не проверяла.

И только когда произнесла это и увидела, как меняется выражение лица Башкирцева, запоздало, с кислой тоской, сообразила, какую глупость сморозила, признавшись ему, и виновато скривилась.

— Упс! — сказала я, как застуканный за курением школьник, и почесала голову.

И началось:

— Как это не проверяла? — немедленно сделался суровым и возмутился Башкирцев. — Ты же последнее время мотаешься постоянно в какие-то командировки, мне Матвей Петрович говорил, и ты ездила, не проверив запаску?

— Но она же мне не понадобилась, — слабо оправдывалась я.

Когда дело касается безопасности вообще и особенно моей, что дед, что Башкирцев становились параноиками. Мне приходилось терпеть бесконечные наставления и назидания по технике безопасности жизни и требования практикой закрепить изложенный материал. И лучше было не возражать, а то все начиналось сначала, только в удвоенном пакете.

— И вообще, — попыталась я остановить его наезд, — нечего деду тебе докладывать о моей жизни. Я ему не разрешала. Своей занимайся, у тебя наверняка уже имеется какая-нибудь другая женщина и новая любовь, вот ее и воспитывай! — решила я сама наехать, известно же, что нападение — лучшая форма защиты.

— Женщин вокруг полно, но нет тебя, к большой досаде. А моя любовь? «Моя любовь теперь на воле!» — процитировал он строчку из известной песни, произнеся все это тем же непримиримым строгим тоном, и добавил от себя еще более недовольно: — По городам и весям страны бегают. — И распорядился: — Вылезай! Пойдем проверять твою запаску!

Я поспешила выскочить из салона, подальше от его воспитательных наравоучений и булькающего возмущения.

Мы обошли машину, Башкирцев еще посверлил меня недовольным суровым взглядом и открыл дверцу багажника...

...и на меня в упор посмотрели страшные, вытаращенные остекленевшие глаза мертвого Иваницкого...

И вот именно сейчас, в этот миг, меня пробрало до самых пяток! Так пробрало, что я задохнулась и не могла дышать! Из меня словно вырвали какой-то стержень, некую опору жизни, моего разума, и я почувствовала затопившую все мое сознание бессильную ярость, страх, злость ужасную и полное опустошение...

— Так!! Все!! — прокричала я, дрожа всем телом, и жестом рук словно отсекая от себя это жуткое видение. — Хватит с меня!! Я больше не могу это видеть!! Все!!

Я отскочила от машины и выкрикивала что-то, ругалась и требовала, не понимая, что кричу, и размахивала руками отгораживалась от мира.

— Достало!! Не могу больше!! Пошло оно все на хрен!! — кричала я без остановки и отталкивала от себя пытавшегося остановить меня Илью. — Мать твою!! Да сколько можно?!

Башкирцев, перестав осторожничать, сграбастал меня в охапку, сильно прижал к себе и пробивался сквозь застилавший мой разум какой-то вязкий и удушающий туман, что-то громко говорил.

— Все! — уговаривал он меня. — Тихо, тихо, маленькая, успокойся! Все будет хорошо! Я с тобой!

Он говорил что-то еще четкими, короткими фразами, не давая мне вырваться, затем начал нашептывать что-то на ухо, целовать короткими поцелуями и тихонько раскачивать.

— Все, моя хорошая, успокойся, вот так, молодец. Это просто нервы, ты у меня молодец. Ты такая умница и так стойко со всем справлялась.

— Это больше невозможно, Илья! — пожаловалась я ему, не заметив, что перестала орать и заплакала. — Разве ты не понимаешь, что это невозможно больше никак? Ну откуда они берутся? И зачем он мне их сует постоянно, этот гад мерзкий? Извращенец ненормальный!

— Тихо, тихо. Все будет хорошо, — обещал он умиротворяющим, гипнотизирующим голосом, продолжая раскачивать. — Я его возьму, я тебе обещаю. Совсем скоро.

И необузданная бессильная ярость вперемешку со страхом, холодящим ужасом и растерянностью, что клокотали во мне, под силой его энергии убежденности, слов, объятий и нежности отступили и покинули меня, как безнадежно неподходящий объект для их заселения.

— Все... — устало сказала я Илье, обессиленно расслабившись в его руках, и повторила: — Все. Я, кажется, успокоилась.

Он отстранился, не выпуская меня из рук, всмотрелся мне в лицо, коротко поцеловал в губы и похвалил тихо:

— Ну вот и молодец. Умница. Ты у меня сильная малышка, ты просто испугалась.

— Я больше не могу, — пожаловалась я ему тоном обиженного ребенка. — Все время какие-то трупы валяются, смотрят на меня своими глазами жуткими.

— Ты девочка, — усмехнулся он и поцеловал меня в лоб. — Ты моя смелая, сильная девочка. — И спросил, заглянув мне в глаза: — Ну, все? Отпустило?

— Да, — устало, словно выдохнувшая после эмоционального взрыва, подтвердила я. — Не знаю, что это было.

— Это нервный срыв, — разъяснил он. — Ты все держишь в себе и стараешься не поддаваться эмоциям, вот и накопилось до критической массы. — И спросил: — Полегчало? Чувствуешь, что отпустило?

— Да, — прислушавшись к себе, удивленно сказала я.

И на самом деле ощущение испытывала такое, как будто скинула тяжелый груз, что несла все это время и не осознавала, что несу — сбросила и почувствовала себя хоть и усталой и замученной, но удивительно свободной. Словно смогла продышаться полной грудью первый раз за долгое время.

— Да, — повторила я. — И правда полегчало.

— Ну вот, — порадовался Илья и, нежно взяв меня рукой за подбородок, приподнял мое лицо и уговаривающим тоном объяснил: — Кирочка, теперь надо набраться сил, потерпеть и просто выдержать еще немножко. Ладно?

Я кивнула, соглашаясь.

— Я же говорю: умница, — похвалил он, коротко поцеловал в губы, посмотрел изучающе и с некой тревогой мне в глаза и попросил: — Ты сейчас соберись с силами. Я буду все время рядом с тобой.

— Я справлюсь, Илья, — заверила я. — Я действительно в порядке. Просто нервы сдали. Сорвалась. Но мне стало намного легче.

— Ничего, милая, — поцеловал он меня в лоб, — немножко осталось. То, что Иваницкого убили, меняет всю картину преступления. Но я предполагал вероятность такого развития событий и наличие еще одного фигуранта. Всего пару дней, и мы его возьмем — тогда все закончится.

— Закончится это хорошо, — кивнула я, шмыгнула носом, вздохнула глубоко, выдохнула и решительно спросила: — Ну, что, пойдём посмотрим, что с ним случилось?

— Сама идти сможешь? — заботливо спросил Илья.

— Да, — высвобождаясь из его объятий, проверила я свои возможности и подтвердила: — Нормально.

— Вот и молодец, — снова похвалил он меня и поцеловал очередной раз в лоб. — Идем.

И все посматривал на меня внимательным взглядом, пока я рассматривала труп, скрючившийся в багажнике машины с искаженным от боли застывшим лицом.

Ужас. И зачем я стала на него смотреть?

— Не смотри, — сказал Башкирцев, развернул меня, уткнул мое лицо себе в плечо и рассеянно поцеловал макушку, уже занятый обдумыванием чего-то важного, достал смартфон, набрал какой-то номер и коротко объяснил ситуацию, а закончив разговор, осторожно отстранил меня, обнял за плечи, отвел на пару шагов от машины, развернул к себе и посмотрел сосредоточенно в лицо: — Кир, тут такой момент. Насколько я могу судить, убили его вчера.

— А почему ты решил, что его убили? — перебила я его и махнула рукой в сторону распаханного багажника. — На нем никаких следов насилия не видно. По крайней мере, явных.

— А по-твоему, он вот так пришел, вскрыл твой автомобиль, залез сам в багажник, сделал себе укол или наглотался таблеток, убрал шприцы или

упаковки, закрыл крышку багажника, поставил джип снова на сигнализацию и тихо-мирно помер, выпучив от боли глаза?

— Да, не получается как-то, — согласилась я.

— Не получается, — кивнул Башкирцев и вернулся к тому, о чем говорил. — Я хотел предупредить тебя о другом. Если эксперты установят, что момент его смерти приходится на вчерашнее утро, вечер или ночь, или позавчерашнюю ночь, то могут возникнуть проблемы, потому что с тобой рядом находился только я. Сейчас никто в городе и в местном управлении не знает, что я твой муж, поэтому я спокойно включился в расследование. Ну а если Иваницкий был убит днем, то все в порядке: ты находилась под присмотром ребят. Тогда наши родственные отношения можно оставить без огласки еще какое-то время, и я смогу продолжить расследование. И лучше, Кир, про них вообще никому не говорить, пока не закроют это дело.

— У нас нет родственных отношений, — уже автоматически напомнила я. — Ты мой бывший муж.

— Не имеет значения, — пояснил он. — С точки зрения закона бывшие мужья и жены могут быть лицами заинтересованными и в таком случае не являются надежными свидетелями. — И добавил, очередной раз отмахнувшись: — Да и какой там бывший, Кира.

— Мы развелись.

— Я не разводился, — твердо заявил Илья.

— Мы сейчас вот здесь будем стоять и спорить об этом? — повела я рукой окрест, указывая ему где, собственно, мы находимся.

— А чем это место хуже других? — спросил он, откровенно недоумевая.

— Может, тем, что у нас в машине покойник? — предположила я.

— И что? — спросил Илья. — Он может нас подслушать?

Я в нарочитом отчаянии закатила глаза.

— Может, обменяемся претензиями и начнем выяснять отношения? — саркастически предложила я. — Устроим жесткий батл? А полицейские, что сейчас подъедут, в самый раз подойдут на роль зрителей и групп поддержки.

— Не все так запущенно, — возразил Илья. — С нашим небольшим недоразумением мы успеем прояснить вопрос и до прибытия кавалерии.

— А нет никакого недоразумения, — растолковывала я. — Мы в разводе, ты мой бывший муж, мы живем больше года порознь и не имеем никакой личной заинтересованности друг в друге. Можешь смело выступать моим благонадежным свидетелем.

— Да какой там бывший, — тяжело вздохнув, традиционно махнул он

безнадежно рукой и пошел к будке охранника на въезде на звук сирены приближающейся к воротам в гараж патрульной машины, встречать ту самую кавалерию и руководить.

А я почувствовала глубокую благодарность к нему за то, что он намеренно втянул меня в эту коротенькую шутиливую перепалку, помогая справиться с пережитым приступом неконтролируемой истерики и паники, давая возможность снова почувствовать себя самой собой, такой независимой, сильной, поймать привычный мне настрой на легкий сарказм и ажурную иронию и вновь обрести душевное равновесие.

— Спасибо! — не удержавшись, крикнула я Илье вдогонку.

Он понял. Ну, разумеется, он понял, за что я его благодарю, и, не оборачиваясь, поднял руку, помахал и громко ответил, усмехнувшись — я прямо услышала эту его усмешку:

— На то и существуют мужья, дорогая!

Нет, ну вот же гад, а! — весело подумалось мне.

И это были последние спокойные минуты за весь последовавший за этим бесконечный день.

Из задумчивости меня вывел звонок телефона. Звонил медэксперт узнать, где я задержалась. Я объяснила про обстоятельства непреодолимой силы, вынуждающие меня в ближайшее время давать показания и подписывать протоколы. Он вздохнул и разрешил приезжать в любое время, он будет ждать. Но только сегодня.

— Сегодня, сегодня, — поворчала я про себя — а куда я денусь! Теперь-то уж определенно понятно, что кроме меня хоронить Аркашу больше некому.

Пока я разговаривала по телефону, пространство между гаражных боксов вокруг моего джипа заполнилось машинами и людьми, деловито работали эксперты, что-то там уже снимая-проверяя и отвечая на вопросы знакомого уже до глубокой моей нерадости следователя прокуратуры, а ко мне подходил товарищ старший оперуполномоченный Марчук.

— Ну, что, Кира Андреевна... — начал он обращение в своей излюбленной манере: смесь сарказма с легким намеком на превосходство человека, наделенного властными полномочиями.

Может, это только я у него вызываю такие эмоции, а с остальными гражданами и особенно гражданками он мил и приветлив, но выяснять это я не собиралась, да и, честно сказать, пофиг мне, как он с кем общается, но позволять обращаться ко мне в подобном тоне я не намерена никому.

А ему в первую очередь, поэтому и перебила, не дав капитану насладиться блистанием своего сарказма.

— Сергей Дмитриевич, — холодным тоном оборвала я его несостоявшуюся тираду. — Если вы намерены язвить или иронизировать в мой адрес или выказывать свое предвзятое отношение ко мне, то я отказываюсь с вами разговаривать. Вызываю адвоката, и все дальнейшие беседы мы будем вести только через него. Это понятно?

— Да что вы так разнервничались, — примирительным тоном, но с нотками неистребимого ничем превосходства обратился он ко мне, — я ж ничего такого...

— Да потому что достал, — честно ответила я, вновь перебив его, и разъяснила: — Слушай, Марчук, ты не производишь впечатление идиота или тупого опера, ты же вполне нормальный мужик и следовательно неплохой. Что ты постоянно меня достaeшь своей неуместной иронией и намеками на посиделки тюремные? Обиделся, что нет прямых доказательств моей причастности к убийствам, или я тебя, как женщина, зацепила? Ты уж разберись с собой как-нибудь. — И перешла на холодный официальный тон: — Считаете, что я убийца? Арестовывайте. Не имеете доказательств? Будьте любезны обращаться ко мне в уважительном тоне, как к законопослушному гражданину, а язвить и позволять себе презрительные замечания и намеки вы можете в адрес своей барышни. — И посоветовала в конце: — У себя дома труп найди и веселись.

— Это оскорбление офицера полиции при исполнении, Кира Андреевна, — несколько обалдел от моей отповеди Марчук. — Или вы позволяете себе такие высказывания, потому что уверены, что полковник вас от всего прикроет?

— Какой полковник? — не поняла я и, переведя взгляд чуть выше его головы, увидела Илью, стоящего у него за спиной.

— Полковник Башкирцев, — немного растерялся капитан.

— Ты полковник? — спросила я у Ильи.

Когда я ушла от Башкирцева, он носил звание подполковника и был начальником уголовного розыска отдела одного из Центральных округов. А собственно, чего я так удивляюсь? Кому как не ему получать звания и расти в должностях: кандидат юридических наук и отучился в Академии, и у его отдела была самая высокая раскрываемость среди округов. Или меня поразило то, что у него идет интенсивная жизнь, о которой я ничего не знаю?

Ладно, не стоит об этом размышлять. Значит, полковник?

— Ну да, — делано улыбнулся он и незначительно дернул плечами.

— А вы что, не знали? — потерялся Марчук.

— Вас это не касается, капитан, — начальственным холодным тоном

отрезал Башкирцев и переспросил: — Что девушка сказала, услышал? Не хами пострадавшей, гонор умерь и, если она не станет настаивать на адвокате, сними с нее показания.

С немедленным вызовом адвоката я милостиво решила повременить, ответила на все холодно-официальные вопросы Марчука под протокол и ушла домой. Прийти в себя от всяких потрясений, кофе попить да и съесть чего-нибудь не мешало, проторчала в этом гараже два часа ни за каким надом.

Чтоб этому Иваницкому... впрочем, он уже того...

И так хорошо... О, господи, прости, что я говорю!

Кофе. Вот. Варим кофе и не думаем о мертвецах.

Но желающих так же, как и я, передохнуть с комфортом нашлось на мою голову. Стоило мне снять с плиты турку с напитком, как в дверь позвонили.

Проворчав под нос — не люблю, когда кофе остывает, а меня отвлекают, пошла открывать дверь.

— О, кофе! — потянув носом, радостно заметил Башкирцев.

— Идем, — безнадежно вздохнув, пригласила я. — Только сварила.

— Я говорил, что ты лучшая жена в мире?

— Когда была женой, говорил, — подтвердила я и, чтобы не влезть очередной раз в полемику о нашем совместном социальном статусе, спросила, наливая кофе ему в кружку: — Ты перекусишь что-нибудь?

— Обязательно, — кивнул он, схватив кружку со стола, и, не садясь, сделал пару осторожных глотков. — Ум-м-м! Классно.

Я полезла в холодильник, достала еду, поставила сковородку, и в дверь снова позвонили.

— Я открою, — кивнул Илья.

Витя с Валей. Пришлось кормить всех и еще варить кофе. Только после этого мы с ребятами поехали в морг и по всем неотложным похоронным делам, а Башкирцев отправился в полицию заниматься раскрытием моего дела.

Ребят Илья вызвал сразу, как только стало понятно, что мне все же предстоит ездить по всему городу и его окрестностям, то есть на кладбище, а у него новые обстоятельства дела в виде труппа Макса.

К вечеру я чувствовала себя совершенно обессиленной, и на этот раз уж точно не от последствий отравления. А просто от того, что пришлось намотаться по всяким инстанциям и кабинетам, подготавливая похороны Аркадия, которые состоятся завтра.

Парни терпеливо таскались за мной по тем же инстанциям, кабинетам

и кладбищенским аллеям, определять место захоронения.

Домой мы с Витей и Валею вернулись часов в восемь. Дверь открыл Башкирцев и сразу же отдал распоряжение ребятам ехать в гостиницу и отдыхать до завтра. Мы с ними поужинали в кафе, но про Илью не забыли — снова привезли целую кучу всяких контейнеров и упаковок с едой, в том числе и с так понравившимися господину полковнику десертами. Парни быстренько перетаскали все из машины в кухню, не ропща ни намеком — еще бы они выступали, сами же уничтожают большую часть запасов.

Вообще-то готовить я люблю и делаю это первоклассно, без ложной скромности. Но посреди боя рокового, что происходит сейчас вокруг меня, на готовку нет ни сил, ни времени, ни вдохновения. Слава богу, меня наши повара выручают, а готовят они отменно, потому что лучшие! Так что мы при горячих блюдах, разнообразных закусках и... куда ж без них: великолепных десертах.

Я кинула сумку на консоль в прихожей, устало опустилась на банкетку и стащила с себя обувь.

Илья сел передо мной на корточки, взял мою ладонь в руки и спросил с участием:

— Ты как?

— Устала.

— Да вижу, — с намеком на ворчание на тему моих ненормированных перегрузов произнес он. — Как себя чувствуешь?

— Истерик не было и уже не будет, — отрапортовала я. — А в остальном усталость и слабость, только и всего.

— Я чаю заварил. Будешь?

И мы снова посмотрели друг на друга, осознав, что это еще один разговор из чужой жизни про семью.

— Буду, — твердо произнесла я, как бы в противоречие этой обманчивой картинке семейственности, и подтвердила кивком.

— А?.. — вопросительно протянул он.

— Твои любимые десертики тоже есть, — усмехнулась я.

— Ты лучшая жена на свете! — похвалил торжественным тоном Башкирцев.

— Бывшая, — устало вздохнула я и внесла уточнение: — Я лучшая на свете бывшая жена.

— Да какая там бывшая... — привычно отмахнулся он.

И вдруг я вспомнила:

— Время смерти установили? — встрепенулась я.

— Установили, — усмехнулся Илья. — Днем, тогда с тобой

находились парни и вам меняли замок в двери. Они дали показания еще в гараже, так что алиби у тебя железное, — он подхватил меня под локти и поднял с банкетки. — А я все ждал, когда спросишь.

— Устала, — оправдалась я.

— Дорогая, никакая усталость, перегруженность или болезнь еще никогда не мешали тебе четко мыслить, — уверенно возразил Башкирцев.

— Это да, — согласилась я с его оценкой моих умственных способностей и замученно, как репетитор нерадивому ученику, попыталась повторить в сотый уже, наверное, раз: — И...

— Да-да, я помню, — перебил меня Илья, разворачивая и направляя в сторону кухни, — не называть тебя «дорогая».

— Это убийство? — продолжила расспросы я, усаживаясь за стол.

— Убийство, — подтвердил он, накрывая стол к чаю.

— Как его убили?

— Сначала обездвигили электрошокером, а потом сделали укол смертельно завышенной дозы сильнодействующего сердечного препарата, у Иваницкого оказалось слабое сердце. Смерть у него была не из приятных: он пришел в себя и умер от сердечных спазмов, очень болезненное дело. Поэтому он так и выглядел.

— Ужас какой-то, не напоминай! — передернула я плечами и постаралась скорее отогнать от себя эту картинку.

Мы пили чай и вели совершенно не застольную беседу: Башкирцев рассказывал мне, что удалось установить о трупe.

А я, в свою очередь, рассказала Ильe о том, что похороны состоятся завтра в три часа дня и, похоже, я буду единственной, кто проводит Аркашу в последний путь. Подумала было пригласить сотрудников их фирмы, но поняла, что получается конфуз: он же их подставил и обворовал.

Если кто и придет, то, может, в виде акта христианского прощения. Что вряд ли. Людям зарплаты не выплатили и поувольняли из-за него. Если и придут, то, скорее всего, для того, чтобы плюнуть.

Но, подумав, я решила все-таки сообщить в их контору о времени похорон и дать объявление в газету и там, где их обычно дают.

Может, кто и придет, ну бог знает. И на всякий случай сделала заказ, человек на пять-семь в нашем кафе на поминки. Посидим, помянем, как положено.

Все же человек, хоть и сволочь.

Так что буду одна.

— Да с чего бы это? — возразил Башкирцев и пояснил в ответ на мое молчаливое удивление: — А ты думала, что я тебя одну отпущу куда-то?

— Но вообще-то это похороны моего второго мужа, — напомнила я.

— Да какого там второго, — пренебрежительно скривился он и хмыкнул: — Надеюсь, остальных твоих «гостей» тебе хоронить не придется, — и расплылся в улыбке. — Анекдот такой есть. Приходит в оркестр филармонии работать новый скрипач и выспрашивает о принятых в коллективе правилах у пожилого заслуженного скрипача: «На свадьбах что лучше играть, что идет хорошо?» — «Да все, что заказывают гости», — отвечает тот ему. «А на похоронах что лучше не играть?» Старик подумал и сказал: «На похоронах лучше не играть «Позови меня с собой», а все остальное в минорчике вполне приемлемо».

— Смешно, — согласилась я без энтузиазма. — Особенно если не вспоминать о моей ситуации. — Призадумалась и поделилась неожиданной мыслью: — Хотя... «Позови меня с собой» применительно именно к моей ситуации, по-моему, звучит очень даже актуальненько.

Мы переглянулись и рассмеялись.

Грешно, наверное, люди погибли.

С другой стороны... сами себе дорожку-жизнь выбрали. Ольга эта прекрасно понимала, от кого и чего бежит, что делает Аркаша, и буквально зубами в него вцепилась, вон, даже поехала за ним сюда, невзирая на очевидную опасность такого вояжа. Ну а про Иваницкого и говорить нечего — он такие пакости проворачивал, наверняка же отдавая себе отчет, чем это может закончиться. Вот оно и закончилось.

Как там сказал Илья? «Каждый сам звездец своему счастью». Или он процитировал? Не суть — звездец он везде звездец, особенно своему счастью.

Мы еще о чем-то болтали, уже малозначительном, избегая непростых и трудных тем, и в какой-то момент внезапно замолчали. Оба.

И смотрели друг на друга.

И чем дольше длилось это молчание глаза в глаза, тем труднее было его нарушить и тем невозможнее становилось вернуться к непринужденной беседе.

Илья собрался было что-то сказать, но я покачала головой и тихо попросила:

— Не надо говорить.

Он кивнул, соглашаясь, протянул мне руку и позвал чуть севшим от желания голосом:

— Иди ко мне.

И я пошла. Легко и свободно. Встала из-за стола, шагнула к нему и вложила свою ладонь в его ожидающую руку. А он осторожно сжал мои

пальцы и поднялся со стула, сразу же оказавшись совсем близко.

Рядом.

Придвинулся еще ближе, положил ладонь мне на щеку, заглянул в глаза и прошептал:

— Изумруды в янтаре. Поразительное сочетание.

— Дикое, — высказала свою версию я шепотом.

— Дикое, — согласился Илья. — Первобытное. Великолепное.

И поцеловал меня дурманяще нежным, глубоким поцелуем, будя во мне ту самую первобытную, темную и загадочную сторону моей женской натуры, которая гудящим пламенем рванула вверх от низа живота к голове, лишая сознания и любого намека на налет цивилизованности.

О чем там?

Мы снова потеряли разум и растворились друг в друге, забыв обо всем вокруг — какая память, какие мысли, когда так хорошо, что проще умереть, чем остановиться. И невозможно отодвинуться и покинуть объятия друг друга...

Я проснулась посреди ночи в уютной защищенности под рукой Ильи. Полежала, прислушиваясь к себе, своим мыслям, пытаюсь понять, что меня разбудило. И мне вдруг нестерпимо захотелось на него посмотреть.

Медленно достав свою руку из его пальцев, я потянулась, включила лампу на тумбочке и замерла настороженной полевой мышью, присматриваясь, не разбудила ли мужчину.

Нет. Спал он глубоким спокойным сном честно уставшего человека, и я, чуть развернувшись поудобней, принялась рассматривать черты его лица.

Он не был красавчиком и уж тем более симпатягой смазливый, но это не имело никакого значения, поскольку нечто сильное, его мужское мощное начало, характер и воля, склонность к иронии и юмору наложили неповторимый отпечаток на его облик.

Башкирцев был одарен талантом великолепного аналитика и сыскаря, приходилось признавать этот факт, пусть и с некоторой неохотой — что есть, то есть, не отнимешь. А в помощь этому таланту господь даровал ему и иные способности, если говорить на современном языке: некие дополнительные опции — он был великий лицедей.

В зависимости от обстоятельств и необходимости Илья мог изобразить кого угодно — про банального «доброе-злого» полицейского даже не упоминаю. Он мог так построить разговор со свидетелем, что через полчаса становился ему лучшим другом, и так проводить допрос, что у него признавались даже в том, в чем фигуранта и не подозревали и о чем и речи-то не шло вообще, и это не было оговором себя, нет: человек

совершенно искренне выкладывал Башкирцеву, как родному, всю свою подноготную. Он был прекрасным ловеласом с девушками, умудряясь сделать столь искренние комплименты каждой, что о его словах помнили еще много месяцев после беседы с ним. Мог разговаривать с бомжами на одном языке и совершенно спокойно один пойти к ним в какой-нибудь клоповник, куда боялись ходить даже толпой полицейские во время рейдов.

А уж бабушки на лавочках у подъездов!

О-о-о! Ровно три минуты, и Башкирцев становился любимым внучком и вызывал искреннее доверие, и мало того что они выложат ему все про соседей, так еще расскажут то, о чем напрочь забыли или чему не придали значения. И обязательно одна-две сбегает домой и принесут каких-нибудь угощений, а то и вовсе затащат к себе и обедом накормят.

Он был великолепным психологом и умел стать своим в любой среде — и все эти таланты ради дела.

Можно было предположить, что при таких-то дарованиях он гарантированно избегает серьезных отношений с женщинами — посудите сами: ночами мужик частенько вне дома, в командировки катается, ненормированно работает, и при этом ему даже не надо стараться хоть сколько-то и соблазнять женщин: сами придут с великой радостью и предложат себя в полном объеме.

Не знаю, как у него было с другими женщинами до меня, Башкирцев имел серьезное достоинство и правило: никогда не говорить о своих бывших. Так вот: не знаю, как с другими женщинами, но я никогда его не подозревала в неверности и верила ему совершенно. Ревновала бывало, но влегкую, напрягаясь исключительно по поводу поведения самих женщин, делавших на него откровенную стойку, а не держа на него подозрения.

Еще одно из достоинств Ильи — если Башкирцев дал слово, то это как железный лом в гранит вогнал — все, намертво.

И все это знали. Ему верили даже законченные бандиты и воры, мошенники и наркоши.

Он пользовался очень высоким авторитетом у этой публики.

Да, в общем-то у всех он пользовался заслуженным авторитетом и уважением, даже у начальства, всегда недовольного чьей-то работой и что-то там постоянно требующего.

Я смотрела на него и думала: что я хотела от него?

Чего добивалась, искренне считая себя обиженной стороной?

Чтобы он изменился? Нет, на самом деле чего конкретно я инкриминировала ему и чего ожидала в итоге всех своих претензий?

Чтобы Илья бросил свою работу? Или стал относиться к ней иначе:

вполплеча, вполнакала? Переадресовав всю свою увлеченность, энергию и любовь на меня?

Идиотизм какой-то!

Все равно что заставить дикого медведя стать комнатной болонкой.

Как можно отделить человека от его дара и предназначения?

Как можно отобрать у человека его талант, запретить им пользоваться или заставить пользоваться так, как видится правильным тебе, если этот дар является его сутью, тем, чем его одарила судьба, Бог, или кто во что верит — космос, например, или жизнь и природа. Не суть — сам факт присутствия в генах, в ДНК, в крови, в разуме и сознании человека этого таланта.

Это все равно что приказать Солнцу светить по-тише.

Вариант побороться с талантом, если покопаться, найдется: притюкнуть, и дело с концом — ни человека, ни вот этого самого — дара его.

Любому нормальному мужчине необходимо быть увлеченным делом, в котором он хорош, в котором он полностью выкладывается, растворяется и находит себя!

Это высшая точка реализации мужчины — его героика, его победа, первенство.

Илья такой! И я любила Башкирцева именно таким и именно потому, что он такой. Забери у него его работу, и это будет совсем другой человек.

Другой человек, не Илья.

Со всеми его заморочками, трудным характером и привычкой доминировать всегда и во всем, с бурчанием, когда он не в настроении, с его любовью к сладкому и сентиментальным старым фильмам...

Иногда он принимался занудствовать ужасно, в основном по теме безопасности жизни, моей, разумеется, и необходимости быть внимательной и осмотрительной, и это было просто невозможно слушать, так он мог достать.

А иногда, когда дело, которое он вел, выдавалось особенно гнусным и тяжелым, он возвращался домой исключительно на силе воли, уставший до крайности и совершенно опустошенный, словно с больной, избитой душой, и его желтые глаза от того, что творилось у него внутри, становились выгоревшими, тускло-серыми. И тогда требовалось срочно его утешать, обнимать не переставая, целовать и баловать, он отходил понемногу и начинал капризничать, как больной ребенок, идущий на поправку. И видел во сне кошмары...

У него масса заморочек и всяких мужских бытовых привычек, трудно

укладывающихся в разум женщины и испытывающих ее терпение на прочность, но...

Но я любила его именно такого, со всеми его заморочками, трудным характером, командирскими замашками и со всем набором тяжелых привычек.

Мне не нужен был другой Башкирцев, я любила вот такого, какой есть.

Но развелась с ним и умотала куда подальше...

Я вдруг со всей ясностью осознала, что не от него я что-то требовала и ждала! Не от него хотела на самом-то деле!

Я ревновала его к работе, потому что у меня самой не было вот такой реализации собственного таланта, да и таланта-то никакого не было!

Вот в чем все дело-то!! Вот!

Мне нравилась моя тогдашняя работа, я была очень хорошим управляющим и руководителем — но этого мало.

Я без сожаления оставила ту работу. Например, дело, которым я занимаюсь нынче, мне нравится куда как больше. Но опять-таки — только нравится, и ничего более, и я с такой же легкостью могу оставить и это дело, которое не раскрывает всех моих дарований и талантов.

Вот в чем вся засада!

Мое отношение к Илье — это следствие банальной, бабской и человеческой обиды. Обиды на то, что человек нашел и раскрыл себя и он прекрасен в своей реализации, а я ни два, ни полтора — ни дела интересного, и с дарованиями швах какой-то! Так, девушка ни о чем, а энергии, силы и потенциала во мне на тридцать три таланта, вместе со всеми дарованиями. Это моя неосознанная претензия к самой себе, а вместе с ней и завышенное требование к своей личности.

Ревность и обида.

Господи, как просто и глупо!

Я не стану себя ругать и винить! Не стану! Не за что!

В тот момент, когда я уходила от Ильи, обиженная и возмущенная его невниманием, я воспринимала жизнь и свои с ним отношения именно так, как видела и понимала их тогда, мне казалось, что я права.

И между нами, девочками, его вины никто не отменял: все-таки молодой любимой жене надо уделять чуть больше внимания, а не просто видеться по часу перед сном и заниматься сексом, и это в самом лучшем случае. Так что претензии все же из-за моих женских капризов, а имеют под собой вполне реальные обоснования.

Сейчас я понимаю и вижу все по-другому. Мы меняемся, наши представления о жизни меняются вместе с нами, это и есть движение

вперед и просто жизнь.

Я не буду себя ругать и обвинять, но, господи, как обидно, что для того, чтобы понять какие-то простые вещи, приходится порой терять так много. Так много.

Что бы тебе не вразумить нас как-то иначе, а?

Я смотрела на Илью, и мне хотелось плакать — мы держали в руках счастье и, кажется, все растратили.

А потом вдруг подумала очень четко и ясно: иногда, чтобы найти себя, надо себя потерять. И это было так грустно...

Я все же всхлипнула, не совладала. Вытерла сорвавшуюся слезу, и неожиданно меня накрыло столь горячим, отчаянным желанием, что аж дыхание перехватило...

И я рванула к нему спящему, стала беспорядочно, судорожно целовать, гладить и требовала:

— Не говори ничего! Ничего!

— Не буду, — проснулся совершенно ошарашенный, сбитый с толку, ничего не понимающий Башкирцев, неосознанно обнимая меня.

— Хочу тебя ужасно! — шептала я ему в перерывах между поцелуями. — Сейчас с ума сойду!

— Это я с ума сойду, — оторопело признался он.

Но Илье хватило меньше минуты, чтобы сориентироваться в ситуации, и он, остановив мои метания, уже целовал меня и попытался перехватить инициативу, но я не позволила.

Отшвырнула одеяло, мешавшее мне, и продолжила свою стремительную атаку.

Но очень скоро стало уже непонятно, да и не важно, кто атакует, а кто уступает и принимает, мы уже погружались вдвоем в разбушевавшуюся страсть, отдаваясь ей без сопротивления...

Илья, взяв меня за талию, приподнял и помог принять его всего до самой предельной точки, и мы застонали вместе, замерли... и понеслись вперед...

Я лежала у него на груди, никак не могла выровнять дыхание, слушала, как бухает его сердце у меня под ухом, и мне показалось, что это стучит тот самый огромный барабан, предупреждающий о надвигающейся беде.

Моя беда уже накрыла меня с головой.

Я увидела степь, перемежающуюся пологими холмами. Великолепную весеннюю степь, покрытую зеленым ковром луговых трав с целыми кусками ярко-алых маковых полей. Высоко-высоко парила какая-то птица,

пряно пахло разнотравьем, и бирюзовое небо поднималось над этим диким полем...

Откуда-то издалека, из степи, сверху, со всех сторон, из того самого бирюзового неба донеслись до меня слова, сказанные шепотом, заняв собой все пространство вокруг меня и во мне:

— Люблю тебя, девочка моя. Люблю...

С ночи зарядил дождь.

Он все шел и шел, не летним ливнем и даже не приличным, уважающим себя дождем, а по-осеннему однообразно.

Из-за этого бесконечного дождя все вокруг казалось серым, промозглым, потонувшим в безнадежности, подчеркивая и усиливая кладбищенскую тоску и ощущение неизбежной конечности жизни.

Порой драматичной конечности, как в случае с Аркашей.

Мокрые комья земли, липнувшие к лопатам похоронной бригады рабочих, торопливо закидывающих могилу, шлепались вниз и гулко, неприятно стучали о крышку гроба. Я отвела взгляд от разверзнувшейся могилы и посмотрела вокруг.

Жизнь преподносит свои сюрпризы.

Я сильно ошибалась, предполагая, что на похороны Аркаши никто не придет. Пришли его бывшие подчиненные, в основном женщины, и всего двое мужчин, пришли и какие-то девушки, думаю, из числа бывших многочисленных любовниц, некоторые даже искренне плакали и скорбели.

Нет, я, видимо, чего-то кардинально не понимаю в жизни и в психологии женщин! Мужик кинул всех, кого мог, при этом серьезно подставив многих, а они рыдают?..

Но ладно, пусть себе рыдают, может, любовь такая была? Даже не собираюсь гадать!

Мне же пришлось срочным порядком переигрывать дальнейший план всех мероприятий, звонить в кафе и давать поручение накрывать столы совсем на другое количество людей, а еще заказывать специальный автобус.

В общем, как создавал мне при жизни проблемы Аркаша, так и продолжил после смерти. Неугомонный какой! Может, свечку ему поставить в церкви, так я понятия не имею, крещеный он вообще или нет?

Остается надеяться, что после вполне достойных похорон, что я ему устроила и оплатила, не поскупившись на дорогой красивый гроб и приличные венки, и даже костюм его английский дорогуший нашла среди его конфискованного имущества и с помощью Башкирцева уговорила

продать мне за символическую цену, так что в гробу Аркаша лежит одетый по высшему разряду — он угомонится наконец и уже исчезнет навсегда из моей жизни.

Я перевела взгляд с плачущей блондинки в сторону, наткнулась на внимательные глаза Башкирцева и быстро отвела глаза.

Проснувшись утром, мы не упомянули о моем ночном сексуальном нападении ни словом. Вернее так: Илья явно хотел об этом поговорить и улыбался, посверкивая глазами, но наткнулся на мрачное выражение моего лица и промолчал. А я поспешила выбраться из постели и убежала в спасительный душ.

Стояла под струями, вспоминала то сладкое сумасшествие, что пережила ночью, и меня немного поколачивало от прокатившей по всему телу томительной волны.

Признаваться Илье и показывать, что именно испытываю, я не собиралась, практически сбежала от его внимательного изучающего взгляда, которым он меня сопровождал все утро. Сослалась на срочные похоронные дела, еле дождалась приезда парней и — пока-пока!

А в морге, когда я приехала за уже наряженным и приготовленным к погребению Аркашей, ребят сменил Илья, отправив куда-то по поручениям Витю с Валею и уже дальше сопровождал меня сам.

Могилу закопали, водрузили сверху табличку с именем и датами, установили венки. Провожающие в последний путь возложили цветы и потянулись по тропинке между могилками к выходу.

Я всех оповестила о том, что их ждет микроавтобус на выходе, который отвезет в кафе на поминки.

И только пусть Аркаша попробует потом доставать меня с того света — откопаю, сожгу в крематории, а пепел развею! Или что-нибудь другое придумаю, что там для покойников не шоколад и не Царствие Небесное?

Получит!

И все же я задержалась у его могилы, вспомнив наш глупый брак и его еще более глупую смерть.

— Пусть земля тебе будет пухом, Аркаша. Постарайся обрести покой, если сможешь, — попрощалась я с ним.

А когда пробиралась по тропке между могилками, в одном из узких мест мне протянул руку, чтобы помочь пройти, молодой человек.

— Спасибо, Костя, — поблагодарила я, вспомнив его имя.

— Да ну что вы, — вроде как засмущался немного он.

И когда мы вышли на аллею, где поджидал меня Илья, он с виноватой улыбкой попросил:

— Кира Андреевна, мне надо поговорить с вами.

— О чем, Костя? — удивилась я.

Мы даже не были представлены друг другу, виделись пару раз, когда я приезжала к Аркаше в офис, и то так, мимоходом.

— Это касается Аркадия Павловича, — уклончиво объяснил он, напряженно посмотрев на Башкирцева.

— Так говорите, — разрешил Илья.

— Извините, но я хотел... — стушевался он, — с Кирой Андреевной, наедине. Это личное, но если она потом решит, что надо рассказать вам, то расскажет.

— Но если личное, — хмыкнул Башкирцев и демонстративно отошел всего на пару шагов в сторону.

А Константин взял меня под локоток, плавно повернул, так, что мы оказались спиной к Илье, и медленно повел вперед, начав говорить проникновенным, с ноткой печали голосом:

— Кира Андреевна, вы знаете, как сильно вас любил Аркадий Павлович?

— Положим, себя он любил куда как больше, — отметила я очевидный факт и почувствовала напряжение от нескромного вопроса постороннего человека.

— Кира Андреевна, — продолжил вкрадчиво говорить парень, — давайте в память об Аркадии Павловиче вы спокойно проводите меня до машины, и мы немного прокатимся.

Я остановилась, посмотрела на него, как на больного, тут же почувствовала, как что-то твердое уперлось мне в бок.

— Я понимаю, — почти с грустью произнес он, — что вы не изъявите желания добровольно ездить со мной по моим делам, поэтому вынужден вас заставить, Кира Андреевна, прибегнув к помощи угроз в виде пистолета, приставленного к вашей печени. Вы скажите этому своему полковнику, что мы отойдем ненадолго. Уговорите его нас не останавливать. Сквозные ранения брюшной полости и печени смертельны, Кира Андреевна.

— Ну перестаньте, — попеняла я ему тоном уставшей от проказ своего подопечного нянюшки. — Вы умный молодой человек, зачем вам нужны эти детективные захваты заложника, это же совершенно дурацкие книжные штампы. Да еще по-киношному пистолетиком угрожать. Ну, на самом деле, ерунда какая-то.

— Это вынужденная мера, Кира Андреевна, как бы пошло и избито это ни выглядело, — почти с сожалением признался Костя. — Но ваш этот

полковник московский и местные полицаи не дадут мне выехать из города, а мне надо покинуть область. И заметьте, они даже не подозревают меня, а просто тупо следят за всеми, кто хоть косвенно проходит по их делам об убийстве, и заставили всех подписать расписку о невыезде. Так что вы скажите что-нибудь своему церберу, чтобы он за нами не шел.

— Костя, ну что вы глупите, честное слово! — возмутилась я. — Он от меня не отойдет и ни с кем никуда меня не отпустит. Могу сказать только правду, что вы меня похищать надумали.

— Скажите, — чуть помедлив, решил он. — И добавьте, чтобы нам дали спокойно сесть в мою машину и уехать. Любое движение или попытка захвата — и я выстрелю.

— Ну что за ребячество, Костя! — увещевала я его. — Это глупость несусветная! Это только в кино легко и просто раскатывать с заложником и уходить от погони. В жизни все жестко: вести вашу машину будут плотно и загонять, как зайца, по тому пути, который выгоден полиции, а потом вас просто пристрелит снайпер. И никакой заложник не поможет. Сейчас у вас еще есть возможность уйти, вы же сказали, что вас даже не подозревают, а следят, как и за всеми остальными. — И начала потихоньку психологически давить: — Если вы сейчас уберете пистолет и уйдете, я даю слово, что до следующего утра никому не расскажу, что вы пытались меня взять в заложницы. И вы тихо и спокойно уедете.

— Не получится, Кира Андреевна, — недобро усмехнулся он, как-то резко превратившись из интеллигентного скромного юноши в решительного парня с сомнительными намерениями. — Вы сами знаете, что нужны мне не только для прикрытия. Вы очень ценная личность. Сообщайте своему полковнику об изменениях в ваших планах, и мы поедем.

— Не надо, Костя, — предупредила я его со всей холодной серьезностью, на которую была способна в этот момент. — Этого мужика лучше не злить. И назад дороги уже не будет.

— Кира Андреевна, — процедил он сквозь зубы и надавил дулом мне в бок. — Я начинаю терять терпение.

Да твою же мать, ну что за день! Вот никогда не любила похороны!

Я развернулась к Башкирцеву, топтавшемуся в метрах пяти от нас и явно начинавшему раздражаться.

— Илья Георгиевич, — обратилась я к нему официальным тоном и сильно подпортила официальщину, от раздражения подбавив неуместной в такой момент язвительности. — Молодой человек Константин приставил мне к боку пистолетик и требует, чтобы его, то есть теперь уже нас,

беспрепятственно пропустили к его автомобилю и дали нам уехать. Обещает за это не стрелять понапрасну и высадить меня где-то за пределами области.

На мгновение повисла пауза. Пока Башкирцев осознавал информацию, лицо у него сделалось удивленным до необычайности, и он спросил в простоте ментовской:

— Ты что, парень, дурак, что ли? Ты вообще кто такой и каким боком? На кой тебе заложники?

— Константин считает, что полицейские проявляют к нему повышенное внимание и навязчивый интерес, — пояснила я, ужасно злясь на себя, на этого придурка Костика и на ситуацию в целом.

— Я хочу уйти! — прокричал Костик, явно плохо справляясь со своими нервами, хотя и продемонстрировал мне решительность.

— Иди! — пожав недоумевающе плечами и глядя на него, как на человека, совершающего полнейшую глупость, сказал Башкирцев. — Кто тебя держит? — развел он руками. — Иди себе, кому ты сдался, заложница-то тебе на кой?

— Мы уходим! — громко заявил Константин и притянул меня поближе к себе. — Если кто-то попытается нам помешать, я ее пристрелю!

— Тьфу ты! — сплюнул от досады Илья и предупредил: — Если с ней хоть что-то случится, то тебе лучше сразу застрелиться, парень, потому что я с тобой такое сделаю, что гестапо позавидует моим талантам! — И добавил от души: — Ты придурок полный, спокойно мог уехать, куда заблагорассудится, а ты на голом месте такой кипеш поднимаешь! — И предложил: — Отпусти ее и разойдемся краями! Я дам тебе уйти, слово даю!

— Пистолет на землю! — закричал Костик, чуть не соскочив от волнения на фальцет.

— Да хрен тебе! — рявкнул Башкирцев.

— Я ее пристрелю! — запаниковал Костик.

— Да сейчас! — проигнорировал его заявление Илья и пообещал в свою очередь: — Я тебе яйца на ходу отстрелю! — И мгновенно выхватил оружие из кобуры и рявкнул так, что мы с Костиком оба дернулись одновременно: — Быстро!! Пистолет на асфальт и отошел от нее!!

Вот как он это делает?

Когда мы жили вместе, я, наверное, раз тридцать просила Илью показать мне, как он выхватывает пистолет — бесполезняк! Успеваешь заметить только момент, когда он сгибает руку в локте и... — а дальше смотри, хоть глаза все высмотри: невозможно проследить это движение —

раз, и уже на тебя наставлено дуло пистолета! Он объяснил, что его обучали и натаскивали спецы какого-то засекреченного подразделения.

Высший класс!

Кстати, то, что Башкирцев носит постоянно при себе оружие, говорит о том, что он не просто так сюда заявился, бывшую жену проведать и помочь ей по старой любви и дружбе в сложной ситуации, а находится во вполне официальной командировке.

Так что про цель его визита все весьма туманно и неоднозначно.

Это у меня от нервов мысли в голове скакали со световой скоростью.

На самом деле я была уверена, что этот дурацкий балаган на этом приказе Башкирцева, выкрикнутом таким голосом, что даже мне стало страшно, и закончится, однако ошиблась. Костик оказался крепче, чем можно было предположить, и выстрелив верх, снова ткнул меня пистолетом в бок трясущейся рукой и дрожащим от страха голосом, но все же достаточно твердо ответил:

— Мы уходим!! Освободи нам путь!! — и стал пятиться, увлекая меня за собой.

— Иди, — отпустил его Башкирцев, изменившись в лице.

Если бы я была на месте парня, то, увидев такое выражение лица человека, собирающегося тебе противостоять, обделалась бы по полной, бухнулась бы на колени и начала тут же умолять о прощении, а заодно молить Господа помиловать меня.

Выражение его лица было настолько пугающим, не искаженным гневом или яростью — нет, скорее спокойным, но наполненным силой и энергией намерения, которые просто сшибали, обескураживая, а выражение волчьих глаз обещало очень конкретное и сильно нерадостное будущее со смертельным исходом... Причем ближайшее.

Бр-р-р!! Даже не предполагала, что Башкирцев может ТАК смотреть.

Бедный криминальный элемент, который он ловит, достается ему! Куда там какому-то Костику против Ильи! Да и какое там против, и вскользь-то хилват проходить!

Парень и сломался сразу, но снова я его недооценила.

— Бежим!! — перепуганным донельзя голосом, давшим «петуха» от страха, крикнул он, словно я была его подружкой по играм в стрелялку.

И сильно, но достаточно больно ухватив меня выше локтя, рванул с места. Ничего не оставалось, как бежать рядом с ним.

Было бы совсем уж непростительной ошибкой считать Костика просто идиотом — э-э-э, нет, ребята, этот мальчик далеко не прост. Более того, это очень умный и хитрый молодой человек, правда, с несколько искаженной

соцсетями, Интернетом и американскими фильмами картиной мира, но все же недооценивать его оказалось бы опасной ошибкой.

И я про этого Костика кое-что знала, думаю, что побольше, чем наши доблестные полицейские, поэтому с выводами не торопилась и расслабляться и недооценивать его не собиралась — этот молодец способен на весьма гнусные вещи, а идеями морали и совести не обременен.

Пробежав метров триста по аллее, он, а подчиняясь ему, и я свернули на одну из дорожек, а с нее еще на одну, пробежали по той метров сто и еще раз свернули. Он явно не вслепую метался по кладбищу, а бежал уверенно и целенаправленно. Если так пойдет, то меня Башкирцев еще чего доброго потеряет.

А этого нам не нужно.

И на бегу я полезла свободной рукой в карман пиджака, стараясь делать это незаметно, нащупала там смартфон, умудрилась его включить, но пришлось пару раз набирать пароль, пока мы не остановились на три секунды, когда Костя осматривался на местности, по всей видимости, выглядывая ориентиры, и мне удалось наконец наткнуть пальцем правильный пароль.

Дальше было сложнее — требовалось набрать телефон Ильи.

Пришлось рискнуть и достать смартфон из кармана, но Костя этого не заметил — ребята, сколько можно повторять: не профессионалы, не беритесь за то, что не умеете делать хотя бы хорошо. Какой бы настоящий бандит, браток или любой другой представитель криминальной сферы позволил мне вообще оставить у себя средство связи? Да даже человек с более крепкими нервами, чем у Костика, и то в первую очередь вспомнил бы про телефон.

А у парня сейчас адреналин зашкаливает, страшно ему, «бздляво» до жути, как называет это состояние у преступников Илья. Костик хоть и не в панике удушающей, но сильно дергается, забывает о важных мелочах, которые и губят, как правило, даже самые продуманные операции.

Мне ли не знать! Мне про это в свое время все мозги проклевывал Башкирцев. И как выясняется прямо сейчас в экстремальных обстоятельствах — не зря!

Не сводя глаз с Костика, пряча руку под свою небольшую сумочку, висевшую на груди, я практически вслепую первым делом отключила звук, поставив аппарат на вибрацию, и набрала наудачу скайп Ильи, вспомнив, что вроде бы при подъезде к кладбищу видела вышку 4G, еще тогда усмехнулась про себя, подумав, что поставили ее, чтобы у покойников была надежная связь. Не знаю, как у покойников, а Илья ответил сразу, вернее не

ответил — он же очень умный, очень! — ответил молча.

Я посмотрела на Костика, продолжавшего сосредоточенно вертеть головой, осматриваясь по сторонам, а после двигаясь в одном ему известном направлении, но уже не бегом, а быстрым шагом. И, стараясь делать все осторожно, повернула телефон так, чтобы показать сначала пистолет в руке похитителя, который он, понятное дело, уже не приставлял к моему боку, а просто держал, а потом перевернула экраном вперед по ходу нашего движения.

Пистолет для того, чтобы они знали, каким оружием владеет злоумышленник, кажется, Илья повторял несколько раз в той нашей совместной жизни, что это важно, какое у бандитов оружие.

А вот получают ли у меня натурные съемки местности — вопрос, поскольку приходилось постоянно следить за Костей, ну уж как могла, так и снимала.

Но скоро наши кладбищенские бега закончились, Костя остановился возле дыры в старом каменном заборе, в самом дальнем углу кладбища, где уже несколько лет никого не хоронили, я еле-еле успела сунуть смартфон в карман, и приказал:

— Сюда. Я вас подсажу. — И попросил строго: — Только не делайте глупостей, Кира Андреевна, не надо пытаться бежать или еще что-то. Я выстрелю, не сомневайтесь.

— Да уж какое тут... — проворчала я и полезла в дыру.

Он почти сразу оказался возле меня, снова взял за руку, и мы начали спускаться по откосу в довольно крутой овраг, поднимавшийся по другому краю на дорогу. Но на какую-то другую дорогу, не ту, по которой мы ехали сюда.

Идти было тяжело через высокую траву и жесткие стебли растений, Костя торопливо двигался впереди и тащил меня за собой, держа выше локтя, мне снова удалось достать смартфон, и я уже практически внаглую, только лишь руку отвела в сторону, навела камеру на дорогу и дальше до каких-то непонятных строений. А когда мы, сопя, помогая себе руками, едва не на четвереньках вскарабкались вверх, так я и вовсе умудрилась «панорамку» дать со стоявшими у обочины несколькими припаркованными машинами.

И даже сунула аппарат обратно в карман. Успела.

Я не боялась. Не знаю почему, может, потому что дурочка.

Но как-то мне было стыдно бояться этого мальчика, хотя я совершенно четко осознавала, насколько он опасен.

Но то ли мне за эту неделю так уже осточертело пугаться и

переживать, то ли просто разыграл характер, не позволявший кланяться перед каким-то зарвавшимся пацаном — не знаю.

Вообще-то роль жертвы не была моим амплуа по жизни, да и страха такого уж прям сильного я не испытывала, было опасение, повышенное внимание и сосредоточенность и еще абсолютная уверенность, что Башкирцев меня вытащит из очередной передраги.

Так что впадать в уныние я, пожалуй, погожу — успею еще.

Тем временем мы снова куда-то бежали. На сей раз недалеко, метров двести по дороге, пока Костя не остановился у неказистой, старенькой «девятки». На ней даже сигнализация не стояла — он отпер водительскую дверцу ключом и распорядился:

— Забирайтесь, Кира Андреевна, и перелезайте сразу на пассажирское сиденье. — И для убедительности своего права приказывать ткнул меня дулом пистолета в спину.

«Да что ты тыкаешь!» — раздражилась я, но пока только мысленно.

— Поторопитесь, — потребовал он, явно сильно нервничая.

Я бы на его месте не просто нервничала, я бы... впрочем, я уже упоминала, что с моей точки зрения ему надлежало бы делать.

— Я не могу быстро, Костя! — громко и недовольно заявила я. — Это же не джип какой и не автомобиль представительского класса, а «девятка» задрипанная, тут не поскачешь.

Выступала я с конкретной целью, смартфон же не отключен, и он продолжает транслировать в прямом эфире наше общение с похитителем.

И все же мне удалось довольно шустро переползти на переднее сиденье. Костик тут же запрыгнул за руль, даже чуть подтолкнув меня сзади, пока я перетаскивала вторую ногу, завел машину и рванул с места.

Он гнал, непроизвольно все ускоряясь и ускоряясь, и чуть не повернул под кирпич на однополосную боковую дорогу.

— Костя! — очень строгим тоном прикрикнула я на него. — Немедленно возьмите себя в руки! Вы нарушаете правила, вас сейчас гаишники остановят, они же не знают, что у вас тут заложник и пистолет. И что вы, палить начнете? Остановитесь, переведите дыхание, возьмите себя в руки.

Как ни удивительно, но он меня послушал, остановился у старого покосившегося бетонного забора, ограждающего какое-то брошенное предприятие в промышленной зоне, но мотор не глушил.

— Подышите, — посоветовала я ему. — И постарайтесь успокоиться. А то угробите нас обоих. — И, разумеется, попыталась его вразумить очередной раз, не уговаривала, а констатировала ровным тоном факты. —

Чтобы совершать реальные преступления, нужен холодный трезвый ум. А вас трясет.

А еще характер, решимость и сила намерения, чтобы решиться на что-то дерзкое и осуществить свое намерение. Нынешние мальчишки, которые так и остаются мальчишками и после тридцати, за компами, конечно, все герои. Там они крутые, бесстрашные, умелые и ужас какие решительные. А в реальной жизни неврастеники, которые теряются перед любым препятствием и трудностью.

Потому что реальность, как они сами говорят: шибает! Потому что все взаправду, и если большой и страшный дядечка навалит тебе трендюлей, то тебе будет так больно, что ты с ума можешь соскочить со всей своей тонкой компьютерной душевной организацией. И дубль жизни не получить, и аптечки с боеприпасами по дорогам почему-то никто не разбросал.

А в жизни все физика-химия и болит по-настоящему, и «делают» тебя все кому не лень по-настоящему, и расплачиваться за все приходится тоже по-настоящему.

Эка меня от нервов понесло-то в рассуждения!

Я присмотрелась к парню — этот не сопляк тщедушный, характер у него какой-никакой есть. Характер и злость, а еще жадность неумная, которая и определяет силу его намерений. Его, конечно, поколачивает, и руки вон трясутся так, что ему пришлось посильней вцепиться в руль, аж костяшки пальцев побелели, чтобы остановить этот тремор и сделать несколько вдохов-выдохов.

Он может быть опасным еще и потому, что до конца не отдает себе отчет, что его на самом деле могут задержать, просто он в своем мозгу не прокручивал такой вариант. Прокручивал, разумеется, но отвлеченно, как виртуальную реальность.

Все же компьютерная реальность искажает картину мира очень значительно.

Помнится, как-то Илья объяснил мне специфическое восприятие мира человеком, готовым на подлости и преступления: такой субъект никогда не связывает преступление с наказанием, а неизбежное наказание воспринимает отдельно. Всегда переживая его, как незаслуженное.

Вот и этот такой же — он убежден, что имеет полное право творить то, что хочет. А вот наказывать его это неправильно, потому как он исключительный до невозможности.

Но боится, сучонок, все равно — ну а вдруг все же прилетит по мордасам, а?

Бог с ними, с рассуждениями: совсем неуместно сейчас, это у меня от нервов — а он вон уже отдышался и пришел в себя.

— Костя, — спросила я, — у вас есть какой-нибудь нормальный план? Честно говоря, я не понимаю ваших метаний. Вам следовало банально изменить внешность, коли показалось, что за вами следят, контактные цветные линзы, ватные тампоны под щеки, парик, а неприметная машина у вас вот есть. И спокойно без суеты и нервов, объездными дорогами мимо постов ГАИ, выехать в соседний крупный город и на электричках куда угодно. И вы все еще можете это сделать: посадите меня, и обещаю, что, скажем часа четыре я не появлюсь нигде и вы сможете спокойно уехать.

— У меня другие планы, — снисходительно усмехнулся он. — Кира, — отбросив мешающее «Андреевну», обратился он ко мне, — Аркадий Павлович на самом деле сильно вас любил...

— Вы ошибаетесь, Костя, — перебила я его, — Аркаша любил только себя, баловал, холил-лелеял, сюсюкался с собой, прекрасным. И такое чувство, как любовь к другим людям, было ему генетически недоступно. Он мог играть в любовь или добиваться некой влекущей игрушки. И ничего более.

— И тем не менее он любил вас и пытался вернуть, когда вы от него ушли, — с намеком на недовольство настаивал он.

— Да все это самолюбование и игра на публику, дескать, смотрите все: вот я какой великолепный мужчина, способен на красивые поступки ради женщины. Это все такая фигня, Костя.

— И все же вы были единственной женщиной, которая вызывала в нем такие сильные чувства.

Мысленно я дурела от тупости происходящего — он взял меня в заложники, пистолетом тыкал и сидит теперь и разговаривает со мной о любви Аркаши, вместо того, чтобы сматываться.

Идиотизм крепчал.

Хотя я уже поняла, куда он клонит и какую идею вынашивает. Ну-ну!

— Ну, хорошо, предположим, что какие-то чувства ко мне он испытывал, и что? — раздражилась я.

— Всем в городе известно, что Андреев заваливал вас подарками, ювелирными украшениями и так далее. Он мог оставить вам какие-то документы, ценные бумаги.

— Ах вот в чем дело! — изобразила я озарившее меня понимание и вздохнула тяжко. — Костя, вы хотя бы представляете, сколько раз мне задавали эти вопросы и какое количество людей, и каких именно людей, когда Аркадий сбежал? Хотя бы приблизительно?

— Это могут быть не бумаги, а какие-нибудь безделушки, сувениры, милые вещицы, истинную ценность и предназначение которых вы не понимаете, — напрягся он, явно начиная заводится.

— Костя, — стараясь выдержать спокойный, доброжелательный тон, принялась объяснять ему я, — я подала на развод с Аркадием через две недели после нашей свадьбы, большую часть времени, пока мы жили вместе, он провел в командировке. И уходя от него, я не взяла ничего из того, что он мне преподносил. Вообще ничего, даже сувенирный магнитик на холодильник. Ни клочка бумажки или салфетки, никаких тряпок, украшений и драгоценностей, вообще ни-че-го!

— Он должен был вам что-то оставить! — заводился парень все больше. — Не мог не оставить! Вы единственная, кто ему был дорог!

— Ну, господи, спаси и все угодники иже с ним! — возмутилась я. — Опять все сначала!

— Так! — вдруг принял он решение. — Мы сейчас поедem в одно тихое место и там спокойно поговорим!

— По-моему, из самого тихого места из всех возможных мы только что сбежали, — усмехнулась я невесело.

— Там тоже хорошо, — пообещал что-то туманное Константин, завел машину и тут же резко повернулся ко мне. — Дайте мне ваш телефон!

Ну вот, а я понадеялась на его нервную забывчивость. Все же он опасен именно импульсивностью, непредсказуемостью и изменчивостью настроения.

Может, нюхает что-то? Хотя не похоже, просто на нервах, видимо, в настоящую передрыгу не попадал никогда, так, все за экраном компа, там, конечно, тоже понервничаете, да еще как, особенно занимаясь серьезными делами... но ведь можно прерваться, встать и, скажем, чайку попить, в туалет сходить, а то и вовсе выйти из игры или программы.

— Мне будет очень жаль, если вы его разобьете, — вздохнула я, доставая смартфон, успев в кармане нажать на отбой.

Он забрал у меня аппарат, открыл до конца стекло на своей дверце и, размахнувшись, закинул его через забор.

Жаль. Но не смертельно, все контакты у меня продублированы по нескольку раз в обычной записной книжке и на флешке.

А вот упоминание о тихом месте, где он собирается со мной приватно беседовать, мне очень не понравилось.

Да что они все, с ума посходили?!

Один идиот сделал пластику и, изменив лицо, зачем-то вернулся, а за ним дура его приперлась, да и Макс пересидел лишнего, вот уж точно: до

смерти, и этот туда же! Бежать он теперь не намерен, собрался подзадержаться!

Мне уже пугаться, или еще можно подождать?

Пока я мысленно возмущалась, Костик выруливал по каким-то заброшенным промышленным окраинам и где-то через минут десять заехал по валявшимся на земле воротам на территорию какого-то разваливающегося завода. Нас изрядно потрясло по кочкам и разнообразному мусору, раскиданному вокруг, и мы въехали под крышу огромного заброшенного цеха.

И подъехали к старенькому «фордику», стоявшему прямо у ворот здания.

— Давайте спокойно, — распорядился Костя. — Тем же образом: я выхожу, вы вылезаете из машины через водительскую дверь и так же забираетесь в другую машину.

Ну, блин, физкультура и спорт у меня сегодня сплошные! Забеги по пересеченным местностям и лазанье через препятствия!

— Скоро приедем, — подбодрил он меня, заводя машину.

Да никуда я не хочу с тобой приезжать! И где, скажите на милость, наша доблестная полиция? А?

— Нас не найдут, — словно прочитав мои мысли, успокоил меня Константин таким тоном, словно я была его возлюбленная, с которой он совершал побег от злых родителей.

Дурдом!

Попетляв по каким-то проулкам между корпусами бывшего завода, он вывел машину на одну из окраин города и спокойно повел к центру.

А что бы не остаться на заводе? Кто нас там найдет? И вполне себе подходящее место для беседы, на мой взгляд. Что-то мне это все меньше и меньше нравилось!

А мы все ехали и ехали, проскочив насквозь город и оказавшись на другой его окраине. Постояли у переезда, пропуская поезд, а перевалив через рельсы, Константин сразу свернул налево на грунтовую колею, шедшую вдоль путей, и не спеша покатил вперед.

Где-то через полкилометра он свернул еще на одну грунтовку, и я догадалась, что он объезжает пост ДПС на западном выезде из города.

Приблизительно через полчаса мы выбрались с грунтовок на шоссе и покатили в направлении на Москву.

Так и ехали в напряженном молчании. Все-таки нервишки у мальчика не крученые, и он все чаще настороженно смотрел в зеркало заднего вида, высматривая погоню, и все больше напрягался и нервничал, это было

заметно. Понятно — первый адреналин спал и пошел откат всей нервной системы.

Но он держался. А скоро мы и вовсе приехали в то самое, обещанное мне тихое место.

Этим местом оказалась деревня. Простая придорожная деревня, разделенная надвое трассой: деревянные дома, где бревенчатые, где брусовые, несколько кирпичных хором, огороды-сады, куры-гуси в свободном променаде вдоль дороги, коровы мычат, трактор сломанный сто лет стоит в главной луже поселения.

Деревня как деревня, но заезжали мы в нее хитро — сначала проскочили насквозь и отъехали с километр, после чего свернули на проселочную дорогу, а с нее на ту, что вела вдоль поля, проехали еще с километр к лесу, а вот там повернули и по кромке леса медленно, не поднимая пыли, покатали к деревеньке и у крайних домов съехали в поле за небольшой холм.

Вдоль холма, пробираясь, как тати какие ночные, еле-еле двигаясь, медленней, чем быстро идущий человек, докатились до явно заброшенного участка, заросшего травой выше пояса, въехали на его территорию.

— Выходите, — заглушив мотор, отдал приказание Костя и вылез первым.

Пришлось и мне выкарабкиваться тем же манером, что и залезала туда. Ох, Костя, Костя, поймает тебя Башкирцев, попрошу его от меня лично навалить парочку горячих для ума — достал ты со своим спортом!

Вылезла. И он потащил меня поднимать забор и маскировать машину.

— Не буду! — отказалась я, глядя на покрытые мхом от старости и сырости доски того, что некогда было забором. — Не стану я их поднимать, хоть стреляйте! Мне еще надорваться и подхватить какую-нибудь заразу не хватало! Вы мужчина, вы эту хрень придумали, вот вы и поднимайте!

— Может, вам еще и пистолет отдать? — язвительно поинтересовался он.

— Да идите вы знаете куда, Костя! — почти нежно порекомендовала я. — К тому же это глупо: если этот забор валяется здесь черт-те сколько от начала времен, а потом его поднимут, у местных возникнут обоснованные подозрения и нездоровый интерес.

Он задумался над моими словами, решил забор не поднимать и дал новое указание:

— Распрямляйте траву, чтобы за ней не было видно машину.

О, господи, святые угодники, послал господь захватчика! — повздыхала я про себя.

Но идея с травой была не так уж и плоха, а я не особо торопилась с исполнением. Да и зачем мне — никуда не спешу, воздухом дышу, опять-таки спортом занята: наклоны называется новое упражнение — нагнулась, подняла примятые толстые стебли и распрямила — вни-и-из и вве-е-е-рх! Дышим ровно, мышцы расслаблены — и-и-и — раз — внии-и-из, и два — вве-е-ерх!

— Поторапливайтесь! — одернул меня Константин, присмотрелся и вынес вердикт: — Нормально. Не видно от забора, значит, вообще не видно.

Страус тоже считает, что его не видно, когда голову прячет, а жопу выставляет! Впрочем, не моя проблема.

— Идемте, — прихватив мою руку выше локтя, он потащил меня за собой.

По высокой траве, скрывшей под собой любые тропинки-дорожки, мы пробрались к покосившейся избенке. Поднялись по скособоченным гнилым ступенькам на небольшую верандочку, Костя пошарил под козырьком над покосившейся дверью в облупленных ошметках остатков краски, достал большой железный ключ, открыл замок и распахнул дверь.

— Проходите, — подтолкнул он меня вперед.

Попав со света в темень, я как ослепла враз. Пахло подвальной затхлостью и плесенью погибающего дома и чем-то кислым.

— Идите-идите, — подтолкнул он меня снова вперед и вдруг удивил, произнеся с каким-то добрым гостеприимством: — Сейчас плитку включим и чаю попьем. А то я от этого дождя весь мокрый.

Ну надо же!

Вскорости глаза привыкли к темноте помещения, и я начала различать очертания предметов. Мы прошли в большую комнату, и Костя, хлопнув по переключателю, зажег свет.

Тусклая лампочка в старой люстре из пожелтевших пластмассовых висюлек а-ля хрусталь осветила убогую картину покинутого жилья: голая сетчатая ржавая кровать, продавленный и сломанный диван и такое же кресло непонятного цвета обивки, парочка колченогих стульев... и новенький крепенький небольшой стол и три табуретки возле него. И... маленький телевизор на неразбитой, но потрепанной временем тумбочке. А рядом со столом кухонный шкаф, самый простой, но новенький, покрытый свежей клеенчатой скатертью, поверх которой стояла двухконфорочная электроплита, электрочайник и железная сушка для посуды, заполненная тарелками и чашками вполне приличного вида. И в дальнем углу то, что я не заметила сразу — новый небольшой диван, со сложенным на нем в

уголке стопкой постельным бельем и пледом.

Значит, берлога.

— Я иногда здесь бываю, — подтвердил мои предположения Костя. Прошел вперед, взял чайник, посмотрел на меня с сомнением и попросил: — Давайте, Кира, спокойно попьем чай, и вы не будете совершать никаких глупостей, типа пытаться убежать, прыгать из окна или звать на помощь.

— Да уж куда мне до ваших глупостей, — тяжело вздохнула я и махнула ему рукой. — Идите за водой, обещаю в необоснованный героизм не впадать.

— Все-то у вас шуточки, Кира, и иронические высказывания, — попенял он.

— Это мой способ справляться со стрессом и страхом, — пояснила я вполне честно, а еще на всякий случай, чтобы излишне его не раздражать.

— Что-то вы на испуганную не похожи, — с подозрением глянул он на меня и принялся исправлять это упущение, пострадав: — А зря, дело ведь серьезное. Если что не так, я вас убью и не сомневайтесь.

— Да какие тут сомнения, — снова вздохнула я, слушая этот бред наивный.

Он хотя бы представляет, что значит выстрелить в человека? Реально убить? Не в стрелялке и не умозрительно, подписывая приговор и не видя своими глазами его реализацию? Какую надо иметь внутреннюю мотивацию и смелость, чтобы убить человека — вот так стоять, смотреть на него и выстрелить!

Хотя можно и от страха пальнуть. От страха люди часто творят жуткие вещи.

— Идите, Костя, — устало махнула я снова рукой. — Я тоже замерзла и хочу чаю.

Он по-киношному лихо засунул пистолет за ремень джинсов на спине, подхватил чайник, вышел и начал перекрикиваться со мной из сеней.

О боже, боже, послал же ты мне захватчика, а ну да, я, кажется, уже сетовала.

— У меня тут бак с чистой водой стоит, я привез.

— Это ваш дом? — прокричала я в ответ.

— Мой, — ответил он. — Только куплен на имя другого человека.

Чайник мы поставили подогреваться, Костя вытащил из кухонного шкафчика заварку в пакетиках, мед, сушки, сухари. И вскоре мы почти семейному устроились за столом пить чай.

Первые глотки смаковали в удовольствие и просто грелись, только

теперь обнаружив, что промокли и замерзли серьезно, а потом начали говорить.

— Кира, — по-доброму обратился ко мне Константин, — вам придется вспомнить все, что связано с Андреевым. Может, он сказал что-то, намекнул или какую-то открытку поздравительную подарил-прислал, или что-то еще. — И почти с жалостью попросил: — Надо вспомнить. И лучше, если вы сделаете это сами.

— Как я понимаю, Костя, вы хотите найти деньги, которые украл Аркадий? — спросила я нейтральным тоном.

— Конечно, хочу! — убежденно уверил он.

— А скажите, вы отчетливо себе представляете, какие организации и какие именно люди их ищут? То есть вы собираетесь конкурировать с государственными органами и парой-тройкой криминальных авторитетов области?

— А почему нет? — по-мальчишески задорно усмехнулся он и заверил: — Они ничего не найдут.

— А вы найдете, — подсказала я.

— А я найду, — весело согласился он.

— А они найдут вас, — устало-иронично усмехнулась я.

— Не найдут.

— Ну, хорошо, оставим эту полемику, — предложила я и спросила: — И каким образом вы намерены искать этот «клад»?

— Вы мне скажете.

— О господи! — разом как-то устала я. — Снова — здорово! — и поинтересовалась с искренним любопытством: — Нет, вы на самом деле считаете, что я могу что-то вам сказать такого, что не сказала целому отряду следователей и приводящим весьма убедительные доводы к откровенности представителям криминальных структур? И думаете, что я могу что-то знать?

— Но зачем-то Андреев вернулся, — настаивал Константин с упорством гончей, взявшей след. — Значит, деньги где-то здесь. И то, что он пришел именно к вам и его убили в вашей квартире, говорит о том, что ключ к деньгам находится именно у вас.

Логика в его словах была определенно — действительно, зачем-то же Аркаша вернулся и почему-то оказался у меня дома. Удивительно только, что все заинтересованные стороны не кинулись меня умыкать наперегонки и требовать того же, что требовал от меня сейчас Константин.

Или сегодняшнее шоу это только начало? Не хотелось бы снова встречаться с представителями различного рода государственных структур

и возобновлять общение с нервными ребятами с характерной внешностью из противоположного лагеря.

Вполне обойдусь без такой популярности.

— Но я не пытаюсь что-то скрывать, да и не пыталась никогда, и на самом деле никаких таких намеков и вещей, указавших бы на деньги, Аркадий мне не оставлял, — с максимальной честностью убеждала я его.

— В том-то и дело, что я уверен, что вы все же обладаете информацией, смысла которой и ценности просто не понимаете, — уверял он воодушевленно.

— И мы вернулись к тому, с чего начали, — вздохнула я. — И как, по-вашему, я сообщу эту информацию, если я не понимаю и не знаю, что она важна?

— Есть специальные психологические методики, тот же гипноз, но мы к ним прибегать не станем: это долго, да и я не специалист в данной области. Мы попробуем иначе: у меня есть препарат, нечто вроде сыворотки правды. Вколю вам, и мы поговорим.

На полном серьезе, с блестящими от азарта глазами, с каким-то прямо сектантским вдохновением объяснял он мне с безыскусной простотой и детской радостью от предвкушения новой увлекательной игры.

— Костя, вы с ума, что ли, сошли? — строго спросила я. — Что за бред? Какая сыворотка?

— В общем-то обыкновенная, — похвалился он. — Вы знаете, Кира, что в Интернете можно найти и купить все, что угодно. В том числе формулу этой самой сыворотки правды и составляющие ее ингредиенты. Не так уж это и сложно. А мне даже не понадобилось ее изготавливать, я приобрел уже готовый препарат.

— Вы сами-то себя слышите, Костя? — поинтересовалась я с осторожностью, ибо клиент показался мне несколько не в себе. Я бы даже сказала: сильно не в себе. — Вы как это себе представляете? Вот вы сделаете мне укол и что вы спросите? Коды-явки-пароли?

— Нет, мне нужны только коды доступа к счетам.

— Всего-то! — восхитилась я радостно.

— Не надо шутить! — одернул он меня, переменившись в момент из простодушного паренька в опасную личность с неустойчивой психикой.

Да уж какие тут шутки! Я реально оценивала наше текущее положение и перспективы, как-то все больше уверяясь в своем подозрении, что мальчик-то не совсем адекватен.

А это опасно. Причем более чем.

И собралась ответить Костику что-то успокоительное, уверить в моей

полной лояльности, чтобы как-то его заболтать.

Но дальнейшей беседы у нас не получилось.

Мое освобождение прошло по-простецки, я бы даже сказала, буднично: без выноса окон-дверей, криков и выстрелов.

С крыльца донесся какой-то звук: вроде как что-то шлепнулось или упал объемный, но не тяжелый предмет.

— Что это? — дернулся всем телом Костя, повернув голову в сторону звука.

И мы оба сосредоточенно прислушались. Тишина — ничего.

Такая плотная, звенящая тишина, и все.

— Может, ступеньки с козырьком от старости обвалились наконец или кошка какая-нибудь? — предположила я.

— Сидите тихо и не двигайтесь, — приказал он напряженным голосом и предупредил: — Не заставляйте меня вас связывать.

— Не буду, — пообещала я со всей искренностью.

Костик, взяв в руку пистолет, стараясь двигаться бесшумно, подошел к одному из окон, медленно отодвинул край занавески и долго всматривался в заросли, некогда бывшие огородом.

Потом кивнул мне предупреждающе и вышел тихо из комнаты, а я смотрела, как он проделал то же самое у другого окна, выходящего на крыльцо. Последовательно обойдя все окна и из всех посматрив на участок, Константин подошел к входной двери, приложил к ней ухо и стоял так несколько минут, старательно прислушиваясь.

О господи, еле сдержала я тяжкий вздох, хорошо хоть не бандюки грамотные, а просто мальчик с завышенными желаниями, жадностью и раздутым самомнением, мешающим объективному видению действительности, а то бы мне не выбраться из этой передраги.

Костик, решившись на вылазку, очень осторожно — по сантиметру, чтобы не издавать звуков, — отодвинул щеколду и так же медленно открывал дверь. И, перехватив пистолет двумя руками, стал осторожно выходить на веранду.

И ему грамотно и от широкой щедрости Башкирцева прилетел короткий, четкий и резкий удар в ухо. Не до убийства, всего вполсилы, зато от всей души.

Никаких звуков Костик не издал, а, раскинув руки в стороны и выронив пистолет, рухнул на спину, как и стоял, во весь рост, и потерял сознание.

Я вздохнула безнадежно, поднялась с места, подхватила свою сумочку и пошла к выходу.

— Дорогая, ты в порядке? — не то чтобы слишком обеспокоенно спросил Башкирцев, но все же с явной тревогой в голосе.

— Не называй меня «дорогая»! — потребовала я недовольным тоном и, старательно перешагнув через лежавшего без сознания Костика, вышла наружу.

Нашли они нас быстро и достаточно просто.

Мой «репортаж» оказался весьма полезен.

Понятно, что полиция вела запись с моего скайпа, и просмотрев внимательней и укрупняя планы, «девятку» они эту вычислили.

Они бы ее и без моей помощи вычислили, но потратили бы больше времени и могли нас упустить. Тут сыграло два фактора — первый, что Костика ничего не показалось, и его на самом деле «разрабатывали» как одного из возможных фигурантов дела, а вместе с ним бывшего главного бухгалтера, и ответственного директора, и главного инженера, и еще парочку людей из распавшейся конторы Аркаши и Макса.

А поскольку его вели, то приобретение двух машин, и двух сотовых старой модели, и неименных черных номеров к ним не осталось без внимания оперативников.

Ну а дальше все просто — Косте казалось, что он обезопасил себя со всех сторон, проведя сделки через Интернет, а после «зачистив» все возможные следы.

Но повторяюсь еще раз — ребятки, когда вы встаете из-за компьютера, то попадаете в реальный мир с реальными законами. Если твои телодвижения подозрительны, они вызывают определенные вопросы. Такие, как, например, зачем простому системному администратору, не замеченному ни в каких криминальных делах, две машины на подставных лиц и одноразовые сотовые телефоны с «черными» номерами?

А уж когда он закатил свой «бенефис» на кладбище, то и избенка в глухой деревеньке обнаружилась, приобретенная через третьи руки. Это пока мы там с ним по полям-лесам тайными грунтовыми катились, ребята из отдела «К» вычислили эту «дачку».

Кстати, и отдел «К» работает, и круто работает, чтобы вы знали — это я особо умным напоминаю.

Да еще этот идиот проторчал возле развалин заводских лишние пятнадцать минут, общаясь со мной, мог бы и уйти за это время, если бы правильно построил маршрут и не тормозил во всех отношениях. И вторую машину надо было ставить за зоной первичного обнаружения.

Дилетанты и дешевая самодеятельность раздражают ужасно. Правда?

А вот так возьмет тебя в заложники какой-нибудь придурак, и

думаешь: да ладно, пусть будет дилетантство, и вроде как и ничего! Правда, такой вот деятель может по дури от непонимания да от страха таких дел наворотить, что... лучше уж все же без самодеятельности.

Обнаружили нас быстро, телефон его засекли и покатали тихонько за нами, а уж у деревеньки, поглядывая с трассы в оптику, как мы там партизанскими тропами крадемся, вычислили и дом, запустили полицейского дрона-беспилотника, — и вся моя работа по камуфляжу «фордика» насмарку — полетал он над избенкой, и машина та, что в поле слон, как на ладони.

А дальше должен был работать ОМОН, но без Башкирцева не обошлось — полез впереди всех полковник московский, к всеобщему неудовольствию местных полицейских! Я бы тоже на их месте обиделась.

Но за фирменный хук справа Илье все же мое отдельное женское спасибо! Что красиво, то красиво — ничего не возразишь!

В город мы двигались целой колонной: полицейские машины, микроавтобус с силовиками и машина Вити с Валея, в которую усадили и меня, Илья Георгиевич ехал с каким-то местным начальством, нам с ним не удалось даже перекинуться парой фраз.

Потянулись долгие часы в участке с дачей показаний, бесконечными вопросами с вариациями на одну и ту же тему. Хорошо хоть Марчук нынче не выступал, придерживав свой характер, в мой адрес кислые морды не корчил, а я бы даже сказала, наоборот, обращался с подчеркнутым уважением и еле уловимым сочувствием.

А когда мы закончили и я подписала все показания, в кабинет зашел начальник Марчука и пригласил меня на совещание.

Да-да, именно так! Для меня сделали небывалое исключение из всех правил и пригласили на итоговое совещание по этому делу как наиболее пострадавшую сторону и в знак уважения. Скорее, деду моему, которого начальник областного управления полиции хорошо знал.

Слово с самого начала взял Башкирцев, да так его и не отдавал, лишь иногда обращаясь за пояснениями к местным оперативникам.

— Когда к нам в управление пришел запрос из вашего города на гражданку Юдину, проходящую фигуранткой по этому делу, я заинтересовался личностью обнаруженного в ее квартире Андреева, поскольку он и его компаньон Иваницкий уже проходили у нас по некоторым запросам, не вызвавшим тогда никаких сомнений. На первый взгляд информация о них была самой обыкновенной и ничем не привлекательной: родились, учились, уехали за границу, там женились оба на богатых европейках. Открыли вдвоем, как компаньоны, свое дело,

работали с Россией, поднялись, стали инвестировать в различные выгодные проекты, оба развелись одновременно и решили осесть в России. Вроде бы ничего туманного в их биографиях. Но на всякий случай я обратился к нашим давнишним ориентировкам и в Интерпол. — Он обвел собравшихся взглядом, выдержал паузу и закончил фразу: — Вот тут и выяснилось, что таких граждан не существует, как и их так называемых жен, в Германии.

— О как! — поразился начальник отделения подполковник Варин и недовольно проворчал: — Что ж сразу-то нам не сказал?

— Чтобы не уводить следствие в сторону, — пояснил ему Башкирцев, бросив короткий, как бы мимолетный взгляд на Марчука. — Это ведь так соблазнительно: ухватиться за очевидную версию и дожимать только ее. Ну еще бы! Мошенники международного уровня! Какая увлекательная перспектива!

— Ну, ладно, ладно, — примирительно крикнул Варин, верно истолковав прямой, как магистраль, намек Башкирцева. — И что там с международным-то преступным миром?

— С ним, как водится, все в порядке, а эти двое наши доморощенные, наш контингент, куда там заграничным! — усмехнулся Илья и объяснил: — В начале девяностых была такая мадам в Питере, Маркина Людмила Николаевна. До распада Союза работала в Ленинградском областном исполкоме на высокой должности. С приходом перестройки быстро прощелкала перспективу и открыла кооператив на имя своего родного брата Андрея Куликова, которого в свое время устроила директором рынка. Золотая должность, как мы все понимаем. Через свой кооператив эти двое принялись прокручивать такие дела, что статьи устанешь перечислять, но не пойманы ни разу. А в девяносто третьем Маркина организывает финансовую пирамиду. Не МММ и не «Василина», но уровень приблизительно такой же. Единственная разница между ними в том, что у Людмилы Николаевны ума и прямо-таки животной интуиции побольше, чем у тех деятелей. Она весьма тонко и своевременно почувствовала, когда пора устраивать национальную забаву: бег с кассой. И не поскупилась бросить малое: свою недвижимость и кое-какие сбережения, чтобы уйти с главным кушем.

— А я помню то дело, — воодушевился Варин. — Тогда ориентировки на нее и ее семью по всей стране рассылали, в том числе и нам. Искали их плотно, поговаривали, что они каких-то очень высоких шишек питерских кинули на большие деньги.

— Кинули, — кивнул Илья. — И шишек, и многих иных. Но уйти им удалось влегкую: новые паспорта, причем не липовые, а настоящие, новые

личности. Счета в банках Цюриха, Мюнхена и Хельсинки Маркина открыла задолго до побега и возила через Выборг через прикормленных таможенников наличку чемоданами, чтобы складывать в банках. Улетали преступники по одному и в разных направлениях. Все до мелочей просчитала дама. Она вообще женщина уникальная: все семейство у нее в кулаке, всеми делами и родственниками рулила только она, и настолько грамотно, что десятки лет их не могли найти. Да и не искали особо — власти переменялись по несколько раз, обиженные ею чиновники уходили в неизвестность, да и в своей стране хватало, кого ловить. К тому же после нескольких лет переездов все семейство осело в Лондоне, получив гражданство. А с Лондоном, как мы знаем, беседовать на тему выдачи преступников — только нервы тратить. Да и не искали их.

— Что, так себе тихо, по-семейному, и отсиживались? — спросил какой-то полицейский полковник.

— Почти, — ответил Башкирцев. — Уехали они вчетвером: она, ее сын Аркадий, родной брат Андрей и его сын Максим, он старше Аркадия на три года. Маркина к тому времени вдовствовала уж пару лет, а брат давно развелся с женой и жил с сыном. Так что они, как говорил Жванецкий, «относительно нежно расцеловались с родиной». Парней Людмила Николаевна заставила учиться. У ее сына Аркадия получалось не очень: не блистал интеллектом и какими-то дарованиями, кроме врожденной склонности к мошенничеству, а вот Максим учился очень хорошо и закончил Оксфорд. Сама Маркина осела в Англии, приобретя небольшое поместье и открыв вполне легальный бизнес: магазины и несколько кафе, брат ее уехал в Италию и поселился там на побережье, также основав бизнес, только туристический. Ну а братья Аркадий с Максимом искали возможность проявить свои таланты в разных областях и странах. На несколько лет уезжали в Америку, но не прижились, там своих ушлых хватает, вернулись к Маркиной, а она их послала в прямом смысле: то есть я вам все дала, что могла, все стартовые позиции высшего уровня, а теперь будьте любезны — валите и сами отвечайте за свою жизнь. Советом помогу, аферу какую продумать помогу, осуществить тоже помогу, но денег от меня не получите. И ребята вернулись в Россию, ибо только здесь что-то могло работать быстро и прибыльно.

— А откуда столь подробные данные о их жизни и отношениях в семье? — спросил кто-то из присутствующих.

— Об этом я сообщу чуть позже, — пообещал Илья и продолжил объяснение: — Но благодаря аналитическому уму и предпринимательской жилке, помноженной на абсолютное отсутствие морали Куликова Максима,

а также то самое дарование мошенника Маркина Аркадия братьям удалось скопить неплохой капитал. Беда в том, что им постоянно было мало денег. В России сначала изучали рынок, где, как и какие делишки можно обстрепывать, приобрели новые документы и потихоньку подзарабатывали, готовясь к крупной аванюре. На том этапе не брезговали ничем: и черным риелторством, и БАДами, продаваемыми старикам, и аферами с клиниками. А потом, уже с новыми документами и биографией, вышли на строительный рынок и вложились, как иностранные инвесторы, в парочку выгодных проектов, в том числе курируемых государством. И подняли на этом неплохой капитал. Но умная Маркина посоветовала ребятам в Москве не отсвечивать: там, мол, толпы ушлых пройдох за каждый квадратный сантиметр бюджетный грызутся насмерть. Лучше, мол, на белом коне легенды про их якобы Европейский строительный холдинг въехать в провинцию. Честно выстоять какой-нибудь проект, а параллельно с ним обрасти связями, знакомствами, выйти на руководство области и, только став тут своими и любимыми друзьями-братьями, браться за какую-нибудь масштабную аферу.

— Озерное, — вздохнув печально, сказал кто-то.

— Озерное, — подтвердил Башкирцев и восхитился: — Это просто классический развод с привлечением самих же пострадавших к его исполнению и, мало того, к активному участию осуществления данной аферы. Достаточно было на великосветском рауте местной власти пустить слух, что Андреев с Иваницким — будем их так называть для удобства — ведут переговоры в Москве в министерстве природного хозяйства о разрешении на строительство в заповедной зоне коттеджного поселка уровня лакшери для очень и очень высокопоставленных чинов из Администрации президента и высшего руководства. И, как по мановению волшебной палочки, Андреева с Иваницким вызывает к себе губернатор и интересуется данным вопросом. Те мнутя, как школьники, мол, это секретная и до поры закрытая информация, поскольку в проекте, возможно, примут участие такие люди, о которых лучше пока не упоминать, и все в таком духе. Губер ваш тут же сделал стойку: еще бы, в его области будут иметь недвижимость вон те самые люди! И сразу же спросил, чем может помочь. Братья снова помялись и «признались», что тормозит разрешение на строительство, и уверили, что у них исключительно экологически чистое строительство задумано, дома будут естественным образом встраиваться в ландшафт и всяческую другую лабуду из «зеленых» плакатов. Губернатор махнул рукой: дескать, это ерунда, поможем. А следом за ним потянулись со своими предложениями поучаствовать,

помочь и занять там же домик и все остальные богатые и сильно облеченные властью представители области. Братьям оставалось только подписывать согласованную документацию и договора — за них все сделали горячо желающие кучковаться вокруг высшей власти. И никто не усомнился! Ни на минуту! Еще бы: у нас же тут уникальные места, где же еще иметь домик для отдыха серьезным людям! Одним словом, за ушлых ребятишек ваше высшее руководство сделало все само и на добровольных началах. Да еще притащило за собой в проект пару-тройку на самом деле весьма серьезных людей федерального уровня. А парни просто рубили бабло и посмеивались. Заявили первоначальный взнос за участки земли и первичные постройки на стадии фундамента не слишком большой: всего двадцать-тридцать миллионов с носа, объяснив, что дальнейшее финансирование зависит от индивидуального проекта каждого будущего владельца.

— Не дорого... — крикнул от досады Варин.

— Для того контингента, который они привлекли, с их-то размахами и возможностями это даже несерьезно, — поддержал его досаду Илья Георгиевич и продолжил: — И все у них шло своим чередом: братья собирали деньги в кучку и подготавливали трафик для их мгновенного перевода перед самым отбытием, чтобы любая проверка, буде таковая состоялась бы, могла обнаружить вклады все до копеечки, и тщательно продумывали пути ухода за границу, обзаводились новыми документами. И тут случилось непредвиденное. — Он замолчал, выдержав театральную паузу, и медленно повернулся ко мне. — Стихийное бедствие разрушительной силы для братьев — Кира Андреевна Юдина, — и все присутствующие следом за Ильей повернулись и посмотрели на меня.

— Что? — разведя руками в стороны, спросила я раздраженно. — Я-то тут при чем?

— Да при всем! — усмехнулся Башкирцев и вновь повернулся к собранию: — Вы спрашивали, откуда я так точно информирован о братьях. Ну, во-первых, наши коллеги из Интерпола и Европейской полиции, иногда все же сотрудничающие с нами, проделали большую работу, и многие факты и фигуранты по делу о финансовой пирамиде Маркиной были найдены и установлены. Другое дело, что у них она считается добропорядочной налогоплательщицей с безупречной английской пропиской, и никто ни арестовывать, ни выдавать ни ее, ни Куликова-старшего не собирается, впрочем, как и предъявлять что-то братьям, но на контроле все же держат. Ну и второе обстоятельство: Максим Иваницкий вел дневник.

За совещательным столом кое-кто хмыкнул, кто-то матернулся, а кто-то хохотнул на такое сообщение.

— Да, — кивнул Башкирцев, — согласен: для мошенника такого уровня, управляющего и манипулирующего такими капиталами, это, мягко говоря, неосмотрительно. Но как человек с болезненно завышенным самомнением и раздутым эго, при этом абсолютно закрытый и крайне недоверчивый, испытывая потребность с кем-то поделиться, похвастаться своим умом, хитростью и достижениями, он выбрал вот такую форму самолюбования. Собственно, Иваницкий сделал четыре глобальные ошибки. Первая — вел дневники долгие годы. Разумеется, он не таскал их за собой по миру, но кое-какие держал при себе, положив в банковскую ячейку, на открытие и изъятие содержимого которой мы получили разрешение лишь вчера. Вторая ошибка — это расслабившее обоих братьев изумительное чувство вседозволенности, которым они упивались, наслаждаясь безнаказанностью. А нам хорошо известно, что затянувшаяся безнаказанность всегда развращает преступника, лишая его бдительности и осторожности, вызывая в нем обманчивую убежденность, что он умнее и хитрее всех. Попросту говоря, он настолько расслабился и чувствовал себя исключительной личностью, что перестал соблюдать меры безопасности. Третья ошибка — его природная жадность. От этой неумной жадности он приобрел в городе несколько объектов недвижимости «по дружбе» и знакомству с чиновниками за бросовые цены и собирался продать их за нормальную стоимость. Неумная жадность не позволила ему убраться из города следом за братом, и он задержался, ожидая продаж и изображая кипучую деятельность в бесполезных попытках ликвидировать последствия воровства капитала.

— А что ж ему бежать, если Андреев все их деньги увел? — спросил, видимо, все же вышестоящий Варина по должностной лестнице полковник, не проявлявший тем не менее начальственных замашек. — Куда и с чем?

— Вот тут начинается самое интересное, основная интрига дела, — усмехнулся Илья.

— Четвертая ошибка? — усмехнулся понимающе Марчук.

— Вот именно, — кивнул Башкирцев. — Четвертая роковая ошибка, разрушившая многолетний тандем братьев, — и снова повернулся и посмотрел на меня: — Кира наша Андреевна.

— Как, опять я? — возмутилась я.

— Да не опять, а с самого начала, — криво улыбнулся Башкирцев и повернулся к уважаемому собранию. — Первым с Кирой Андреевной познакомился Аркадий и влюбился, с ходу решив, что непременно женится

на ней. Его вдруг посетили мысли о возрасте, о том, что пора создавать семью, и Кира именно та самая женщина, что ему подходит. Но у Аркадия отсутствовало как таковое умение любить хоть кого-то, кроме себя. Зато было слишком развито чувство соперничества и упертая настойчивость добиваться того, что ему вдруг захотелось. Все бы сошло на нет, поскольку Кира не воспринимала его навязчивые ухаживания всерьез, но тут появился Иваницкий. А вот он-то как раз влюбился в нее всерьез и с первого взгляда. Она стала его наваждением.

— Бес в ребро, мозги навыйлет, — вздохнул понимающе Варин и еще разок посмотрел на меня с некоторым, я бы сказала, осуждением во взоре.

— Вот именно, — поддержал его Башкирцев и продолжил свое выступление: — Иваницкий много раз просил Аркадия отступить от девушки и даже предлагал ему некий процент от своей доли куша, чтобы он уступил ему Киру. Аркадий завелся и упорствовал, тем более Кира Андреевна не давала ему повода думать, что у них могут получиться какие-то отношения, что еще больше его распаляло. Вот оба брата и уперлись. И в тот день, когда упорные ухаживания Аркадия все-таки достигли своей цели и Кира согласилась выйти за него замуж, братья ужасно поругались, и оба именно тогда решили, что кинут своего подельника.

— Вот так всегда: женщины губят самые гениальные начинания, — не удержался и театрально вздохнул Марчук, иронично посмотрев на меня.

— Ну да, — саркастически усмехнувшись, «поддержала» я его. — У мужиков завиральные идеи и бзики в голове, а виноваты женщины. И потом, — напомнила я ему и всем собравшимся, — если бы мое присутствие не «погубило», — изобразила я пальцами знак кавычек, — как вы изволили выразиться, их гениальные идеи, то когда бы вы еще их поймали.

— А мы и не поймали, — напомнил Илья, сделав очень строгое лицо, призывая меня к серьезности и сдержанности.

Ну, ладно, ладно, буду сдержанной, раз у вас тут такой мужской междусобойчик! А то выгонят еще, а мне интересно.

— Не поймали, — повторил он, повернулся и обвел суровым взглядом теперь всех сидящих за столом. — Они сами друг друга поубивали, облегчив нам работу. Я не знаю, чем руководствовалась госпожа Юдина, выходя замуж за Андреева, — зыркнул он в мою сторону недобрый взглядом, — но через две недели после замужества она подала заявление на развод и ушла от него. Иваницкий ликовал, решив, что это его шанс, а Андреев искренне недоумевал и пытался вернуть ее, устроив из этого театральное представление для всего города. И в этот самый момент

поступает последний взнос на строительство дома в поселке Озерном, коробочка полна, пора бы бросать все и улепетывать в теплые края со скоростью света. И Аркадий делает финт, который Иваницкий от него никак не ожидал — он кидает брата, присвоив себе все деньги. Вот тут на арену и выходит наш третий фигурант — Константин Юрьевич Боровин. Он уже несколько лет работал с братьями и официально числился в их конторе системным администратором, и вместе с ними приехал сюда из Москвы. На самом же деле Боровин являлся личным хакером Иваницкого. Хакером очень высокого уровня, вдвоем они провернули не одно грязное дельце, на которых оба неплохо зарабатывали, кстати, в полной тайне от Аркадия. Максим старательно скрывал истинное назначение Костика ото всех, ну а тот и сам не дурак, чтобы палиться. Никто не знал о его способностях и возможностях. А ведь это именно он влез во все базы и состряпал липовую биографию Иваницкого и Андреева со всеми подтверждениями в разных инстанциях.

— Это из дневника или из оперативной работы стало известно? — уточнил полковник.

— И из дневника, и из работы отдела «К» нашего управления, — пояснил Илья. — Андреев же и сам был не простым пользователем, а гораздо более продвинутым, чем демонстрировал брату и всем окружающим, что, как ни смешно, тоже скрывал ото всех. В общем, дурили они друг друга с большим душевным удовольствием. И в определенный момент Андреев собрал вещички, прихватил свою любовницу Ольгу, чтобы не скучать, осуществил перевод через офшор и смотался в Израиль по новым документам. Но! — Он снова выдержал паузу. — Через полминуты после того, как Андреев получил подтверждение о благополучном переводе денег, Костик, проследивший за всеми его операциями и знавший коды доступа и пароли, перевел деньги в другой офшор на другие счета, теперь уже на Иваницкого, оставив Аркадию где-то около ста тысяч долларов из всех тех миллионов, что они умыкнули. Эдакая шутка.

— Братская, — хмыкнул кто-то из присутствующих.

— Константин настаивал, чтобы они с Иваницким немедленно исчезли из области и из страны, но тот уперся и не хотел терять деньги, между прочим, где-то около миллиона долларов. Да к тому же надеялся обаять Киру Андреевну, уговорить ее покинуть родину вместе с ним и счастливо зажить где-нибудь в Италии. Он даже намеревался ради достижения ее расположения поведать ей кое-что о происхождении своего состояния. И его нежелание уезжать, суэта вокруг продажи недвижимости и эта заикленность на Кире начали серьезно раздражать мальчика Костю,

который понимал, что пятки-то горят и надо бы сваливать. И тогда Костик решил получить причитающиеся ему проценты от украденного, не дожидаясь милостивого разрешения Иваницкого, влез в открытые им же самим счета и... не обнаружил денег. Вообще никаких. Все счета были обнулены. Он попробовал проследить новый трафик, по которому ушли средства, и ему это удалось в какой-то степени до определенной точки, но и этого хватило, чтобы понять: обратно средства переводились через первоначальные счета Аркадия. А вот дальше их след терялся. И тогда он с ужасом осознал, что Иваницкий его кинул и втайне от него, самостоятельно перевел все деньги еще раз. Костик очень испугался, отчетливо понимая, что при таком раскладе «скрипач не нужен» и в его услугах Иваницкий более не нуждается. И надо же такому случиться, что именно в этот напряженный момент появляется Аркадий.

— Он что, прямо к ним заявился? — спросил Варин.

— А знаете, да, — кивнул Илья. — Пришел прямо в новый офис с новым лицом и в новом костюме, заявился в кабинет к Иваницкому, тот как раз в это время выяснял отношения с Костиком. Сисадмина выставили за дверь, но он все же подслушал, о чем шла беседа, а когда сообразил, что это Аркадий, то решил, что это его звездный шанс отхватить все деньги. Мальчик насмотрелся всякой дряни и был уверен, что спокойно похитит Аркадия, попытает его немножечко и узнает все, что ему нужно. С этой целью даже сыворотку правды раздобыл. Херня, понятное дело, но от страху, жадности и неосведомленной дерзости могло и получиться. Но тут Аркадия убивают.

— Иваницкий? — не удержалась я от вопроса.

— Да, — кивнул Илья и посмотрел на меня. — Он сразу решил убить родственника, как только понял, что это он с новым лицом. Понятно, что тот явился за деньгами и что-то там бляел про то, что, когда Макс отказался срочно сваливать, хотя оставаться никак уже было нельзя, он и решил срочно перевести деньги, а потом сообщить брату, где они, и спокойно разделить их, когда тот придет к нему, и все в таком же духе детских сказок, а когда обнаружил, что денег на счетах нет, понял, что их забрал Максим. Мол, а теперь давай, брат, делиться. Иваницкий изобразил радость от встречи, пообнимался с Андреевым и предложил встретиться и поговорить вечером у Киры дома, сообщив брату радостную новость, что они теперь живут вместе и она дала согласие стать его женой. Аркаша обалдел и не поверил. Но согласился прийти и все обсудить. А теперь самое время про отравление, — посмотрел он на меня с сожалением. — В дело вступает твоя подруга, Кира, Елена Кротова. Максим специально

завел с ней любовные отношения, чтобы следить за тобой и знать о тебе как можно больше. Он богатый, привлекательный и холостой мужчина, к тому же не скупился на подарки, и Лена была готова для него на все что угодно. Она сделала слепки всех твоих ключей и от твоей квартиры, и от гаража. Воспользовавшись ключами, Иваницкий не раз бывал в твоей квартире в твое отсутствие и поставил там прослушивающие жучки, чтобы знать о тебе все, после того как Костик безрезультатно попытался прослушивать тебя через телефон. Кстати, он бывал там и в твоем присутствии, приходил пару раз побеседовать, поэтому, когда были обнаружены его отпечатки пальцев, это не удивило никого: ни тебя, ни следствие. Лена же по его приказу и подсыпала тебе сильнодействующий препарат. Рассчитывали, что ты впадешь в состояние, близкое к бреду и тяжелому опьянению, а после уснешь очень глубоким сном. Но препарат дал побочный эффект, и ты попала в больницу. Кротова лично сажала тебя в такси, отправляя домой, и тут же позвонила Иваницкому и доложила, что ты уехала.

— А что камеры наблюдения на подъезде? — поинтересовалась я. — Разве они его не зафиксировали?

— Камеры запечатлели прибытие Аркадия, — ответил мне Марчук. — Когда же приехал сам Иваницкий, то он с помощью луча от лазерной указки вывел камеру из строя, спокойно прошел в дом и так же без проблем из него вышел.

— А потому что сколько можно повторять населению, — возмутился какой-то полицейский, — ставьте серьезную аппаратуру, а не дешевки, тогда и выходить из строя не будут!

— Это точно, Леонид Федорович, — согласился с ним полковник.

— Подождите! — недовольно встряла я. — Но его вы должны были заподозрить в первую очередь в убийстве. Вы что, не проверяли его алиби? И где он находился в это время?

— Проверяли, а как же, — отозвался Марчук. — Но у господина Иваницкого было железное алиби в момент смерти Аркадия и Ольги. Его обеспечила одна высокопоставленная дама из числа его любовниц.

— И что, вам не удалось разоблачить ее показания? — настаивала я в своем возмущении.

— Теперь удалось, — скривился Марчук. — Сейчас она дает другие показания и кается, обвиняя во всем Иваницкого. А тогда... — вздохнул покаянно капитан.

— А тогда все просто — перехватил инициативу Башкирцев, не давая разговору перерасти в прения. — Иваницкий скинул дружка, как сопли с пальцев. Немного фантазии: фрукты-сыр-орешки, хороший коньяк под

разговор двух любящих родственников, две пули — вот и вся инсталляция.

— Почему он решил подставить меня? — спросила я.

— Потому что к тому времени отчаялся тебя завоевать. Да и понял уже, что это бесполезно. Он, кстати, всерьез обдумывал вариант «так не доставайся же ты никому!». А тут так удачно объявился Аркаша, и Макс решил, что, когда ты попадешь в ужасную и безвыходную ситуацию и тебя задержат, вот тогда ты непременно обратишься к нему за помощью. И он поможет, а в ответ потребует определенной расплаты.

— Идиотизм! — не удержалась я от комментария.

— Это могло сработать, — пожал плечами Илья.

— С кем? — искренне подивилась я.

— С любой другой женщиной, — чуть улыбнулся он.

— А когда не получилось с Аркадием, он так же поступил с его любовницей, — отвлек нас от диалога Варин и уточнил: — Там он тоже указку применял?

— Да не понадобилось, — скривился недовольно Марчук. — В-первых, камеру к тому моменту так и не починили, и не поменяли, а во-вторых, в этот вечер соседи Киры Андреевны праздновали юбилей свадьбы. Гуляли настолько широко, что двери подъезда были постоянно нараспашку, постоянно кто-то ходил туда-сюда, и все под градусом, и никто ничего не помнил.

— Понятно, — кивнул Варин.

— А кто нанял киллера, обстрелявшего вас? — спросил полковник у Башкирцева.

— Тоже Иваницкий, — ответил Илья.

— Как же так? — подивился полковник. — Вы же говорили, любовь у него такая к Кире Андреевне, аж не могу.

— Господин Иваницкий мог быть вполне принципиальным и даже позволить себе страстно любить, но только до определенной суммы. В нашем случае разговор идет о сумме, превышающей десяток миллионов долларов. Он бы не стал озадачиваться устранением Киры, он же понимал, что это только подставляться лишний раз, если бы не испугался, — пояснил Илья и снова повернулся ко мне: — И напугала его ты. Что ты ему могла сказать такого при вашем последнем разговоре, что его настолько сильно испугало? — Все присутствующие как по команде вновь посмотрели на меня.

— Надо вспомнить, — стушевалась я от столь активного внимания и постаралась сосредоточиться. — Так. Он приезжал накануне в наше кафе. Еще помню, ужасно расстроилась, увидев его, а Макс принялся нудить, как

у него все плохо, как грозятся кредиторы и что ему вообще светит срок тюремный как соучастнику преступления, а он ни сном ни духом, и во всем виноват Аркаша. Ну, что-то в этом духе. Более витиевато, с лирическими отклонениями. И я тогда сказала ему... — я задумалась, пытаюсь поподробней вспомнить, — ...сказала, что Аркадий, скорее всего, приехал за деньгами, значит, они где-то здесь, у того, кто его убил. Мол, не он украл деньги, а тот, кто его и убил.

— А о погоде ты с ним не могла поговорить? — раздраженно поинтересовался Башкирцев.

— Не могла, — недовольно ответила я на такой выпад. — Я с господином Иваницким о погоде не беседовала, я вообще старалась с ним как можно реже встречаться и о чем-то говорить.

— Ладно, — выдохнул Илья, мгновенно затушив вспышку раздражения. — С этим понятно. Он перетрухнул, решив, что тебе что-то известно, логично предположив, что вы с Аркадием успели встретиться до того, как он его убил, и тот что-то тебе рассказал. Так что операция «не доставайся же ты никому!» снова стала актуальна.

— А кто убил самого Иваницкого? — спросил полковник.

— Костик, — почему-то ответила именно я.

— Константин, — кивнул, подтверждая, Илья. — Кира Андреевна верно догадалась. Иваницкий решил, что вот теперь-то точно в самый раз сматываться, но следует устранить еще и Костика, поскольку уж больно много тот знает. И вот Макс вызывает программиста в гараж Киры, под предлогом, что ему срочно необходимо вскрыть ее автомобиль, потому что он якобы забыл в нем очень важные документы, а ключей от машины у него нет. Его хакер уже не раз вскрывал сложные системы охраны на машинах, у него специальная программа для этого имелась. Костик же, в свою очередь, решил, что это такое ему везение поперло и он сможет как-то обездвигить Иваницкого, вывезти его в свой домик в деревне, и... снова навязчивая идея про сыворотку правды, чтобы тот рассказал, где деньги.

— А здесь они как обошли камеры и охранника на въезде? — спросил Варин.

— А не пришлось, — снова вступил в объяснения Марчук. — К камерам подключился Костя и временно их выключил, а охранника вызвали звонком по телефону из помещения, устроив прямо у входа драку двух бомжей.

— Но когда Константин вскрывал машину, он заметил, как Иваницкий достал из кармана пиджака электрошокер, и все понял. И успел айпадом, через который работал, ударить того по руке с шокером и выбить машинку.

Костя первым схватил шокер с пола и сразу применил. Ну а после нашел у Максима в кармане ампулу с препаратом и шприц. Затолкал Иваницкого в багажник, сделал укол, закрыл автомобиль, поставил его на сигнализацию и ушел, пройдя мимо охранника незамеченным, когда тот на что-то отвлекся.

— А откуда у Иваницкого сильнодействующие препараты, которые не просто не продаются в аптеках, а выдаются по учету? — спросил полковник.

— У него имелась любовница, работающая в фармобъединении на распределении медикаментов по лечебным учреждениям. Она и доставала ему препараты, списывая их.

— Наш пострел везде поспел, — хмыкнул полковник и поинтересовался: — Ее задержали?

— Да, до выяснения. Уже дает показания, — отрапортовал ему Марчук.

— Ну так что, — принял у Ильи начальственную эстафету полковник, — дело можно закрывать и отправлять в прокуратуру. Остался один, но самый главный вопрос: где деньги?

— Излюбленный вопрос всех времен и народов, — хмыкнул невесело подполковник Варин и развел руками: — И ответ предсказуемый до оскомины: неизвестно! — И обратился к Башкирцеву: — Есть шанс обнаружить деньги?

— Возможно, что и есть, спецы из отдела «К» пытаются отследить трафики проведения денежных средств, но говорят, что маловероятно. К тому же если средства прошли несколько офшоров, то... но ребята будут работать, — и он пожал плечами.

— Понятно, — вздохнул полковник. — А оба брата-акробата, единственные, кто владел информацией, убиты. Ну, что ж, пройдемся подробно по доказательной базе и по показаниям.

— С вашего разрешения, мы с Кирой Андреевной вас покинем, — поднялся с места Башкирцев. — Ваши ребята занимались основной оперативкой и прекрасно с ней справились, им и дело закрывать. А информацию из Интерпола, от европейских коллег и отдела «К» я передал капитану Марчуку, он и доложит.

— Конечно, конечно, Илья Георгиевич, — поспешил отпустить гостя московского поскорей и желательнее подалеже полковник, — рутиной мы уж тут сами.

В машине мы молчали какое-то время, обдумывая каждый свое. Я долго смотрела в окно на улицы, которые мы проезжали, а потом не

удержала в себе грустных размышлений и, печально вздохнув, поделилась невеселыми мыслями:

— Вот так взял и убил брата, с которым прожил всю жизнь, из страны бежал и дела делал. Из-за каких-то паршивых денег убил. Каждый раз, сталкиваясь с человеческим скотством, расстраиваюсь ужасно. Что бы ни натворил Аркаша, он был легким, без глубинных страстей и злодейства нечеловеческого, и уж точно не мог ненавидеть, впрочем, как и любить.

— Они обирали одиноких стариков и отправляли их в деревенские развалюхи, присваивая квартиры, а еще продавали им БАДы из аскорбинки и мела и аппараты из трех пластмассок, вымогая последние деньги у пенсионеров, собранные ими по крохам на черный день. Так что не настолько он безгрешен, — напомнил Илья.

— А я не говорю о невинности. Он делал это, осознавая, что делает, но не сам же он со стариками общался, были для этого исполнители низшего звена. Уверена, что Аркашу мало волновало, что и каким образом совершается, главное — деньги каплют. Я не назвала бы его тупым, он еще тот хитрован был и мошенник, но в нем не нашлось чистого, глубинного разрушительного злодейства, а в Максе оно сидело. Я это чувствовала и испытывала к Максиму брезгливость. Но то, что он вот так хладнокровно пристрелит Аркадия, да еще обставит это все таким образом, чтобы подвести меня под арест, при том, что он мне в любви накануне очередной раз клялся, это...

— Он написал у себя в дневнике, что всегда ненавидел Аркадия по избитой причине всех злодеев: тому досталось все лучшее, а Максу вроде как поменьше. Папаша Макса воровал вагонами, они черную икру выбрасывали оттого, что она у них прокисала, не успевали съесть. А все ж таки Макс всегда считал, что у Аркаши жизнь куда как лучше: его мама имела власть, и такую, что его папане и не снилась. Она с детства была умнее, хитрее, удачливей его отца и тащила всю семью, ее безграничная любовь принадлежала только сыну. Аркашу баловали безмерно, а с него, с Максима, тетка требовала беспрекословного подчинения и постоянных реальных достижений, конкретных дел. И так далее, список претензий прилагался. И затаил он на Аркашу в душе большое зло. В новом проекте Макс все исполнения и все риски тащил на себе, а легкая жизнь и порхание по бабам достались Аркаше. Насколько они разные, показывает такой факт: Аркадий не приобрел ни здесь, ни в Москве никакой недвижимости, относясь к жизни на родине как к временной, у него все было в аренде: дома, квартиры, машины, а Иваницкий обкладывал себя приобретениями, которые в итоге и потянули его на дно. Уехал бы следом за Аркашей, и

сильно сомневаюсь, что их бы нашли. Поднимать волну местные олигархи, властные ребята да и московские чиновники не стали бы, чтобы не светить свои нетрудовые доходы и преступное попустительство. Но Максим не мог оставить деньги, пожертвовать малым, чтобы сохранить большее. Даже ушлая тетка не объяснила мужику непреложную истину: «Не бери от жизни все — не унесешь!» — философски заметил Илья и добавил: — Но руководствовался Макс не только жадностью, в гораздо большей степени его мотивировало чувство мести.

— «Октябрюта говорят: плоховатый мальчик!» — тусклым голосом процитировала я и повторила: — От жадности и завистливой ненависти он легко застрелил брата.

— Как сказал Довлатов: «Человек человеку все что угодно, в зависимости от обстоятельств». К тому же согласись, в этом есть определенная поэтическая справедливость: вор у вора украл, и в конечном итоге преступник преступника и убил. Невольно подумаешь о божьем суде, — иронично, но с грустинкой усмехнулся Башкирцев и вдруг вспомнил кое о чем: — Кстати, — повернул он голову, отвлекаясь от дороги и внимательно посмотрел на меня, — о Лене Кротовой. Ее задержали. Она дала показания, во всем признавшись, и сейчас находится в КПЗ до суда. Она очень настойчиво просит свидания с тобой. Пойдешь?

— Нет, — холодно ответила я и повторила: — Нет. О чем она может со мной говорить? Либо попросить прощение, либо вывалить на меня все свои обиды и обвинения, порожденные большой завистью. В том, что она начнет каяться, я сильно сомневаюсь. Уверена, что ей доставляло удовольствие смотреть, как я мучаюсь и болею, а еще предвкушать, как меня арестуют. Это очевидно. Я вот вспоминаю, как ребята собирались и шумно обсуждали, чем могут мне помочь, искренне, по-честному, и она со всеми сочувствующе вздыхала, предлагала свою помощь, гладила меня по руке и в это же время тихонько сыпала отраву мне в чашку. И что, я теперь должна выслушивать весь тот обличительный бред, что ей мечтается мне высказать? Обойдется. Пусть подавится своим не пролитым на мой мозг ядом. Меня ее психоз не касается.

— Ты будешь на нее писать заявление? — спросил Илья.

— Буду, — решительно ответила я. Подумала, успокоилась и объяснила: — Простить я ее прощу, и, наверное, уже простила. Я ее где-то даже понимаю, в той части, которая касается страсти к Максиму. Она же совершила преступление не только от классовой ненависти ко мне, а от любви к нему. А он не любил никого, кроме денег, власти и себя.

— Думаю, ты ошибаешься, — мягко возразил Илья.

Мы снова помолчали.

Этот бесконечный день с его перипетиями основательно вымотал меня. Сначала похороны, потом захват в заложники, нервы сплошные с этим Костиком дерганым, освобождение и бесконечная дача показаний. Потом еще совещание, окончательно испортившее мне остатки какого бы ни было настроения. А под занавес неприятный разговор о Лене.

— Знаешь, — тихим голосом поделился мыслями Илья, беспокоенно глянув на меня, безошибочно почувствовав мое состояние. — Кто-то сказал очень правильно: «У человека в жизни две трагедии: неосуществленная мечта и осуществленная». Вот у Макса были обе. Осуществленная: он наконец-то прибрал все деньги и собрался послать далеко и подальше всю родню, отделаться от опеки тетки и стать самостоятельным. И неосуществленная: он и на самом деле в тебя влюбился. По-своему, как умел, но действительно глубоко и сильно. И даже решил осесть в одном месте, при том что они с Аркашей большую часть жизни болтались по странам.

— А теперь наконец обрели свое место в жизни, — мрачно заметила я, — на провинциальном кладбище. — И категорично потребовала, заводясь негодованием: — Все! Не хочу больше о них говорить и слышать! Травят всякой херней, засадить в тюрьму пытаются, киллера нанимают, Аркаша даже порывался несколько кредитов взять на мое имя, перед отбытием за новым лицом, тоже не брезговал никакой копеечкой, да облом для него случился. Он же не мог знать, что у меня первый муж с бзиком на тему моей безопасности и настолько вынес мне мозг вечными наставлениями на эту тему, что я держу в сейфе все документы! Я и в день свадьбы, заехав домой прямо после загса, паспорт в сейф убрала. А по ксерокопии даже очень влюбленная в Аркашу женщина оформить ему кредит на пару-тройку миллионов не могла. И это от постигшей их обоих великой любви, мать их так! Слышать больше про них не желаю! И вообще, я сегодня похоронила бывшего мужа, потом в меня пистолетом тыкали, пугали и обещали очередную дрянь вколоть, а я, между прочим, символ мира на планете! — перейдя в конце своей сбивчивой речи почти на крик, горячо возмущенно заявила я.

— Какой символ? — осторожно переспросил Башкирцев.

— Мира! «Наши женщины и дети символ мира на планете!» Слыхал?

— Нет, — очень серьезно ответил он, — не слыхал.

Продержался пару секунд и принялся хохотать.

А я вот не стала хохотать следом за ним, старательно сдерживала нервный смех и только улыбалась, и то отвернувшись к окну, чтобы Илья

не заметил.

Но этот всплеск эмоций дался мне тяжело, израсходовав последние крупички оставшихся у меня сил.

Мое измученное сознание не зафиксировало момент, как я отключилась и уже не понимала, ни как мы добрались домой, ни как я оказалась в постели — меня словно выбросило из осознанной действительности.

Проснулась я сама, никто и ничто меня не тревожило. Слава тебе, господи! — проснулась просто от того, что выпалась. Открыв глаза, прислушалась к своему состоянию и констатировала, что прекрасно отдохнула и чувствую себя бодрой и даже местами радостной. Посмотрела на часы и присвистнула — а ничего я так поспала: половина первого дня.

Ну, что ж, пора вставать!

В кухне я обнаружила Башкирцева, развалившегося на диване в позе отдыхающего хищника — обманчиво абсолютно расслабленного, но готового в любой момент к действиям. Он смотрел телевизор, включенный на минимальную громкость, и пил что-то из большой кружки.

— О! — обрадовался Илья, поднявшись. — Ты проснулась! — подошел, обнял, поцеловал в лоб и присмотрелся к моему лицу. — Как себя чувствуешь?

— Прекрасно, — бодро отрапортовала я и спросила: — Я что-то не помню, как вчера мы домой добрались.

— Ты заснула в машине, — пояснил он. — Резко так: раз, и все, словно сознание потеряла. И я отнес тебя в кровать.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Я заботливый муж, — похвалил он себя.

— Бывший, — уже на автомате напомнила я ему.

— Это ошибочное утверждение, — усмехнулся Илья и снова поцеловал меня в лоб, развернул и мягко направил к выходу: — Иди, умывайся, я тебе завтрак приготовлю.

Завтрак больше походил на обед своим обилием и разнообразием предложенных блюд, но я не роптала. Почувствовав, что ужасно голодна, я с удовольствием уплетала все подряд. А Илья, для которого настал уже ранний обед, составил мне компанию.

А когда мы наелись и, налив себе свежего чаю, сели запивать сытный обед чайком, я вспомнила про то, что давно хотела сделать.

— Забыла тебя поздравить с повышением, — от души поздравила я и уточнила: — Давно полковника получил?

— Полгода назад.

— И что теперь? — я покрутила рукой неопределенным жестом. — Твоя командировка здесь закончилась? Когда назад, в Москву?

— Командировка почти закончилась, сегодня съезжу подпишу парочку актов, документов, и свободен, — кивнул он. — А в Москву успею, сегодня пятница, выходные впереди. Посмотрим, — напустил он туману.

— А как ты вообще получил эту командировку?

— Я получил повышение и переведен в Главное управление уголовного розыска на начальственную должность, — огорошил Илья.

— Да ты что! — восхитилась я. — Поздравляю! Это классно! — и покачала головой от искренней радости за него. — Очень здорово! Поздравляю от всей души!

— Спасибо, — улыбнулся он.

— И как тебя, такого свежего начальника, сюда отпустили?

— Легко, — принялся пояснять Илья. — Назначение пришло три недели назад. Свою бывшую должность я уже передал преемнику, а новую еще не принял, там дорабатывает последние недели мой предшественник. И тут приходит запрос на тебя из этого областного управления. Я и выписал сам себе командировку, а начальство одобрило, хоть и со скрипом. Но вообще-то без вариантов, даже если бы не одобрило, я бы все равно поехал, это же понятно, — пожал он плечами и отпил чаю из кружки.

— Да не очень, — не согласилась я. — Чего тебе беспокоиться? Я твоя бывшая жена, и ты как-то за это время ни разу не посчитал нужным объявляться и беспокоиться обо мне. Чего бы сейчас озадачиваться?

— Что за глупость? — искренне удивился Илья. — Я же говорил уже, что приглядывал за тобой.

— Да что тебе могли сообщать? — отчего-то сразу же завелась я негодованием. — Вон у меня два трупа в доме, похищение и стрельба, а ни дед, ни Альбина об этом знать не знают, и я еще сильно подумаю, надо ли им знать вообще!

— Но у меня есть и иные информаторы в этом городе, — напомнил Илья.

— Какие информаторы?

— Разные, — усмехнулся Башкирцев. — Кое-кто и из числа твоих друзей и людей, приближенных к тебе.

— Каких друзей? Да как?.. — недоумевала я.

— Да просто, — снова пожал он плечами. — Приезжал сюда несколько раз, общался с людьми, можно сказать, завербовал некоторых.

— Ты приезжал? — совсем обалдела я от таких новостей.

— Приезжал, смотрел на тебя издали.

— Смотрел... — повторила я за ним потрясенно и вдруг почувствовала негодование: — А что, подойти было нельзя? Поговорить, а?

— Ты не хотела. Я пытался, если ты помнишь, даже просил Матвея Петровича посодействовать, но ты отказалась разговаривать.

— Но год! — возмущалась я. — Целый год ты не предпринял ни одной попытки поговорить со мной, выяснить, в чем проблема, да просто вернуть меня!

— А ты этого ждала? — спросил он напряженно.

— Я? — опешила я от такой постановки вопроса и растерялась: — Наверное... — сбилась я со всех моих праведных негодований, вдруг подумав: а чего я, собственно, на самом деле возмущаюсь-то. И честно призналась: — Ждала, наверное, — подумала и более твердо повторила: — Может, и не отдавала себе отчета, но мне, конечно, хотелось чтобы ты появился и как-то проявил желание меня вернуть. И про любовь бы мне не мешало напомнить. Почему ты этого не сделал?

— Я хотел. И много раз порывался, но потом останавливал себя, — с грустью признавался Илья. — Я понимал, что тебя угнетает что-то. Ты решила отнести эту душевную маету на счет моего невнимания. Нет, конечно, имело место и мое невнимание к тебе, и я понимаю, что был неправ, но дело-то в другом. Ты такая девочка, которую не устраивает бездумная жизнь, где работа, это просто работа — неинтересная, нудная, зато хорошо платят, а быт, просто быт, как у всех. Ты не можешь без интересного дела, которое бы захватывало тебя, доставляло радость и имело бы для тебя глубокий смысл. Пока приспосабливалась к новой работе и должности, осваивалась в ней, ты чувствовала интерес, а как только все наладила и процесс заработал в штатном режиме, тебе стало тоскливо и скучно там. А тут еще и я со своим ненормированным графиком. Вот тебя и сорвало. Тебе надо было разобраться с самой собой. И ты правильно сделала, что уехала из Москвы: перемена места жительства и смена деятельности помогают яснее увидеть и осознать проблему. Вот я присматривал издали и не мешал.

— Да я успела замуж выйти за это время и развестись! — возмущалась я, понимая, что он, как всегда, смог постичь самую суть проблемы.

— Да господи! — скривился Башкирцев как от лимона. — Какое там замуж! — и махнул рукой. — Сначала и я подумал: может, ей нужен именно такой мужик? Молодой, богатый, благополучный, вращающийся в самых высоких кругах уездного общества. А потом навел справки, присмотрелся, и что-то мне в нем сильно не понравилось, а со второго взгляда понял, что он простой бонвиван, так, ни о чем человечешко. И

мысленно отвел тебе месяц на то, чтобы ты в нем разобралась, после чего просто приехал бы и забрал тебя у него. Ты справилась за две недели.

— За один день, — уточнила я крайне недовольным тоном. — На следующее утро после свадьбы. — И решила выяснить: — Но... ты за мной, как ты говоришь, присматривал, и собирался вернуть, и при этом позволил мне выйти замуж за другого мужика? И, извините, спать с ним?

— Я уже все объяснил, — холодным тоном отрезал Башкирцев. — Тебе надо было разобраться с собой. Во всех жизненных планах, и понять, что для тебя важно, а что.... И в интимном аспекте, и в сексе тоже.

— Да какой там секс, — отмахнулась я.

И только после сообразила, что именно сказала, и посмотрела на Илью растерянно.

— Тем более, — усмехнулся он.

— То есть получается, ты такой весь молодец: все понял про жену строптивую, отпустил ее и предоставил ей возможность разобраться со своей жизнью, с поиском себя самой, а она, стрекоза эдакая, — вредничала я, понимая, что скорее всего так оно и есть.

— Ну, почему же, — хмыкнул Башкирцев. — Я своей вины не отрицаю. Я женился на тебе, и моя жизнь улучшилась необычайно: в доме всегда был горячий завтрак, обед и ужин, наглаженные рубашки и чистые носки стопочками, и прекрасная любящая жена, и фантастический секс. У нас даже пахло радостью и счастьем. Я балдел от всего этого, да только не посчитал, что и я должен как-то изменить свою жизнь и свое отношение к работе. Как жил долгие годы, когда все мое существо заполняла только работа, так и продолжил жить. Я откровенно не понимал, почему ты так нервничаешь и переживаешь, когда я подхватываюсь посреди семейного праздника и убегаю на вызов. Ну неприятно, разумеется, и жалко, но что расстраиваться-то так уж. Меня словно и не было в нашей жизни. А я должен был это понять, я старше тебя на десять лет и привычен к постоянной аналитической работе разума, а не дал себе труда осмыслить свою новую семейную жизнь. Я многое передумал, проанализировал и понял за этот год. Мне пришлось. Потому что выяснилось, что я не могу без тебя жить. Вернее, могу, но как-то не очень.

— Только не кайся, Башкирцев! — попросила я.

— Не, — покачал он головой. — Не до такой степени не могу, — коротко рассмеялся и вернулся к прежнему задумчивому тону: — В жизни мужчины бывает несколько женщин: первая, последняя и единственная. Не я сказал, кто-то очень умный. Ты моя единственная женщина, а я твой единственный мужчина, и, пожалуй, больше нет нужды расставаться и как-

то экспериментировать, чтобы мы оба это осознали окончательно, достаточно с нас и этого года. Не обещаю, что прямо вот так все сразу и кардинально изменится. Я буду так же постоянно задерживаться на работе, и по тревоге в особо сложных ситуациях меня буду выдергивать, и, скорее всего, когда-нибудь и ночевать вне дома. — И пошутил: — Но в гораздо меньшей степени, я ж теперь начальник. Но я могу обещать только одно: я всегда с тобой душой, телом, мыслями, даже когда буду думать только о работе. — И усмехнулся: — А когда стану генералом, ты от меня еще устанешь: по вечерам Башкирцев в тапочках на диване у телика, это наверняка будет еще то явление.

— Это понимать как предложение? — уточнила я, не разделив его веселья.

— Да какое там предложение, — махнул он и вздохнул. — Естественное развитие событий: тебе надо вернуться домой и вернуться за меня замуж.

— А если мне здесь хорошо? — спросила я. — У меня прекрасная работа, по крайней мере, мне она нравится куда как больше прежней, да и город этот мне по душе.

— Это сложнее, — вздохнул Башкирцев. — Меня так сразу не переведут. Придется с годик в новой должности поработать и только потом думать, как сюда перебраться. — И посмотрев на меня жалостливо, вздохнул: — Вообще-то не хотелось бы, там все родное, наработанное, а тут, считай, что все сначала, с нуля. Хотя, с другой стороны, генерала я здесь быстрее получу.

— Ты что... — поразила я до глубины души, аж глаза выкатила, рассматривая его выражение лица, — готов переехать сюда?

— Я не готов, — честно ответил Илья. — Но если придется и ты на самом деле так уж тут приросла и устроилась душевно, то что поделаешь...

— Илья... — теряла я слова, потрясенная. — ... ты... не знаю!

Подскочила с места, метнулась к Илье, плюхнулась к нему на колени, обняла за шею и прижалась, жарко шепча на ухо:

— Ради меня ты готов вот так все переменить! Это... — снова забыла я все слова.

— Знаешь, дорогая, — заявил он с преувеличенной серьезностью. — Одной благодарности здесь будет маловато, давай-ка в постель!

Я отстранилась и посмотрела на его улыбающееся лицо, чувствуя, как переворачивается все у меня внутри и бухает растревоженное сердце, переполненное глубоким чувством к этому мужчине и благодарностью за все и за то, что сейчас он одной фразой перевел напряжение нашего

непростого разговора в шутку.

— Что? — спросил он.

— Обдумываю, на каких основаниях тебе отказать, — ответила я, счастливо улыбаясь, и вдруг, неожиданно даже для самой себя, спросила: — Как же так все получилось?

Спросила путано, но он понял, о чем я. Он, конечно, понял, коротко поцеловал меня в обе щеки и, с грустинкой улыбаясь, ответил:

— Как говорится, без стресса нет прогресса, дорогая, — придвинулся ко мне, коротким поцелуем коснулся моих губ и прошептал: — Жизнь — невероятно удивительная штука. И загадка ее в том, что, как ни странно, она небезнадежна при всей ее сложности и ужасах.

— Это точно, — подтвердила я уверенно и усмехнулась. — Но тебе совершенно не идет философствовать. Подожди до генерала, тогда это как-то более органично будет слушаться.

— И то верно, — согласился Башкирцев и совсем другим, бойким тоном поинтересовался: — Ну, что? Попьем еще чайку с десертниками?

— А ваше предложение в постель в виде воздаяния герою? — усмехнулась я.

— Остается актуальным и начинает действовать после десертиков, — растолковал Илья с самым серьезным видом.

— Вот так всегда! — вздохнула я преувеличенно расстроено. — То трупы, то стреляют, то захватывают, то десерты, а до самого главного дело доходит в последнюю очередь.

Он запрокинул голову и громко, от души рассмеялся, а я поддержала, как порядочная жена, пусть и бывшая.

— Дорогая, — обратился ко мне Илья, когда мы заканчивали пить чай, а он доедал последний кусочек любимого десерта. Посмотрел на него, полюбовался, положил в рот, посмаковал, закрыв глаза от наслаждения, затем сделал пару глотков чаю, улыбнулся и закончил фразу: — Скажи-ка мне, как родному: где деньги?

И я устала на него, не особо-то и удивившись этому вопросу.

А чего я ожидала? Чему удивляться, это же Башкирцев. У него разум работает, как мощный компьютер, не пропускающий ни одной мелочи мимо.

Я пожала плечами и, изобразив невинность, улыбнулась и сообщила:

— А денег нет, Ильюша.

— Что, всех денег нет? — уточнил он сдержанно. — Если я не ошибаюсь, там что-то около семисот миллионов?

— Семьсот пятьдесят два миллиона триста девяносто семь тысяч

рублей, — назвала я точную сумму.

— Урожайно, — покачал он головой и спросил, резко сменив тон на следовательский: — Как ты их увела?

Я вздохнула и принялась рассказывать.

Еще в начале нашей совместной жизни Илья привел меня в контору, в которой подрабатывал, чтобы показать, где пропадает в нерабочее время, и представить меня всем.

Фирму эту организовали в конце девяностых два друга, Антон Ринков и Михаил Дубинин. Два очень серьезных дядечки, некогда бывших спецназовцев ФСБ, и брали они к себе на работу сначала только своих ребят, так же, как они, ушедших по разным причинам в отставку, а чуть позже стали принимать бывших силовиков, имевших достойные рекомендации. За почти двадцать лет эта фирма изменилась, понятное дело: разрослась, появились филиалы, произошло разделение по направлениям работы.

Не суть. Я особо не вникала, сразу сообразив, что излишнее любопытство будет людям неприятно.

Но! Когда мы добрались до комнаты программистов, вот там-то я и зависла, сразу же позабыв про рекомендованную скромность в вопросах.

На тот период времени я уже пару лет как увлеклась освоением компьютерных возможностей, закончила специальные курсы для продвинутых пользователей и прошла углубленное обучение программированию, и многому училась самостоятельно.

Ну вот интересно мне было это дело.

А тут эти ребята ринковские вообще чума!

То, что они хакеры обалденные, даже спрашивать не требовалось, и так было ясно, а когда они ради развлечения предложили мне показать информацию обо мне, я ужасно заинтересовалась и предупредила, что не зарегистрирована и не участвую ни в одной соцсети и даже не просматриваю никакие новости. Они удивились.

— То, что не участвуешь, понятно, — сказали ребята, — любой, хоть сколько продвинутый чел в этой подставе не участвует. А почему не просматрива-ешь-то?

— Раньше просматривала, а в какой-то момент поняла, что трачу немерено своего драгоценного времени на просмотр чьих-то не самых блистательных мыслей, фантазий, фотографий, рассуждений. Что почему-то смотрю на чью-то чужую жизнь, мне мало интересную. А новости просматриваю по большей части негативные или все про ниже пояса.

Потом как-то даже посчитала, сколько на это трachu, и поразилась — можно за месяц за это время двадцать достойных книг прочесть.

— Круто! — похвалили парни. — Серьезная де-вочка!

И показали, что обещали... — а я обалдела!

Такого количества информации о себе в Сети я не то что не ожидала, я ни сном ни духом и предположить не могла: какие-то фотографии, выложенные друзьями и знакомыми, все мои данные, начиная с садика и до сегодняшнего дня, некоторые документы, банковские карты, копии паспорта и... да практически вся жизнь! Даже мой психологический портрет по какому-то сто лет назад пройденному тесту при собеседовании о приеме на работу.

Я была в шоке! Не передать в каком! Получалось, что никакой тайны личности и приватности быть вообще не может! Даже если ты не сидишь в сетях и стараешься вообще о себе лишнего не афишировать! А уж когда в соцсетях... — то про вас известно абсолютно все! Даже то, что вы и предположить не можете!

А парни добавили впечатлений, объяснив, что для того, чтобы достать все эти сведения, не требуется особо продвинутый программист. Надо просто знать некоторые ходы и программки. И большая часть работодателей уже давно пользуются при приеме на работу таким вот собиранием информации о потенциальном работнике и на основании ее принимают решение: взять или отказать. А в скором времени даже и личное собеседование с претендентами не понадобится, достаточно просмотреть собранные из Сети данные о человеке.

Ну и естественно, что я тут же, не сходя с места, решила, что мне надо немедленно подкорректировать сведения о себе, удалив большую их часть из свободного доступа.

А как это сделать? Моих, пусть и не самых дилетантских, знаний на тот момент не хватало. И я попросилась к ребятам на учебу, пообещав быть их лучшей ученицей.

И они меня взяли, с разрешения своего руководства.

Я упорно ходила к ним каждый день после работы, иногда и по выходным, когда Башкирцев «зависал» в своей уголовке, а парни работали в конторе. Честно сказать, они настолько балдели от своего дела, что торчали в офисе постоянно.

Начнем с того, что они кардинально изменили мое представление об Интернете, программировании как таковом.

Ну и очень многому обучили.

С их помощью я приобрела мощнейший комп, а они сделали тюнинг

этого агрегата, добавив различных плат и системных блоков, теперь мой любимый муж нещадно эксплуатировал меня дома в своих рабочих целях. Разумеется, в глубокой тайне от начальства.

Первым делом я «подчистила» информацию и данные о себе в Сети. Причем под понятием «подчистила» подразумевается: извела полностью, без возможности восстановления удаленной информации.

Для чего мне понадобились такие знания и умения?

А сама не знаю. Честно. Просто было необычайно интересно, захватило, и потом я люблю, если уж взялась за что-то, то делать это как можно лучше. К тому же Башкирцев прав — мне к тому времени было уже скучно на основной работе и хотелось заняться чем-то захватывающим.

Когда я вышла замуж за Аркадия и поселилась у него, то уже через день поняла, что он и Макс не простые коммерсанты, а весьма темные ребята, занимающиеся туманными делами, с явным душком.

Я все-таки три года прожила с первоклассным сыскарем, чтобы не уловить такие вещи. К тому же этому озарению не в малой степени способствовало и то, что Аркаша даже не утруждал себя соблюдением осторожности, разговаривая по телефону, чуть ли не в прямую обсуждая дела, бывало, что и документы оставлял дома. Да и вообще оказался крайне небрежен и беспечен.

Прав Башкирцев — слишком долгая безнаказанность лишает осмотрительности, развращая ум.

Ну, а поняв, что мальчики мутят что-то нехорошее, я влезла в комп Аркаши, хотя там и стояла приличная защита.

А через его почту и ссылки вошла на рабочий компьютер в их конторе и «вскрыла» ноутбук Макса.

И вот тут-то столкнулась с работой очень серьезного хакера, которым оказался Константин. Честно сказать, сначала струхнула, думала, поймает, а потом разозлилась — да сейчас! И решила, что пободаемся мы с тобой, мальчик, я тоже кое-что умею!

И не поленилась, побывала в кабинетах Аркаши и Макса в их офисе и у Иваницкого дома, поставив на все их компы скрытую программу удаленного управления, тщательно ее закамуфлировав от ненужного интереса Костика.

И так себе потихоньку следила за активностями этих деятелей.

Ну а когда поняла, что настал час икс и Аркаша готов к решительным шагам, а следом за ним и Костик, просто дождалась прохождения всей этой чехарды с номерами и перекидыванием денег с офшора на офшор, и через минуту после пришедшего Иваницкому подтверждения в получении

перевода и зачислении денег на его банковский счет перевела их обратным ходом через первоначальные счета Аркаши и дальше...

Пусть ищут.

Разумеется, несколько раз старательно все зачистив. И еще раз, а для надежности сделала множество ложных трассеров и следов. Перестраховалась раз десять, так что денежкам пришлось попутешествовать по всему миру не один раз. А еще подделала свой код-почерк, такой финт, которому меня парни научили. На всякий случай.

Вот как-то так.

Как узнала пароли, коды и номера? Не смешите.

Костик, кстати, от того самого развращающего чувства безнаказанности, что и его начальство, и гордыни, излишне чешущейся в неположенных местах, как и они, расслабился без меры и позволял себе лениться и на многое забивать, частенько за собой не подчищая и не проверяясь лишний раз. А ведь работа хакера на восемьдесят процентов состоит из нудной и долгой кропотли по удалению сделанных шагов и зачищению всех следов за собой и осторожности, состоящей из бесконечной проверки-перепроверки того, что ты сделал.

Начал лениться, как Костик — и привет тебе от серьезных дядечек, и хорошо, если в погонах, а не с характерной внешностью.

Да и с головушкой у него, прямо скажем, последнее время не совсем, чтобы лады, но это уже точно не имеет никакого значения.

— Так где деньги? — выслушав меня, снова спросил Башкирцев.

— А нету, — радостно улыбнулась я ему и развела руками. — Денег нет. Зато есть девочка Манечка, обалденная девчонка, ей годик и три месяца. У нее родовая травма позвоночника и полная обездвиженность нижней части тела. В Германии ей сделали три операции, и она уже сгибает ножки и после курса реабилитации будет совершенно здорова на всю жизнь. А еще есть Юрочка, потрясающий мальчик, такой щекастый симпатяга, у него врожденная недоразвитость обеих бедренных костей. Ему предстоит долгий путь, где-то около года, но немецкие врачи уверяют, что смогут полностью восстановить нормальную функцию костей. И есть еще мальчик Игнат, ему ампутировали правую ножку и делают протез. Сейчас изготавливают бионические протезы последнего поколения, которые встраиваются в нервную систему человека, все ужасно сложно и так же дорого, но у ребенка теперь есть прекрасный протез, который будут менять по мере его роста. И таких ребятшек пока всего десять. Кого-то прооперировали и начали курс реабилитации, кто-то уже вернулся домой, а

кто-то еще долго будет находиться в клиниках.

— По-хорошему, Киронька, деньги надо было бы вернуть, — с сожалением заметил Илья.

— Кому? Тем ребятишкам, которые решили домики занять в заповедных местах? Это не тем ли, на которых уже заведены уголовные дела? Они не последнюю копейку отдали и не квартиру родительскую продали, чтобы улучшить свое тяжелое жилищное положение. И, насколько мне известно, далеко не все они готовы признать себя пострадавшими от этой аферы и написать заявление с требованием вернуть внесенные деньги. Жмутся ребята и не торопятся признаваться в несправедливо нажитых капиталах, свобода как-то дороже, там же половина чиновников высшего звена, у которых по определению не может быть таких капиталов. И куда тогда у нас уйдут финансы, а? — спросила я его с пристрастием и сама ответила: — В финансовый отдел полиции? О, замечательно! Будут висеть на счетах, как вещдоки, а дело тихо-мирно затянется на неопределенный срок и быстренько позабудется, как его и не было. Ну а денежки странным образом за это время растают, как дым, переключаясь от одних коррумпированных ребятков на счета других. Под видом каких-нибудь насущных нужд полиции, ремонта зданий, скажем, в Мухоморске, где проверочных комиссий с царского времени отродясь не водилось, или на обновление парка автомашин в Урюпинске. И так далее. Так что не говори мне, что деньги надо вернуть. Нет их! Лежат недоступно где-то на счетах безвременного погибшего Макса. И кроме него, никто к ним доступа не имеет и найти их не сможет.

— Не стану говорить, — вздохнув, пообещал Илья и спросил: — И что дальше ты с ними планируешь делать?

— А уже делаю, — повеселела я. — Мне совершенно случайно попала информация о Манечке, я решила, что надо посмотреть на девочку, и поехала в их город, познакомилась с ее семьей, помогла с поездкой в Германию. И неожиданно поняла, что мне невероятно нравится этим заниматься. Что у меня и на самом деле есть талант управления и администрирования и мне приносит настоящее удовлетворение и радость, когда у нас с родителями этих деток и врачами все получается. Вот этот результат поистине ценный и стоит того, чтобы за него биться всеми доступными способами. Я осознала, что хочу заниматься именно этим, и уже оформила некоммерческий благотворительный Фонд помощи детям с проблемами опорно-двигательного аппарата под названием «Победим». Я являюсь его единственным учредителем и директором, но, поскольку он благотворительный, то мне не положено получать там зарплату. Поэтому я

решила, что вывезу ценные вещи отсюда и сдам эту квартиру внаем, а так же, — вот тут я с грустью вздохнула, — продам бизнес. Я уже посоветовалась с дедом, правда, он всего еще не знает...

— Как я понимаю, — перебил меня довольно строго Башкирцев, — Матвей Петрович много чего не знает.

— Ну да, — сделала я покаянное лицо. — Но о том, что я собираюсь вернуться в Москву, я ему сообщила и спросила про продажу бизнеса. Мы с Альбиной посоветовались и решили, что так будет лучше. Она на эти деньги хочет открыть магазин и кафе, в которых будут торговать продуктами, произведенными Мартинесом и его семьей, а может, и несколько магазинчиков, я свою часть денег положу в банк, а на арендную плату от квартиры и проценты от вклада буду жить.

— Вообще-то у тебя есть муж, который зарабатывает, — напомнил с нажимом Илья.

— Ну и муж, хоть и бывший, — кивнув, согласилась я, — который зарабатывает. Понятное дело, что вся сумма сразу не опустится на счет фонда, я перестраховалась, по-моему, даже чересчур, и разбила ее на одиннадцать разных траншей. Они станут поступать на счет в течение года с различных счетов и из разных стран от анонимных жертвователей. Первая и одна из самых крупных сумм уже пришла позавчера. Так что еще несколько формальностей, и я могу начинать работать. А еще я подумала, что, наверное, хорошо бы поступить в мединститут и подучиться, чтобы лучше разбираться в проблеме. Но это планы на перспективу.

И замолчала, глядя на Илью в ожидании его реакции. Но он не торопился с ответом, рассматривая меня и о чем-то напряженно размышляя.

Я ждала его решения, непроизвольно стараясь даже дышать потише, а сердце колотилось, словно я пробежала стометровку на время.

Я все понимаю!

Вообще-то я толкаю его на должностное преступление. Он полковник полиции и обязан соблюдать закон. И то, что я сделала, как бы благородно, по-робингудовски не выглядело, на самом деле банальное хищение денежных средств и сокрытие их от государства.

То есть преступное деяние, которое Башкирцев как представитель закона обязан предотвратить и задержать преступника, то есть меня.

Так и молчали. Он думал, а я, еле дыша, смотрела на него и слушала, как тарабанит сердце у меня в груди. А потом он глубоко вздохнул, решив что-то.

— Ну, что скажешь? — подвел он итог моим признаниям. — Королева.

Красть — так миллионы, обыгрывать и обводить вокруг пальца — так преступников международного уровня, любить — так до смерти, — и посмотрел мне в глаза. — Я не буду говорить тебе, что надо вернуть деньги, и помогу с фондом всем, чем смогу.

— Ильюша! — подскочила я, задохнувшись от радости и благодарности, четко отдавая себе отчет, на что он идет и чем жертвует, принимая это решение. И кинулась вперед, с ходу усевшись к нему на колени и обняв за шею обеими руками.

А он, чуть отстранившись, посмотрел на меня самым строгим своим взглядом и заявил суровым тоном:

— Вот теперь, Кира Андреевна, на самом деле одной благодарности совершенно недостаточно: давай-ка в постель!

Повода для отказа я не нашла и... В общем, в местное управление подписывать какие-то там документы и закрывать дело Илья Георгиевич отправился после обеда. Очень-очень после обеда, ближе к понятию «перед ужином».

Башкирцев уехал в Москву, а я осталась заниматься продажей бизнеса, устройством квартиры для сдачи и попутным, чуть ли не каждодневным уговариванием бабушки не бояться оставаться одной в городе, аргументируя это вынужденными обстоятельствами.

По большому счету, Ангелине Григорьевне было пофиг на все наши обстоятельства, и она вообще ничего не боялась, тем более что у нее теперь имелось две помощницы по хозяйству, постоянно проживавших с ней в усадьбе: все та же преданная Зина и ее старшая сестра, недавно присоединившаяся к ним.

Но выступить, это же святое, когда еще придется донимать родню, вот бабушка и отрывалась.

Мне пришлось пережить гнев деда, когда мы с Ильей, приехав к нему, рассказали в подробностях про трупы у меня в квартире и все последующие страсти-мордасти. Матвей Петрович негодовал, а я клятвенно пообещала ему больше никогда ничего не скрывать, переглянулась с Ильей и выложила про фонд и стыренные деньги.

Дед посмеялся и похвалил, пообещав всяческую помощь с фондом. А мне не помешает, мы и на самом деле, без дураков и обмана, будем благотворительной организацией, и я лично стану проверять каждого кандидата на помощь, вернее, его родственников, и ради этих целей не постесняюсь нагрузить мужа родного, хоть и бывшего, и его контору, как основную, так и побочную загадочную, да и сама кое-что могу в этом

аспекте предпринять.

Кстати, насчет бывшего. Башкирцев старался приезжать ко мне каждые возможные выходные, да и я теперь частенько каталась в Москву, вплотную занимаясь делами фонда. Так что виделись мы почти регулярно, и каждый раз Илья требовал, чтобы мы немедленно пошли в загс и вернули меня в замужество с ним, но теперь уже мне было совершенно некогда, как и ему.

За это время я многое переосмыслила и поняла.

Мы настолько заняты собственными персонами, нашими переживаниями, надуманными и реальными проблемами, нашими претензиями миру и окружающим, что крайне редко, а скорее что и никогда вовсе, не даем себе труда мысленно встать на место другого человека и посмотреть на обстоятельства его глазами, с точки зрения его жизни.

Меня раздражало и обижало постоянное отсутствие мужа в нашей жизни, то, что за три года нам ни разу не удалось отметить совместно наши с ним дни рождения, например, и всего один Новый год. Что в отпуск мы так ни разу и не съездили вместе, потому что в самый последний момент его срывали на службу.

Я дула губы и обижалась и чувствовала себя задвинутой куда-то в область газовой плиты, за метлу и швабру. И только теперь, столкнувшись с по-настоящему тяжелыми болезнями и недугами маленьких детишек, с горем их родителей и близких, я вдруг подумала — а что, собственно, я предъявляла Илье и какой мерой можно измерить его выбор, на каких весах? На тех, где на одной чаше лежит моя обиженность, а на другой — трагедия семьи, в которой убили человека: любимого мужа, сына, брата, отца. И как это взвешивать? Что Башкирцев не сидит с нами за столом, не выпивает-закусывает, не подпевает под гитару и не гуляет по парку и так далее, а вместо этого ищет ту сволочь, которая отняла у родных их любимого человека.

Вот, скажем, в тот раз, когда Илью сняли звонком буквально с трапа самолета, он выехал на зверское убийство семнадцатилетней девчонки, у которой мать, узнав о том, как убили ее ребенка, поседела за ночь и которая не сошла с ума только потому, что Башкирцев ей твердо обещал, что поймает этого упыря.

Поймал. Разумеется. Он всегда держит свое слово.

Так что перевешивает на этих весах? Что? Бабская обиженность или жизнь человека?

А еще подумала, что все эти условности и мими-мишки про важные даты, цветы-подарки и поздравления с днем первой встречи, свадьбы и бог

знает еще с чем нужны исключительно нам, женщинам, и только для того, чтобы чувствовать себя важной и нужной в жизни мужчины.

А просто так ты себя важной и нужной не чувствуешь? И не в его жизни, а хотя бы в своей собственной? Ну так, для начала — себе будешь нужна, и остальные подтянутся.

Башкирцев всегда напрочь забывал все даты, — нет, уверена, что наверняка помнил, но ему было не до этой, кем-то названной обязательной в сентиментально-романтических традициях шняги.

И я подумала, что для меня куда как важнее не то, что он будет помнить про какие-то там даты, а то, что этому мужчине я доверяю безраздельно даже свою жизнь и точно знаю, что при любой ситуации, даже самой гнусной, он вытащит меня, возьмет на себя всю ответственность и решение проблемы и закроет собой от чего угодно, хоть от пули в упор.

И, знаете, мне кажется, что это на всю жизнь важнее всего сентиментального киселя, который только можно придумать.

Хотя... мог бы и про дату свадьбы вспомнить, и цветочки подарить, не помешало бы!

И вот, за размышлениями и делами в начале декабря случилось-таки это знаменательное событие. Отправив большую часть ценных вещей контейнером в Москву, подготовив квартиру к сдаче и договорившись с Верой о том, что она станет присматривать за жильцами и домом, собрав все оставшиеся свои вещи в несколько коробок и баулов, я была полностью готова покинуть этот город.

Илья приехал накануне, практически ночью пятницы на машине, принадлежавшей раньше Альбине, да не один, а прихватив для компании Витю и Валю, которые согласились помочь и перегнать в Москву мой автомобиль, то есть бывший до расстрела джип Ильи, перешедший мне во временное пользование.

А у нас с Ильей за эти месяцы получился настоящий роман — мужчина и женщина, проживающие в разных городах, мотающиеся в гости друг к другу, страстно отдаваясь интимной близости при любой возможности, как пылкие молодые любовники.

Ну чем не роман?

Вот и сейчас мы лежали, приходя в себя после потрясающего оргазма, и я, отдышавшись, посмотрела задумчиво на Башкирцева, лежавшего на боку лицом ко мне.

— Что? — спросил он, почувствовав даже с закрытыми глазами мою сосредоточенную задумчивость.

— Учебу в мединституте придется отложить, — вздохнув с сожалением, сказала я.

— Почему? — удивленно открыл он глаза.

— Я беременна, и к лету у нас будет ребенок, — простенько и без изысков сообщила я.

— Что? — встрепенулся он, сведя задумчиво и тревожно брови. — Какой ребенок?

— Обычный маленький ребенок, — ответила я, приблизительно представляя, к чему идет дело.

Илья резко сел на кровати, всмотрелся в выражение моего лица и спросил с нажимом на каждом слове:

— Ты родишь ребенка?

— Да, — сдерживая усмешку, подтвердила я. — Месяцев через пять где-то.

— Та-а-ак! — протянул потрясенно Башкирцев.

Подскочил с постели, нашел на полу и натянул на себя нервным движением трусы и принялся ходить туда-сюда возле кровати, сопя и что-то напряженно обдумывая.

А я всячески старалась сдержать безудержно рвущееся из меня веселье.

— Кира! — набегавшись, присел он на кровать лицом ко мне и страдальчески-умоляюще произнес: — Как это вдруг ребенок?

— Можно я упусти подробное описание процесса? — сдерживалась я даже от улыбки и спросила: — Ты что, боишься?

— Я боюсь?! — преувеличенно форсированно переспросил он и покачал головой. — Я не боюсь, я в панике! — И уточнил для непонятливой меня: — В тяжелой форме паники! — И спросил в явном испуге: — Ребенок? Вот такой маленький? — И показал руками, каким именно, по его мнению, маленьким будет тот ребенок.

Он и на самом деле без дураков и шуток находился в настоящей серьезной панике.

— Ну, где-то так, — согласилась я.

— И вот он будет вот такой! — он снова показал размер ладонями. — И, насколько мне известно, у младенцев надо как-то правильно держать голову, чтобы шея не сломалась. И он станет пищать и плакать, и я понятия не буду иметь, отчего он плачет, что с ним случилось и где у него болит? — нервничал все больше Башкирцев. — И не смогу помочь, а только наврежу еще больше? — И резко перешел на умоляющий тон: — Знаешь, я, может, и хочу детей, но теоретически. — И уточнил с нажимом для полной моей

ясности: — Очень, очень теоретически! Даже скорее умозрительно, и лучше у кого-то из знакомых, — и снова стал уговаривать и оправдываться одновременно. — Я все понимаю: ты молодая здоровая женщина и хочешь стать мамой. В том смысле, что ты хочешь детей, и это нормально. Но я не приспособлен к детям совсем. Я об этом думал и не знал, как тебе сказать, но я понял, что вряд ли совместим с маленьким ребенком. Поэтому, знаешь, давай договоримся. — Он выставил руки вперед ладонями, словно отгораживаясь от меня и выставляя защиту между нами. — Ты рожай, но я подойду к ребенку, только когда он начнет понятно разговаривать и устойчиво ходить, а до этого на меня не рассчитывай. Извини, но только так.

— То есть до его восемнадцатилетия? — уточнила я степень разумности дитяти.

— Это было бы идеально, — покачал Илья головой, вздохнул преувеличенно тягостно и попросил: — Давай хотя бы лет до пяти.

— Ты привыкнешь! — все-таки не выдержала я и рассмеялась.

ГОД СПУСТЯ

— Кира, ну объясни мне: зачем тебе тащить его с собой? — негодовал Илья, ходя за мной по пятам.

— Мы это все уже обсудили сто раз, наверное, — напомнила я ему, продолжая спокойно сборы.

— Ему всего семь месяцев, он еще младенец совсем, а на улице мороз несусветный! Куда ты его тащишь? — возмущался Башкирцев.

Матюша, спокойно сидевший у него на руках, сдвинув бровки, внимательно смотрел на отца, не понимая, почему тот сердится.

— Все будет хорошо, — остановилась я и успокаивающе улыбнулась мужу. — Мы пробудем в Центре всего четыре часа, он прекрасно проведет время в нашей замечательной детской комнате, кстати, с другими детками и под неустанным присмотром. Я его дважды покормлю, он поспит и погуляет в коляске, и мы вернемся домой. Парню пора выходить в общество.

— Да ничего ему не пора! Пусть здесь гуляет! — гремел Башкирцев.

— Ты на работу не опаздываешь? — спросила я.

— Нет, — недовольно отрезал Илья.

— А тебя там никакой труп не дожидается?

— Я не выезжаю на происшествия давным-давно, — напомнил он мне. — Я начальник!

— О! — подняла я палец вверх. — А начальство тебя не ждет часом,

чтобы наставить и отчитать?

— У нас с начальством полное понимание и взаимоуважение, — злился Илья все больше.

— Ну тогда подчиненные заждались, чтобы ты их попугал и наставил в свою очередь на путь истинный, — предположила я.

— Твоя ирония неуместна, — отчитал меня Башкирцев.

— Ильюш, — мягким, успокаивающим голосом обратилась я к нему. — Все будет хорошо. У нас прекрасное детское кресло в машине, самое безопасное из всех возможных, ты же сам его выбирал и ставил.

Это еще очень мягко сказано! Башкирцев достал всех продавцов и всех производителей детских автомобильных кресел, выясняя параметры, характеристики и прохождение испытаний и тестов, пока не выбрал те креслица, что его удовлетворили. Два, разумеется: одно для моей машины, второе для своей.

— Мы поедem шестьдесят километров, и не больше, соблюдая все правила. Тихо и осторожно. Тут ехать пятнадцать минут в крадущемся режиме, — поцеловала я его в щеку и предложила: — Ну, хочешь, езжай впереди нас, разведывай дорогу, как по опасным джунглям, а мы сзади. Проводишь нас, убедишься, что все в порядке, а я тебе звонить стану каждый час.

— Ладно, — подумав, согласился он и, поцеловав сына, передал его мне и принялся торопливо собираться.

Башкирцев стал прекрасным отцом. Да я и не сомневалась. И быстро научился всему. В первую очередь, правильно держать грудного ребенка, правда, стоило это мне парочку лет жизни — при любом малейшем подозрении, что делает что-то не так и может навредить младенцу, он впадал в панику и начинал истошно призывать меня на помощь. Ничего, быстро освоился и уяснил, что иногда младенцы просто плачут, даже когда у них ничего не болит.

Мне вообще-то несказанно повезло в том плане, что Матвей наш оказался спокойным, некапризным и здоровым ребенком, если представить что мне пришлось бы выдерживать, будь он, как большинство современных младенцев, истерически капризным... Нет! Лучше даже не фантазировать на эту тему.

И, разумеется, у папаши Матюши сносило крышу на предмет его и моей безопасности. Ну что поделаешь...

Все лето, до самых первых заморозков и первого снежка, мы прожили у деда в его загородном доме — на чем настояли Илья и Матвей Петрович. Дедуля, когда узнал, что правнука назвали в его честь, прослезился первый

раз в своей жизни. Смотреть, как они с правнуком общаются, это вообще чума какая-то. А если к ним еще и Илья присоединяется... я просто ухожу подальше. Все на полном серьезе — что-то рассказывают ему, фотографии показывают, а он слушает и бровки сдвигает.

Филиал Кащенко.

Сегодня у нас первый выезд «в люди». То есть в Центр нашего фонда «Победим».

Про фонд надо рассказать.

Мы работаем очень плотно и по всей стране. Беремся помогать деткам с самыми трудными случаями заболеваний и травм из любого региона страны. Вывозим вместе с родителями в Москву и начинаем необходимые лечения либо у нас в России, либо за границей.

Башкирцев подключил свои связи, и для нашего фонда выделили сначала большую комнату в Детском центре творчества, очень удачно: недалеко от нашего дома и, главное, прямо рядом с большим парком.

Ну а когда у нас стали толпиться родители и родственники с детками под дверь в коридорах, нам выделили еще несколько комнат, а добровольцы обустроили их как комнатку для грудничков с пеленальными столиками, кроватками, двумя тахтами для отдыха мам и всем необходимым, а вторую — как игровую для деток постарше, с кучей игрушек и развивающих игр. Я вот подумываю, что надо бы нам спальню для малышей организовать.

Я практически сразу набрала добровольных и постоянных помощников из числа родственников тех ребятшек, которым мы уже помогли. Люди не хотят с нами расставаться и участвуют в жизни и делах фонда. А то, что у нас каждый день толпится куча народа, так это понятно — когда у вашего ребенка такой диагноз, что все врачи сказали, что нет шансов на нормальную жизнь, и вдруг появляются люди, предлагающие побороться, привозят вас в столицу, то чисто психологически вы захотите постоянно находиться как можно ближе к этим людям и не выпускать их из виду. А вдруг это обман? Или вы что-то не так поняли? Или в последний момент окажется, что все отменяется? Или о вас просто забудут?

Это нормально. Нормально и естественно.

Поэтому каждый день полно народу и детей в Центре, все стараются помочь друг другу и самому фонду.

Открыли кафе для всего Центра, не только для нашего фонда, и там работают в том числе и наши добровольцы, совершенно потрясающе готовят домашнюю еду.

Первым делом мы наладили работу с лечебными

специализированными центрами, клиниками и институтами.

Как ни удивительно, но начали поступать деньги и от настоящих жертвователей, часто анонимных, так что работаем, и перспектива есть.

Мне не просто интересно, я чувствую, что это дело моей жизни, мне необычайно нравится, и я увлечена этой работой с реальными результатами. Разными результатами, бывают и...

Такая жизнь, бывают очень болезненные, горькие неудачи.

Мы устроились в машине втроем — я, моя свекровь и Матюша в своем креслице. Понятное дело, что Илья Георгиевич лично проверил, как застегнуты ремни безопасности на сыне и правильность установленного креслица, поцеловал Матюшу, подошел, недовольно через окно поцеловал меня и двинулся к своей машине.

Я поджала губки, сдерживая смех, свекровь закатила глаза.

Надо пояснить про свекровь.

Поначалу, когда я объявила домашним, что выхожу на работу непосредственно в Центр, не все же можно делать из дома, хотя бы часа на четыре в день, решили нанять няньку, которая будет это время сидеть с Матюшей.

И это превратилось в очередное испытание. Мало того что их личность и добропорядочность проверял Башкирцев, так он еще превратил каждое собеседование в форменный допрос.

У него рыдали матерые бабы, много лет проработавшие в детских учреждениях, молодые же девчонки так и вовсе в истериках заходились и признавались ему черт-те в чем, от воровства ватрушки в первом классе школы до интимных отношений с другом отца.

Хорошо хоть этот цирк закрылся буквально через пару дней, когда моя свекровь Елена Степановна, увидев одно из таких «собеседований», возмутилась до невозможности и волевым порядком приняла решение, что сидеть с внуком будет она сама, что полностью успокоило Илью Георгиевича.

У меня есть тайное подозрение, что именно с этой целью он и устроил всю эту экзекуцию.

Бог знает, утверждать не берусь, но Башкирцев, он ум-у-у-умный. А еще и хитрющий.

Ну а когда я поняла, что не хочу расставаться с ребенком и оставлять его хоть на час и собралась возить его с собой на работу, благо там созданы прекрасные условия для деток, свекровь тут же выказала желание ездить вместе с нами.

Отлегло от сердца у всех — все-таки родная бабушка, это вам не тетя

чужая, пусть и покаявшаяся во всех своих грехах его отцу, как перед смертью причащающему ее батюшке.

А сейчас она поглядывает на сына, отходящего от нашей машины, и в немом отчаянии закатывает глаза.

— Как ты это выносишь? — почти с благоговением и большой долей возмущения спросила она.

— Да я не грузюсь этим вообще, — улыбнулась я, посмотрев на садившегося в свой автомобиль Башкирцева, — меня его наставления и бесконечные нотации не задевают, как-то фильтрует разум рациональную часть от эмоциональной. Я же понимаю, что это издержки профессии. Ему пришлось видеть столько детских смертей и несчастий, что невольно он проецирует возможность любых происшествий на свою семью. И потом, я уверена, что лучше любящий и заботливый отец, пусть даже с некоторым перебором, чем равнодушный и отстраненный.

— С некоторым? — с нажимом переспросила свекровь. — Да у него паранойя на тему вашей с Матюшей безопасности. Я, конечно, люблю своего сына, но понимаю, что это очень крутой перебор, — покачала она досадливо головой.

— Это пройдет, — отмахнувшись небрежно, посмеялась я, — ребенку на третьем.

— Кира! — хохотнула свекровь.

— Да все это ерунда, Елена Степановна, пусть покричит, ему нужен выход для разрядки эмоций. Нормально, — усмехнулась я в ответ и поделилась секретом: — Вот я снова беременна и не собираюсь пока Илье об этом сообщать. Думаю, надо дать ему время свыкнуться с мыслью, что Матюша ездит со мной на работу, недельки так три, а потом можно и обрадовать.

— Он с ума сойдет! — рассмеялась весело свекровь.

А я посмотрела на джип Башкирцева, в этот самый момент тронувшийся с места, и рассмеялась следом за ней:

— Он привыкнет, — представила я себе реакцию мужа на ошеломляющую новость о следующем ребенке.

Это будет нечто!

СНОСКИ

Стихи Юрия Левитанского.